

Евгений Торчинов
**Таинственная
самка**

трансперсональный роман

ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Евгений Торчинов
таинственная самка
трансперсональный
роман

Евгений Торчинов

**ТАИНСТВЕННАЯ
САМКА**

трансперсональный роман

Санкт-Петербург

2013

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России (2012–2018 годы)»*

Торчинов, Е. А.

Т61 Тайственная самка: трансперсональный роман / Евгений Торчинов. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2013. — 288 с.

ISBN 978-5-93762-082-8

Неразумные Светы, деструктивные силы мироздания, расценивающие творение как зло, побеждают в двойственной природе каббалистического мессии Саббатая Цеви и осуществляют его очередное воплощение в человеческом облике, что должно привести не только к гибели человечества, но и к завершению существования всей Вселенной. В эту борьбу могущественных надмирных сил оказывается втянут скромный и ироничный научный сотрудник некоего Института трансперсональной психологии. Декорациями почти детективного действия, в ходе которого герои романа пытаются понять суть тайственных событий и интеллектуальным путем «вычислить» посланца потусторонних сил, служат реалии повседневно быта научных учреждений и их сотрудников, выведенные автором с искрометным юмором и знанием деталей. Да и как могло бы быть иначе, если автор этой впервые публикуемой книги — выдающийся петербургский востоковед и религиовед Евгений Алексеевич Торчинов (1956–2003).

Книга адресована всем любителям хорошего интеллектуального чтения.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-93762-082-8

© Боева Я. М., 2012

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2012

**«Академический экшен»
Евгения Торчинова**

Безумно жаль открывать для себя талантливого писателя, лишь когда он уже ушел из жизни, но... Такова она, эта жизнь. Конечно, Евгения Алексеевича Торчинова (1956–2003), известного петербургского ученого-китаиста, буддолога и религиоведа, нельзя назвать новичком в писательском деле: его перу принадлежит немало научных книг и статей. Однако о том, что мы потеряли не только выдающегося ученого, но и одаренного и перспективного писателя-беллетриста, мы узнаём только сейчас. Сам Торчинов относился к этому своему «факультативному» увлечению со значительной долей самоиронии. В январе 2003 г. в одном из интервью на вопрос, что нового произошло в его жизни за последнее время, он ответил так: «Произошло довольно много всего, — скорее хорошего, чем плохого... За это время я занялся сочинением романов — все вокруг пишут, почему бы не попробовать? — и написал некий текст в двух частях: “Тайственная самка. Трансперсональный роман” и “Апостолы дракона. Алхимический роман”. Там много умных разговоров, трансперсонализма, каббалистической и прочей мистики, элементы фэнтези и детектива. Постмодерн такой, одним словом. Но пока не нашел издателя: мои научные и научно-популярные работы они рвут из рук, а художественной прозы как-то побаиваются. И все же надеюсь опубликовать ее рано или поздно».

К сожалению, Евгению Алексеевичу так и не удалось увидеть свои романы напечатанными...* Но, как известно, «рукописи не горят», и книги, если они достойны этого, всегда найдут путь к своему читателю. Если бы кто-то сказал тогда, что ему *надо продолжать* писать! Возможно, мы и имели бы сейчас на литературном небосклоне явление, равное Акунину... Конечно, первые два романа Торчинова, так и оставшиеся его единственными художественными произведениями, в значительной степени «сыроваты». Автор еще только нащупывает в них свой «беллетристический» стиль: много штампов из «научного» языка (иногда кажется, что востоковед Торчинов вообще забывает, что он пишет не научную монографию, а мистический детектив), неоправданно затянутые, несколько искусственные диалоги и т. д. и т. п. Но уже в этих первых его вещах просматриваются черты, характерные для настоящего *писателя*: умение создать незаезженный сюжет и запоминающиеся характеры героев, великолепное чувство юмора, грамотно развиваемая и нагнетаемая по ходу действия интрига (в этом плане «писатели-ученые», начиная от Умберто Эко и кончая Б. Акуниным, всегда могли дать фору «чистым» литераторам). А отточенность стиля — это, как говорится, дело наживное. Вспомним, какая пропасть отделяет вполне посредственного булгаковского «Великого канцлера» от бессмертного шедевра «Мастер и Маргарита»! Но этого-то времени — на то, чтобы

* При жизни автора была опубликована отдельно только первая глава «Таинственной самки»: Вестник Балтийской педагогической академии. Вып. 76. СПб., 2007. С. 98–113.

создать подлинный шедевр, — во многом по вине нас, издателей, не разглядевших в свое время реальный потенциал Торчинова-беллетриста, судьба Евгению Алексеевичу и не отвела...

И все же мы надеемся, что эту книгу откроют не только востоковеды и прочие гуманитарии, которым имя Торчинова, безусловно, хорошо известно, а посему следует рассказать об авторе чуть более подробно.

Евгений Алексеевич Торчинов родился в 1956 г. в Орджоникидзе (Владикавказ), в 1970-х гг. учился на кафедре китайской филологии восточного факультета ЛГУ, затем в аспирантуре Государственного музея истории религии и атеизма (в настоящее время — Государственный музей истории религии), в котором потом несколько лет работал научным сотрудником. В 1984 г. он перешел в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (теперь это Институт восточных рукописей РАН). Оставив по прошествии десяти лет это известное академическое учреждение, он стал преподавать на философском факультете СПбГУ, где через некоторое время под его руководством была создана кафедра философии и культурологии Востока, которую он возглавлял практически до самой своей кончины.

За время своей деятельности, как в качестве академического ученого, так и университетского профессора, Е. А. Торчинов написал немало работ по интересовавшим его областям востоковедения, прежде всего по даосизму и буддизму. Его научные исследования, научно-популярные книги, его переводы с китайского языка постоянно переиздаются до сих пор. Многолетний опыт исследования не-

которых восточных религий (индуизма, буддизма и даосизма), называвшихся Евгением Алексеевичем «религиями чистого опыта», был применен им для разработки общих методологических проблем теоретического религиоведения. Итогом этой работы стала самая, пожалуй, известная из его книг — «Религии мира: опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника» (1997), вызвавшая широкий читательский резонанс, в том числе и за пределами научного сообщества. В этой монографии Е. А. Торчинов, исходя из представления о глубинном религиозном опыте, понимаемом как совершенно особая психическая реальность, и широко применяя разработки глубинной и трансперсональной психологии, связанные с изучением измененных состояний сознания, развивает и обосновывает новый — *психологический* — подход к религии, который сегодня имеет все шансы стать краеугольным камнем новой научной парадигмы религиоведческих исследований и сменить господствующий ныне *социологический* подход, характеризующий религию лишь внешним образом, описывающий и объясняющий ее функционирование, но не ее суть.

Естественно, в художественной прозе Торчинова не могли не отразиться его научные интересы. Можно даже сказать, что сами сюжеты обоих его романов были навеяны его научными изысканиями. И в этом он оказался верным последователем любимого им Умберто Эко, решившимся открыто преодолеть ту «табуированную границу», которая разделяет сферу академических исследований и «массовой» литературы, из-за чего сейчас уже достаточно трудно сказать кем же он является — ученым с мировым именем, писателем, чьи романы

числятся в списке бестселлеров, теоретиком литературного процесса или кем-то еще. Впрочем, как заявляет сам У. Эко, для него никогда не возникало проблем с собственной идентификацией, так как он прежде всего ученый, а его романы на самом деле являются академическими текстами*. На наш скромный взгляд, такое определение изобретенного Эко жанра все же не очень адекватно отражает его суть, но и называть, к примеру, «Имя розы» «историческим детективом», как это обычно делается в издательских аннотациях, означало бы упрощенно и редуцированно понимать это оригинальное литературное явление. Нам кажется, что наиболее подходящим названием для данного жанра было бы определение, вынесенное нами в заголовок этой вступительной статьи — *академический экшен*. И безусловно, роман Торчинова относится к типичным представителям этого жанра.

Название «Таинственная самка» отсылает нас к даосской традиции: в «Дао-Дэ цзин», как подсказывает эпиграф, «сокровенной или таинственной самкой» нарекается бессмертный «ложбинный дух», иначе говоря, собственно Дао — таинственный источник любого бытия и хранитель сути всех вещей, который, таким образом, оказывается имеющим женскую природу. Несмотря на то что «таинственной самке», этому женскому первоначалу Вселенной, предстоит сыграть в книге важнейшую роль в деле спасения мира, основная интрига сюжета завязана и протекает в русле не даосской, а каббалистической традиции: Неразумные Светы,

* См.: Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск, 2000. С. 13.

деструктивные силы мироздания, расценивающие творение как зло, побеждают в двойственной природе каббалистического мессии Саббатая Цеви и осуществляют его очередное воплощение в человеческом облике, что должно привести не только к гибели человечества, но и к завершению существования всей Вселенной. Впрочем, зловещие параллели, подтверждающие, что весь этот поздне-средневековый каббализм не является пустыми сказками, — и здесь Торчинов вступает на тропу теософского религиозного синтеза, протоптанную Рерихом, Блаватской и Гурджиевым, — действующие в книге ученые-интеллектуалы обнаруживают и в других религиозных системах (христианстве, буддизме и т. п.). стоит им только хорошенько поразмыслить на эту тему.

Вот в эту-то борьбу могущественных надмирных сил и оказывается втянут главный герой романа — скромный и ироничный научный сотрудник некоего Института трансперсональной психологии Константин Ризин, в образе которого, как без труда можно догадаться, автор выводит самого себя. (Особенно примечательными в данном контексте оказываются перемежающие сюжет интерлюдии, представляющие собой зарисовки из жизни главного героя, по которым, судя по отзывам людей, близко знавших Евгения Алексеевича, можно вполне писать духовную и событийную биографию самого Торчинова.) Декорациями почти детективного действия, в ходе которого герои романа пытаются понять суть таинственных событий и интеллектуальным путем «вычислить» посланца потусторонних сил, служат реалии повседневного быта научных учреждений и их сотрудников, которые, надо признать, удаются автору гораздо лучше

собственно «детективной» сюжетной линии. Эти реалии выведены столь точно и ярко, с таким искрометным юмором и знанием деталей, что приведут в восторг любого мало-мальски знакомого с научной средой человека.

Забавно и то, что, несмотря на предварительное стандартное уведомление о том, что «персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными», во всех этих «персонажах и учреждениях» (начиная с самого «Института трансперсональной психологии РАН») достаточно легко угадываются реально существующие места и люди, имеющие отношение к научному миру Петербурга. Скорее всего, это говорит о том, что автор вряд ли изначально планировал выносить свой роман на суд широкой аудитории. А поскольку книга наверняка была рассчитана прежде всего на коллег, написана она без всякого снисхождения к интеллектуальному уровню читателя и требует от него в этом плане достаточно серьезной подготовки. Зачастую авторские объяснения в тексте на самом деле являются лишь отсылками к иным культурным пластам, к тем терминам и реалиям, которые кажутся Торчинову общеизвестными (да, наверно, в сфере его общения и были таковыми). Мы, насколько могли, попытались облегчить жизнь широкому кругу читателей, дав минимально необходимый комментарий к малоизвестным именам и понятиям, которые в тексте не поясняются или толкуются указанным выше образом. Но все же превращать захватывающий художественный текст в некое подобие научной работы с подробными и нудными разъяснениями всего и вся мы сочли явно неправильным и ненужным. Так что читайте, разбирайтесь, получайте

удовольствие. А если эта книга, благодаря своим «трудностям», к тому же подтолкнет кого-то к более тщательному изучению буддизма, каббалы или христианства, издатели посчитают свои задачу не просто выполненной, а перевыполненной. Полагаем, в этом с нами был бы согласен и сам автор.

В заключение хотелось бы выразить огромную благодарность вдове Евгения Алексеевича Яне Мстиславовне Боевой за совершенно бескорыстно предоставленную возможность опубликовать неизвестный ранее текст замечательного петербургского ученого, а также Евгению Александровичу Кию — за помощь, оказанную как при написании этой статьи, так и буквально на всех этапах реализации данного издательского проекта.

*Ю. С. Довженко,
издатель*

ТАИНСТВЕННАЯ САМКА

трансперсональный роман

Ложбинный дух бессмертен. Называют Сокровенной Самкою его.

Врата той Самки Сокровенной — корень бытия, из коего рождаются Небо и Земля.

Дао-Дэ цзин, 6

*Автор благодарит
за неоценимую помощь своих друзей
Андрея Виноградова и Глеба Бутузова*

Пролог

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями, либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

Свет, один лишь Свет, бесконечный, безграничный, сиял до начала начал всех времен, и не было ничего, кроме Света. И возжелал Свет создать миры, но не было места для миров, ибо Свет был всем, и не было ничего, кроме Света. И тогда Свет сократился, ушел из центральной точки (но где центр Бесконечности, не повсюду ли в равной мере?), и там, откуда ушел он, возникла зияющая пустота Ничто, разрыв в основах ткани бытия. И вот туда, в лоно миров, Свет направил свой луч творящий, миры сотворяя им, словно кистью художник. И так появилось соцветие вселенных.

Но возжелал творить не весь Свет безначальный. Боренье в нем самом возникло, и раскололось бытие, само себе ответить не способно на вопрос, творить или не творить. Часть Светов восприняла творение словно бунт против предвечного покоя Абсолюта и отвергла даже мысль о том, чтобы участвовать в творении. Тогда творящий Свет, преодолев сопротивление Света, отвергшего творение, его связал своим могучим Словом и вверг в пустотное пространство небытия, в глубины бездны пустоты ничто, там

заточив его. С тех пор Светы, отвергшие творение, подобные драконам светозарным, таятся там, мечтая выйти на свободу и возвратиться к незыблемому покою Абсолюта. И иногда, лишь крайне редко, тонким излучениям отвергнутого творение Светам удается освободиться из темницы и выйти в мир, ими ненавидимый премного. И если так случается, то мир бывает подвержен потрясениям немалым.

*Открылись в лучезарности небес
Врата, в иные манящие дали,
Как яркий свет в магическом кристалле
Зажегся ясной ночью Южный Крест.*

*И блеск Фаворский воссияет в славе
Сапфирной ясности родных пустот,
Родится мед в ячейках желтых сот,
И Хаос возродится в бурной лаве.*

*Венцом нетления земля венчает
Небес льдяных загадочную высь
И твердь в виссон и пурпур облачает.*

*Титан Урана с Геей сочетает,
Зерно, в земле погибшее, родись!
Бог-Агнец славу Отчую являет.*

Глава I,

в которой рассказывается о том, как благородный муж получает приглашение на конференцию, а высокопоставленный чиновник произносит речь

Я снова взялся за резную медную ручку массивной старинной входной двери института. Собственно, я делаю это как минимум два раза в неделю уже несколько лет, но всегда делаю осознанно. Эта осознанность родилась в мой первый рабочий день в институте, когда я взялся за ручку этой самой двери и подумал, что вхожу туда, откуда выйду (в конечном итоге, конечно), только тогда, когда из меня выйдет жизнь. С тех пор я вспоминал об этом всегда, когда брался за дверную ручку, входя в институт. Так было и сегодня, в хмурый и дождливый, но теплый июньский день первого года XXI века.

Институт, о котором я говорю (кстати, позволю себе представиться: Ризин Константин Владимирович, научный сотрудник, кандидат психологических наук), это знаменитый Институт трансперсональной психологии Российской академии наук, а точнее — Санкт-Петербургское отделение этого института, сокращенно — СПбО ИТП РАН. Далее я буду называть его или ИТП, или просто институтом. Так вот, институт этот располагался в прекрасном месте: на Английской

(бывшей Красного Флота) набережной, в старинном великокняжеском особняке, построенном архитектором Винтерницем в середине теперь уже ставшего позапрошлым века прямо напротив Академии художеств с ее знаменитыми древнеегипетскими сфинксами. Институт весьма котировался в научном сообществе, считался одним из крупнейших научных центров мира и работать в нем (по крайней мере до коллапса российской науки в эпоху великих реформ) было престижно и респектабельно. Поэтому за ручку входной двери я всегда брался с удовольствием. Так было и на этот раз, несмотря на то что влажная, липкая, дождливая летняя погода рождала сонливость, чреватую головной болью (я уже много лет страдаю гипертонией или, как теперь стало модно говорить, гипертензией). Ну не буду больше томить читателя, держась за эту пресловутую ручку, войду все-таки внутрь.

Внутри прямо передо мной уходила ввысь огромная парадная лестница, тонувшая во мраке с тех пор, как в Академии стали экономить электричество и на электричестве. Лестница вела к секторам, не имевшим ко мне отношения, поэтому я проигнорировал ее, повернул направо и пошел по длинному коридору первого этажа. Двери, двери... Бухгалтерия (хорошее место, здесь дают зарплату, хотя теперь это уже и не зарплата вовсе, а какое-то малопонятное социальное пособие: прожить-то на нее все равно невозможно), приемная кабинета директора института, профессора Георгия Тиграновича Аванесяна, чело-

века поистине огромного административного дарования. Далее кабинет ученого секретаря, «черный ход» в кабинет директора, частное издательство «Петербургский трансперсонализм», издававшее труды сотрудников нашего заведения и коллег из других институтов; сразу же за издательством на второй и третий этажи института вела чугунная лестница, которая и была мне нужна. Я поднялся на второй этаж, пожал руки коллегам в курилке на лестничной площадке и наконец-то добрал до кабинета своего сектора, в который вела высокая белая дверь с табличкой «Сектор изучения религиозных психопрактик». В нее-то я и вошел.

Кабинет был весьма большим и внушительным. Лет пятнадцать тому назад своим академизмом он производил ошеломляющее впечатление на студентов и аспирантов, но ныне, в сей век упадка Академии наук и пренебрежения фундаментальными академическими исследованиями, кабинет приобрел скорее облик чело-века, вынужденно живущего в так называемой почтенной бедности: старая мебель (теперь именно старая, а не старинная) разохлась и грозила развалиться, стёкла по причине отсутствия ленинских субботников давным-давно никто не мыл, и даже на справочной литературе лежал толстый слой пыли, ибо сотрудники все чаще игнорировали свои непосредственные обязанности в институте, предпочитая им коммерческие заказы на стороне. Впрочем, мало кто решился бы обвинить их в этом, зная размер получаемой

ими заработной платы. И если упадок еще не приобрел черт мерзости запустения на месте святе, то благодарить за это следовало прежде всего самих же членов сектора, еще не забывших традиций совместных чаепитий и распития более крепких субстанций в дни тех самых пресловутых ленинских субботников.

На работу даже в официальные присутственные дни редко приходили раньше полудня, а некоторые совы появлялись и того позже. Один весьма почтенный филин вообще добился официального разрешения от начальства работать в позднее и даже нерабочее время. Поэтому сейчас, в одиннадцать часов утра, в кабинете находились одни жаворонки. Тон задавал Лев Петрович Большаков, седовласый, но очень энергичный джентльмен, признанный в мире специалист по перинатальным переживаниям. Он активно агитировал остальных присутствующих присоединиться к нему и попить вместе секторального чая.

В принципе я числился в Секторе изучения религиозных психопрактик, который кое-кто в институте хотел переименовать в Сектор изучения религиозных психотехник, а кое-кто — в Сектор трансперсональных проблем религиоведения. Однако, как известно, собака лает, а караван идет. В нашем секторе в настоящее время было семь человек, а директор института Георгий Тигранович считал непозволительной роскошью отдавать целый кабинет такой незначительной группе сотрудников. А посему в нашей комнате стояли

столы еще нескольких коллег из других секторов. Одним из таких коллег был уже упомянутый Лев Петрович, другим — историк трансперсонализма и известный переводчик трансперсональной литературы Георгий Леопольдович Тролль, человек, несомненно эрудированный и ученый. Злые языки говорили, что Георгию Леопольдовичу чрезвычайно подходит его фамилия, ибо, дескать, тело его покрыто даже не волосом, а неким подобием шерсти, что делает его очень похожим на горного тролля. Я сего ученого мужа никогда без одежд не видел, ибо в баню с ним вместе не ходил и на пляже не загорал. Но вполне допускаю. Возможно, что Тролль — просто даосский бессмертный, покрывшийся волосом от употребления эликсиров из сосновых иголок. Древние тексты часто описывают именно такой эффект применения даосских снадобий. Впрочем, зубоскалить по поводу Георгия Леопольдовича я не собираюсь, ибо всегда относился к нему с симпатией и уважением. Остальные гости из иных секторов еще не покинули свои жилища и в настоящий момент отсутствовали.

Лев Петрович не обратил особого внимания на мое появление, продолжая рассуждать о пользе секторальных чаепитий и о порочности нашей Пиковой дамы — Изольды Давыдовны Полянской, в незапамятные времена подававшей начальству докладную с требованием запретить оные чаепития как мешающие ее производственному процессу. Зато Георгий Леопольдович приветливо улыбнулся и промолвил:

— Здравствуйте, Костя. Тут звонил Константин Иванович, просил вас зайти к нему, когда придете.

Я поблагодарил Тролля и, поставив свой старый дипломат на стул, сразу же пошел на аудиенцию к своему начальственному тезке Константину Ивановичу Ревунову, замдиректора СПБО ИТП РАН.

Кабинет Константина Ивановича располагался внизу, вблизи «черного хода» в высочайший кабинет Георгия Тиграновича. В отличие от последнего, бывшего гениальным администратором и вполне посредственным специалистом, Константин Иванович был редким (если не редчайшим) примером вполне гармоничного сочетания ученого и администратора. К тому же даже самые пристрастные представители демократической общественности нашего института не считали возможным усомниться в личной порядочности замдиректора. Дверь кабинета была приоткрыта — Константин Иванович сразу же заметил меня и в своей обычной манере добродушно проворчал:

— Ну заходи, заходи, Константин Владимирович.

Такое сочетание обращения по имени-отчеству и обращения на «ты» было характерной стилистической особенностью речи нашего замдиректора.

Я, естественно, и зашел.

Усадив меня за стол, Константин Иванович сразу же взял быка за рога.

— Константин Владимирович, что скажешь, если мы командирuem тебя в Гонконг на конференцию?

— Ха! Что я скажу? Кто же будет отказываться от Гонконга! А что за конференция?

— Ну спасибо, ну молодец! А то москвичи большую делегацию посылают, а от нас никого нет. Вот дирекция головного института и предложила нам одно место. Гонконг все оплачивает, с тебя только билет Петербург–Вена–Петербург — через Вену полетите. Уж найдешь где-нибудь триста долларов-то, а потом на суточных в Гонконге сэкономить, — выдал на одном дыхании Константин Иванович.

— Вы мне все-таки скажите: что за конференция-то?

— А я так и не сказал?.. Что-то припозднились они, ее бы в прошлом или позапрошлом году проводить надо было, к миллениуму, так сказать...

— Что же это за тема такая загадочная, коль вы ее никак не назовете?

— Да ничего, тема как тема, просто я знаю, как ты... Все буддизм-даосизм там, а тут христианство, еще откажешься...

Мне стало уже совсем интересно.

— Да что вы, Константин Иванович! Вот из-за буддизма-даосизма я в Гонконг-то и поеду. А что там такое с христианством?

— Тема конференции — «Образ Иисуса Христа в контексте современного трансперсонализма».

— Ну и прекрасно! Чего же вы так долго темнили? Я уже и тему сразу вам сказать могу.

— А вот это просто славно! Мне как раз из Москвы звонили, просили тему срочно, а ты уж и готов, оказывается! Мне бы твою энергию...

— Вам ли об энергии говорить, Константин Иванович! У вас каждый год по две толстенных монографии выходит.

— Ну и ты не прибедряйся, сам-то сколько печатаешь. Ну ладно, ладно... Давай тому-то.

— Вот что на такое скажете: «Страсти и Воскресение Христовы в контексте теории базовых перинатальных матриц».

— А-а, ну славно, славно. Вот тебе телефончик в Москве, это из Психологического общества. Звони туда Андрею Федоровичу Смолякову, он тебе все расскажет — про визы, билеты и прочее.

— А когда конференция-то?

— Точные даты не помню, подожди, сейчас телефонограмму найду, где-то на бумажке записал. А вот она. Значит так: 3–5 июля. Так что времени на визу вполне достаточно, китайское консульство у нас есть, в Москву за визой ехать не надо, поэтому все о'кей.

— Тогда я пошел?..

— Иди-иди, Константин Владимирович, держи меня в курсе, как там чего.

— Ну конечно, само собой разумеется, Константин Иванович.

Тут я окончательно откланялся и покинул начальственный кабинет. Съездить в Гонконг мне хотелось, но перспектива поиска трехсот долларов для перелета в Вену и обратно не вдохновляла. То есть взять их в долг особой проблемы не было, но

ведь потом отдавать придется. А как говорится, берешь в долг чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда. Но, видимо, все же придется.

В секторе появилась наша дама эллинского происхождения Электра Дмитриевна Кессиди, эффектная даже в свои шестьдесят пять. Она мило улыбнулась мне и проинформировала, что «пока вас тут не было, заходил Сережа Соловьев и просил заглянуть к нему в сектор». Сергей Соловьев был моим близким другом, и он наверняка собирался позвать меня пить кофе в кофейню «Пегас» в соседнем доме. Поэтому я попросил Электру Дмитриевну всем взыскующим меня говорить, что буду в секторе через полчаса — минут через сорок и пошел в Серегин сектор. Там выяснилось, что он уже отбыл в «Пегас», куда я и отправился вслед за ним.

В «Пегасе» оказалось, что ребята (Сергей и еще двое наших приятелей) уже попивают кофе и о чем-то оживленно беседуют. Я взял двойной эспрессо и присоединился к ним, прервав их беседу рассказом о своей гонконгской перспективе. Мой рассказ в основном вызвал зубоскальство по поводу темы конференции с инвективами в адрес как экуменизма, так и фундаментализма. Толя Зерванаев — и откуда у него такая персидская фамилия? — говорил: «Какие бы конференции они не организовывали, христианство не реформируемо». Толя, надо пояснить, отличался известным антиклерикализмом и неприязнью к христианству; однажды он даже заявил, что ему и полчаса хватит, чтобы

рассказать все про христианство с христианским богословием в придачу. Сергей пустился спорить с ним, рассуждая о Шеллинге, философии, мифологии и архетипах Юнга. Я сказал, что воздержусь судить об архетипах Юнга, хотя его абсолютизация психологического аспекта алхимии, безусловно, прискорбна и к тому же игнорирует историю «царственной науки». Приятели заявили, что алхимия их мало интересует, и заторопились в институт. Я поплелся за ними.

Не успел я заняться чем-то позитивным, как меня позвали к телефону. Оказалось, что звонят из Москвы по поводу Гонконга. Москвичей вполне удовлетворила тема моего доклада, и они немедленно востребовали с меня *abstract** на полстранички, который я сам должен был отправить «мылом» (сиречь электронной почтой) в оргкомитет конференции. Потом в сектор прибежала вечно возбужденная служительница общности Нина Васильевна Касьянцева и объявила — сначала всем вместе, а потом еще «на ушко» каждому по отдельности, — что «в пятнадцать ноль-ноль Георгий Тигранович приглашает всех в Зеленый зал на производственное совещание, всего минут на десять-двадцать» (значит, как минимум на час). Поскольку шел уже третий час, я пошел посидеть в курилку на лестничной площадке и послушать, о чем говорят там. Ни о чем интересном там не говорили. Олег Павлович Трубецкой (потомок князей, как он уверял всех

и каждого) опять жаловался на жизнь, сокрушаясь о том, что классическая оперетта умерла, а хранимые им алхимические и магические рукописи и инкунабулы разворуют и распродадут американцам, японцам и всяким прочим шведам. Все это было уже слышано-переслышано и никакого интереса не представляло. В момент его самых патетических излияний и патриотических заверений на лестнице появилась наша Пиковая дама — Изольда Давыдовна Полянская.

Изольда Давыдовна была дамой в высшей степени серьезной, и некоторые коллеги в ее присутствии просто трепетали. У меня же и с ней, и с ее не менее серьезной подругой Светланой Никитичной Бессоновой были самые добрые отношения. У Изольды Давыдовны было удлиненное лицо с точеными чертами и тонкими недобрыми губами (именно это красивое в далекой молодости, но холодное лицо и послужило причиной для появления ее прозвища «Пиковая дама») и величественная походка подлинной леди и аристократки духа. Занималась она лингвистикой измененных состояний сознания и опубликовала несколько статей об особенностях грамматических конструкций больных алкоголизмом, находящихся под терапевтическим воздействием кетамина. Опыты с кетаминном, проводившиеся над несчастными алкоголиками под видом их лечения, всегда казались мне варварски жестокими, поэтому я просто удивлялся, как такая эстетская дама, как Изольда Давыдовна, могла хладнокровно изучать грамматику

* Конспект, резюме (англ.). Здесь и далее — примеч. ред.

высказываний этих мучеников (тут попахивало почти что доктором Менгеле*). Однако через некоторое время выяснилось, что в клинику Пиковая дама никогда не ходила, о воздействии кетамина имела самое приблизительное представление, ни одного алкоголика, подвергавшегося кетаминотерапии, никогда не видела и все материалы для своих исследований черпала исключительно в библиотеке из отчетов мучителей в белых халатах. Ее исследования принесли ей определенную известность и даже поездку в Англию, кажется, в Кембридж.

Завидев восходящую по лестнице Пиковую даму, я поднялся и раскланялся, за что получил в награду милостивую улыбку и вопрос о том, как я поживаю. Услышав мой положительный ответ, она слегка наклонила голову и величественно вступила под сень коридора второго этажа. Ничего, сейчас коллеги-доброжелатели ее обрадуют перспективой сидения на производственном совещании у Георгия Тиграновича. А кстати, и время уже почти подошло. Сделав это важное наблюдение, я медленно пошел по лестнице в направлении, противоположном направлению движения Изольды Давыдовны, то есть вниз.

Потом по другой лестнице пришлось подниматься наверх, в так называемый Зеленый зал, использовавшийся или как читальный зал

* Менгеле Йозеф — нацистский врач, проводивший опыты на узниках Освенцима.

институтской библиотеки, или как место для проведения собраний, конференций и прочих относительно многолюдных мероприятий. Говорят, что во времена великих князей здесь был то ли танцевальный зал, то ли фойе перед ним. Думаю, скорее верно последнее, ибо акустика там была отвратительная и слух на всех собраниях и симпозиумах приходилось напрягать изрядно. Свое же современное название он получил за стены нежно салатного цвета, успокаивавшие и ласкавшие глаз во время долгих и занудных заседаний.

Зеленый зал понемногу наполнялся. Я прошел вперед и сел около Тролля, так как не был уверен, что кто-нибудь из моих достаточно бесшабашных приятелей вообще придет слушать Аванесяна, а в их отсутствие Георгий Леопольдович был, вероятно, наиболее приемлемым соседом. Не успел я усесться, как в зал быстрой походкой, на ходу отбиваясь от коллег, пытавшихся задержать начальство приватными вопросами, вошел сам Георгий Тигранович Аванесян, милостию Божией (сиречь президиума РАН) и волею коллектива директор СПбО ИТП РАН. Он прошествовал к старинной кафедре, смахивавшей на церковный аналой, и возложил на оную свои длани. Собрание началось.

Георгий Тигранович как всегда был безукоризненно одет. Светлый кремовый костюм, неизменная белоснежная рубашка, не очень туго затянутый галстук — все было прилично, достойно, элегантно и респектабельно. Поначалу я не очень

вслушивался в то, что говорит директор, теща свой слух модуляциями его хорошо поставленного голоса. Георгий Тигранович был великим администратором и великим (по крайней мере одаренным) артистом. Думаю, что не одна театральная труппа могла бы пожалеть о том, что его привлекла не сцена, а наука, точнее, руководство наукой. Голос нашего директора мог звучать интимно проникновенно, как бы обращаясь к каждому сотруднику по отдельности, мог гневно грохотать, обличая нерадивых, а мог и буквально биться в истерику (если про голос можно сказать, что он «бьется в истерику»). Никогда не забуду один эпизод, имевший место лет десять тому назад. Тогда институт посетила пожарная инспекция и нашла какие-то серьезные изъяны в нашей пожарной безопасности. Георгий Тигранович немедленно созвал лойя-джиргу*, то бишь ученый совет института, и впал в полное неистовство. Он так топал ногами и брызгал слюной, разнося АХЧ — административно-хозяйственную часть, что пожарная комиссия просто умилилась и прослезилась от произведенного ею же эффекта и так уверовала в эффективность директорской истерики, что даже не наложила на институт никакого штрафа. Иногда актерские дарования Аванесяна проявлялись в политической сфере. Во время нелепого «путча» августа 1991 года жертвой его артистизма чуть не пал

* Лойя-джирга (*пушт.* «большой совет») — совет старейшин в Афганистане.

несчастный Константин Иванович Ревунов. Аванесян во время трех дней, которые развалили Союз, был в отпуске, и Константин Иванович замещал его. Заботясь о безопасности сотрудников, он имел неосторожность в понедельник 19 августа, когда вся буффонада «переворота» еще не выявилась в полной мере, издать приказ, отменяющий на время действия указа о чрезвычайном положении, изданного «чуком-и-геком», библиотечные дни и предписывающий всем сотрудникам института каждый день быть на своих рабочих местах. 21 августа, когда «демократические силы» одержали блистательную победу над бумажным тигром контрперестройки, Георгий Тигранович появился в институте и обрушился на своего несчастного зама за его политическую близорукость и подчинение указам узурпаторов. Угроза снятия, а то и увольнения, повисшая над головой Ревунова, исчезла лишь тогда, когда Аванесян понял, что приказа об охоте на ведьм из вышестоящих инстанций не последует.

Насладившись модуляциями директорского баритона, я решил, что настала пора вслушаться и в содержание начальственной речи. Увы, это решение вывело меня из состояния блаженного неведения, в котором я мог бы пребывать еще некоторое время, ибо Георгий Тигранович в очень и очень эзоповой манере объяснял, что зарплату нам не только не прибавят, но еще и сократят, по крайней мере на время.

— Вы знаете, дорогие коллеги, — витийствовал директор, — что я считаю своей важней-

шей обязанностью отстаивать ваши интересы. Иначе вообще зачем я здесь? Зачем вы за меня голосовали? Поверьте мне, если бы это зависело от меня, вы давно уже имели бы достойную зарплату. Но... (патетически разведенные руки в жесте бессильного отчаяния). У нас нет даже полной экономической самостоятельности. Вы не поверите, но я не могу даже выйти на президиум Академии, минуя московское начальство в головном институте. И это в наше время! И вот приходит из Москвы письмо — только что его прочитал и сразу, как видите, пригласил всех вас сюда, — так вот, приходит письмо, предлагающее или в течение полугода снять все надбавки, в том числе и за степень, или провести сокращение штатов института на десять процентов! — тут Георгий Тигранович аж задохнулся от праведного негодования. — Но кого же мы будем сокращать, кого, позвольте вас спросить? В нашем институте каждый ученый — сам целый институт. Сократи одного, сразу целое направление исчезнет. Кого-то отправить на пенсию? Но ведь это значит начать растрачивать наш золотой фонд! Нет, нет и еще раз нет! Главное, сохранить коллектив, не дать силам зла и разрушения восторжествовать! И я вижу свою миссию именно в сохранении того человеческого и интеллектуального богатства, которое складывалось десятилетиями! Поэтому придется всем нам затянуть пояса и посидеть полгода без надбавок, другого пути нет!

Эта директорская тирада требует определенных комментариев, ибо без них читатель рискует не понять всю силу и глубину заботы Георгия Тиграновича о сохранении коллектива. Прежде всего, в пояснении нуждается выражение «каждый ученый — сам целый институт». В течение десятилетий наш «золотой фонд» (Великие Старцы Поднебесной, ныне доктора наук — пенсионеры) избегал готовить специалистов по своему профилю. Аспирантам давали любые темы, кроме тех, в которых собственно и был специалистом их научный руководитель. В результате — никаких научных школ, никакой преемственности; полная атомарность незаменимых самодостаточных личностей, воплощающих в себе целые научные направления. Зато, когда грянул гром и в воздухе запахло грозой сокращений, стало возможным прийти в кабинет директора и возопить: «Если вы уволите меня, вы сразу же закроете целое направление, ибо я — уникальный специалист, и заменить меня некому!» Хитрость прекрасно работала, и пока никого из наших живых «институтов» на заслуженный отдых так и не отправили: они продолжали мирно играть в коридорах в шашки и шахматы, изредка заглядывая в библиотеку. Не все, конечно (работоспособности некоторых могли бы позавидовать и молодые), но «бонапарт» (в смысле: большая часть).

Следующий объект моего комментирования — как раз тот самый «золотой фонд». Дело в том, что уже очень и очень давно все сотрудники нашего института делились на «наш зо-

лотой фонд» и «научную молодежь», которой полагалось учиться, учиться и учиться у «нашего золотого фонда». К молодежи относили всех, кому еще не исполнилось шестидесяти. Я, например, в свои тридцать семь лет — просто мальчик нежный, кудрявый, влюбленный (и как это меня еще в Гонконг решили отправить, ума не приложу?), и думать о докторской диссертации мне так же рано, как пятикласснику о начале половой жизни. Ведь наша наука требует такой тщательности, такого огромного лабораторного опыта! Ведь мы изучаем тончайшие фибры психики и загадочнейшие состояния сознания! А ты хочешь в какие-то там сорок лет зеленым юнцом докторскую защитить на халяву! Не пройдет-с! Короче говоря, все докторские диссертации, защищенные до наступления канонического возраста, доходили до защиты, а то и до ВАК лишь после долгой череды скандалов и кляуз. Сам я диссертацию фактически написал, но не высывался и ждал удобного случая, чтобы повести разговор о ее защите, причем, Боже избави, не на институтском ученом совете...

Таким образом, суть речи Георгия Тиграновича сводилась к тому, что мы не будем сохранять и тем более повышать зарплату мальчишкам и девчонкам ценою прощания со светочами разума из числа Великих Старцев. Мы пойдем другим путем: откажемся от и так весьма скромных надбавок, сохраним наши «институты» в институте и покажем кукиш злонравным москвичам из головного института.

Далее Георгий Тигранович перешел к рассмотрению путей последующего улучшения материального положения сотрудников.

— Итак, дорогие коллеги, какими же ресурсами располагает институт, чтобы хоть немного облегчить нашу с вами жизнь? Надо думать и думать, ведь наломать дров легко, а посадить лес сложно. И вот тут следует снова вспомнить о нашей клинике. Конечно-конечно, я, как и вы, ни в коей мере не хочу наживаться на беременных женщинах и психически неуравновешенных людях. (Поясню, что наша институтская клиника состоит из двух отделений — перинатального, включающего небольшую родильную палату, и психотерапевтического, где применяются такие методы лечения, как холотропное дыхание и медикаментозно-трансперсональный кризис.) Ни в коей мере! Все мы всегда думаем только об интересах науки с позиций нравственности. Но с другой стороны, нельзя же быть донкихотами и упускать деньги, которые можно получить без ущерба для науки и нравственности. Как говорится, кто может, пусть платит, а за тех, кто не может, будет платить государство, то есть в конечном итоге, мы с вами. (Значит, дирекция решила сделать клинику платной; но только крайне наивные коллеги могли поверить заявлениям Георгия Тиграновича, что их кошелек от этого станет хоть чуток толще.) Если вы доверите это администрации, она в течение месяца разработает соответствующее положение и представит его ученому совету. Ну, собственно, это все, что

я хотел вам сказать. Да, вот еще одно обстоятельство. Хочу напомнить вам, что все сотрудники, которым положена психоделическая практика, должны заранее заготовить справку из нашей академической поликлиники о состоянии здоровья: без нее ни один человек в психоделическую лабораторию не войдет. А без положенного количества практических экспериментов могут возникнуть проблемы на очередной аттестации.

Это заявление Георгия Тиграновича понравилось мне еще меньше его сообщения о сокращении зарплаты. В институте было принято, чтобы раз в год каждый сотрудник проходил через эксперимент по контролируемому применению одного из трансперсонально активных психоделиков (разумеется, всякая наркота типа крэга или кокаина исключалась). Без соответствующей практики было трудно рассчитывать на повышение по должности даже при наличии достаточного количества публикаций и прочей работы. И вот теперь наши бюрократы придумали новое осложнение — медицинскую справку. Это значит, нужно тащиться в поликлинику на Васильевский, получать там номерки, сидеть в очереди к лечащему врачу, сдавать кровь-мочу и прочее. И где же, спрашивается, взять на это время? А тут еще Гонконг поджимает... Все дело в том, что по сроку мне как раз полагалось идти в психоделическую лабораторию, в народе называемую «психоделичкой», а в сентябре предполагалась очередная аттестация. Мне же мой тринадцатый разряд вполне уже успел надоесть...

На этой безрадостной ноте Георгий Тигранович закончил свое выступление, и коллеги приступили к вопросам, на которые директор отвечал живо и многословно, с удовольствием бия себя в грудь и обещая распяться ради мирского благополучия вверенного его попечению коллектива. После вопросов он предложил коллегам высказаться. К кафедре направился наш ученейший секретарь, доктор психологических наук, профессор Альберт Аввакумович Липкин. Липкин был обладателем бороды, ныне несколько поседевшей, которой вполне мог бы позавидовать какой-нибудь Тиглатпаласар, Навуходносор или Ашшурнасирапал. Он также славился своей научной ортодоксальностью и беззаветной преданностью идеям отца-основателя трансперсонализма Станислава Грофа*: шаг влево, шаг вправо — расстрел. Когда перед шестидесятилетним юбилеем Георгий Тигранович намекнул,

* Гроф Станислав (род. в 1931 г.) — знаменитый американский психолог и психиатр чешского происхождения, один из пионеров в изучении измененных состояний сознания. Согласно Грофу, сознание имеет следующие уровни: 1) Биографический — уровень биографических воспоминаний; 2) Перинатальный — уровень, относящийся к переживанию рождения и смерти (см. также примеч. на с. 74); 3) Трансперсональный — уровень, относящийся к переживанию измененных состояний сознания (видений, экстазов, галлюцинаций и т. п.) Гроф утверждает что опыт, полученный в измененном состоянии сознания, является реальным, и человек действительно получает объективную информацию о мире.

что хотел бы узнать, какой подарок Альберт Аввакумович надеется получить от института, тот пожелал полное собрание сочинений Грофа на оригинальном английском языке с приложением ранних чешских статей, которое и получил под аплодисменты растроганных сотрудников. Он был гонителем всяких ересей вроде лжеучения Кена Уилбера* («Обратите внимание, на Западе трансперсонализм переживает острейший кризис — там книги Уилбера стоят во всех магазинах в разделе «философия» в таком количестве, будто это Кант, Гегель или Гроф!») и правой рукой или верным оруженосцем Георгия Тиграновича. Оказавшись у нашего аналога для выступлений, он немедленно, с чувством глубокой убежденности в директорской правоте, заговорил своим густым месопотамским басом о необходимости лелеять и пестовать «золотой фонд» института, о том, что ради этой великой цели необходимо «потуже затянуть пояса», о нравственном воспитании всяких тунеядцев, которые хотят на халяву родить или подлечить свою голову в институтской клинике и правильности требования медицинской справки перед посещением психоделички *ad majorem Dei gloriam*** (под Богом здесь следовало понимать, конечно, Грофа). На

* Уилбер Кеннет Эрл (род. в 1949 г.) — американский философ и писатель, разработавший основные положения так называемого интегрального подхода — синтетического объединения открытий, совершенных в различных сферах человеческой деятельности.

** К вящей славе Божией (*лат.*).

этом собрание закончилось, и все относительно тихо разошлись по секторам.

Я позвонил в китайское консульство, узнал там, что для получения гонконгской визы нужно официальное приглашение, спустился вниз к референту директора отправить факс в оргкомитет конференции с просьбой выслать приглашение по факсу же, и, не обнаружив на месте Сергея, с которым собирался выпить по кружечке пива, отправился домой, закрыв за собой тяжелую институтскую дверь с ее массивной медной ручкой.

Если вы хотите узнать о том, что было дальше, прочтите следующую главу.

Интерлюдия первая

В предыдущий раз я проходил психоделическую практику три года тому назад при весьма специфических обстоятельствах. В институт приезжала делегация перуанских трансперсоналистов, в которую входил настоящий индейский шаман. Узнав, что у нас существует психоделическая практика, он предложил одному добровольцу испробовать на себе действие одного индейского снадобья, известного у нас как *аяхуаско*, или «вино мертвых», хотя его также часто называют *яге* или *яхай* (по действию оно близко к психоделику ДМТ, принимаемому вместе с ингибитором*). Я вызвался в качестве волонтера и после определенной подготовки, включавшей в себя однодневный пост, получил от шамана (в клинических условиях, разумеется) некое питье, которое и проглотил за один прием. Первое время ничего не происходило, и я даже стал сомневаться в эффективности аяхуаско, но минут через пятнадцать я ясно услышал звуки льющейся воды. Постепенно звуковые эффекты дополнились зрительными. Палата

* Ингибитор — вещество, подавляющее или задерживающее течение физиологических и физико-химических процессов.

клиники померкла и исчезла, и я увидел некий бассейн, окруженный высокими каменными стенами, образующими круг и сложенными из необработанных валунов, блестящих под светом немногочисленных факелов, закрепленных между валунами. Но самое интересное находилось в центре бассейна: там сидело огромное существо, нечто среднее между драконом и динозавром, из его пасти извергались потоки воды, которые и производили тот шум, который я услышал в начале. Шум все нарастал, превращаясь в грохот водопада. Картина сменилась, и я оказался на плоту в середине бескрайнего океана. Волнение воды было умеренным, и волны с приятным шумом ударялись о борта плота. Океан блистал лазурью, горизонта не было, ибо небо сливалось с водой в едва заметной дымке; оба пространства незаметно переходили одно в другое: небо становилось морем, а море небом. Внезапно раздались звуки совершенно незнакомой, но буквально чарующей музыки, напомнившей мне о гомеровских сиренах. Вскоре я увидел и источник музыки — сравнительно небольшие парусные ладьи, примечательные прежде всего своими экипажами, состоявшими из драконообразных существ (определенно, рептилии), игравших на каких-то неведомых музыкальных инструментах и жестах манящих меня к себе. Я почувствовал, что если отвечу на их приглашение, то умру. Поэтому я постарался не слушать музыку и не смотреть на драконоидов. Сцена снова изменилась: плот

и ладьи исчезли, и я как будто бы воспарил над поверхностью океана. Суши нигде не было, ничто не нарушало непрерывности водной глади, переливавшейся сине-зелеными цветами и блестящей алмазами пены под палящими лучами солнца. Внезапно налетел ветер, поверхность моря вскипела, ввысь взметнулся столб воды, — взметнулся, и пал обратно в пучину вод, из которой поднимался окутанный паром остров с застывающими потоками лавы на поверхности. Снова тишина, покой и бескрайняя лазурь. И вдруг — грохот, гром, мрак, свет, блистание молний, шум титанической битвы где-то за тучами, полыхающими огнем и мраком! Немыслимо яркая молния рассекала тьму, прогремел раскат раскалывающего голову на части грома, и снова наступила тишина, снова засияло солнце, освещая поверхность океана и скалистый вулканический остров, поднявшийся из бездны. Я почувствовал, что стою на острове. Меня мутило, затем охватило чувство приближения смерти, хотя никакого страха за этим не последовало. Прямо передо мной стояло дивное существо, что-то вроде то ли дракона со сложенными кожистыми крыльями, то ли огромной летучей мыши. Вокруг на задних лапах передвигались еще несколько подобных тварей — и отвратительных, и прекрасных в одно и то же время. Голос существа зазвучал прямо у меня в мозгу: «Сие есть тайна превеликая, но поскольку ты вот-вот умрешь, я открою ее тебе, раз уж ты здесь, на заре жизни твоей несчаст-

ной планеты. Мы были царями мира прежде, чем мир стал быть и стал он быть против воли нашей, но мы вошли в него и поселились в нем, хоть и ненавидели его, даже не подозревая ранее, что вообще может быть нечто, подобное ненависти. Но наши враги преследовали нас, и там, вдали, куда ты не можешь проследовать даже мыслью, произошла великая битва, и враги наши одолели нас и низвергли на эту планету. Теперь мы будем царить на ней и править ей с помощью этого», — тут он показал мне некую спираль, которая странно напоминала рисунок ДНК в учебниках биологии.

Снова все померкло, и в голове зазвучала торжественная и величественная музыка. Некий голос запел неведомый гимн, от красоты которого защемило сердце. Я не понимал слов, но чувствовал, что в песнопении говорится о состоянии свободы и покоя, которое было некогда и которое будет снова. Я опять почувствовал, что умираю; на этот раз все мое существо пронзил панический ужас. Потом я узнал от индейца, что закричал, после чего он влил мне в глотку противоядие. Пришел я в себя только через несколько часов и так ослабел, что из клиники меня выпустили лишь через два дня. Понемногу меня стали беспокоить какие-то смутные ассоциации, и я попросил, чтобы в палату принесли Библию. Открыв «Откровение Иоанна Богослова», в народе более известное как «Апокалипсис», я с удивлением и некоторым страхом прочитал следующие фрагменты:

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них,

Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним (12:7–9).

И еще один:

И пустил змий из пасти своей в след жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою.

Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей (12:15–16).

На следующий день после выписки я снова встретился с шаманом в институтском коридоре, и тот спросил о моих впечатлениях от аяхуаско. Я очень кратко рассказал ему содержание своих видений, не упомянув только про рассказ драконоида, но заметив, что он называл себя и своих сородичей царями мира. Тут индеец широко улыбнулся и сказал:

— Так они это всем рассказывают. На самом же деле они цари только внешней тьмы.

И он указал рукой на потолок. Я чуть не разинул рот от изумления.

Вернувшись домой, я написал сонет, подражая, отчасти вполне сознательно, Максимилиану Волошину:

*Открылись в лучезарности небес
Ярчайшие, невидимые светлы,
И бытие дает свои ответы
На речи, что шептал тенистый лес.*

*И корни в землю, к пламенному центру
Стремятся за живительной водой,
Но к небу устремлен главой седой
Ствол, неподвластный стонущему ветру.*

*И в трепете мы откровенья ждали,
Вот весть пришла: исполнился Завет;
Вот истина, которой мы алкали.*

*Но вести сей сердца не постигали,
Не оставляли в душах наших след
Врата, в иные манящие дали.*

Глава II,

в которой неожиданный гость открывает мистические тайны, а старый друг повествует о добре и зле

Открыв мне дверь, — приходя домой я всегда звоню условным звонком, а не открываю дверь ключом, — моя жена Инна сразу же сообщила:

— А тебя уже давно ждут.

— Кто?

Вместо ответа она пожала плечами. Надо сказать, что это известие меня отнюдь не обрадовало. Терпеть не могу, возвращаясь домой, обнаруживать подобные сюрпризы. Хочется расслабиться и пообедать наконец — на работе я никогда не ем. А сегодня у меня и вообще весь день голова болит. Но делать нечего: пришли так пришли.

— Где он сидит?

— В твоём кабинете.

Я вздохнул с чувством человека, вынужденного смириться с тем, что сильнее его, и открыл дверь в свою комнату, которую жена называла «кабинетом», ибо там стоял мой компьютер, за которым я работал дома. Навстречу мне поднялся человек, которого я менее всего ожидал увидеть у себя, хотя, кроме разве что удивления, я не ощутил никаких эмоций — ни радости (ибо никогда не испытывал чрезмерной радости от общения с этим визитером), ни огорчения (ибо

на свете было много людей, появление которых в доме было бы мне гораздо более неприятно). На этот раз моим незванным гостем оказался Илья Маркович Гданьский, психотерапевт, с которым я был знаком уже лет двадцать, но видел вряд ли больше пяти раз за все это время, поскольку он имел привычку то внезапно появиться из небытия, то столь же внезапно кануть в него снова, и сразу же на много лет. Последний раз я, кажется, видел его девять лет тому назад, на защите моей кандидатской диссертации. О том, что привело его ко мне на этот раз, можно было только гадать, хотя вряд ли результат разгадывания мог бы быть вполне релевантным. То есть, говоря проще, догадаться о причинах его визита было практически невозможно.

Мы обменялись рукопожатиями, уселись — он в кресло, я на тахту, — и я попросил жену принести нам чаю с каким-нибудь печеньем, буде таковое найдется на кухне. Угощать Илью спиртным мне на голодный желудок совершенно не хотелось, тем более что я сам практически не пил, да и он вроде бы не принадлежал к почитателям Диониса-Вакха. Зато я разрешил ему курить: насколько помню, Илья обычно просто не вынимал папиросу изо рта, предпочитая всему на свете «Беломор», — и сам тоже взял из початой пачки сигарету, хотя и знал, что потом мне достанется от Инны за «слабоволие» и «потакание слабостям» — я находился в стадии бросания курения.

Вначале Илья говорил что-то невразумительное о своих и моих публикациях в «Часе Пик»,

о некоторых общих знакомых — кто развелся, кто женился, — а потом вдруг огорошил меня вопросом, разбираюсь ли я в каббале.

— Слушай, Илья, объясни мне, в чем дело? Во-первых, никогда не думал, что ты интересуешься мистикой, ты казался мне таким позитивистом. А во-вторых, почему ты решил обратиться ко мне за консультациями по каббале? Я вроде бы всегда был больше по части буддизма-даосизма и прочего Дальнего Востока.

— На первый вопрос я отвечу позднее, это довольно долгая история, непосредственно связанная с моим вопросом. Что же касается второго... Помнишь, ты опубликовал в «Часе Пик» заметку о каббале и сексуальности? Я обратил на нее внимание. Из нее следовало, что ты как минимум читал Шолема*, а это уже немало. Более того, Олег Гальперин говорил мне, что ты занимался ивритом. Да и в Израиль вроде пару раз ездил...

— Ну знаешь, в Израиль кто только не ездит! Если это брать в качестве критерия, тут треть города каббалистов наберется. Иврит — да, учил немного. Так я и тибетский учил, и тоже немного. И Шолема читал. Но это еще не означает, что я разбираюсь в каббале.

— Но это уже означает, что ты как минимум не совсем профан и с тобой можно поговорить. К тому же ты много занимался Китаем, для ко-

* Шолем Гершом Герхард (1897–1982) — еврейский философ и религиовед, крупнейший исследователь каббалы.

торого, как показал Кобзев, очень важна нумерология и классификационизм*, а я как раз хочу поговорить о том, что имеет непосредственное отношение к нумерологии.

— Это что, гематрии** разные и тому подобное? Но в этом я уж вовсе ничего не понимаю.

— Нет, не совсем, скорее, речь идет об историсофии. Впрочем, теперь я могу ответить на твой первый вопрос. Скажи, тебе знакомо имя Саббатая Цеви?

— Да, я читал книгу Шолема «Саббатай Цеви. Мистический Мессия» и смотрел кое-какие материалы в интернете. Сейчас в Америке, в Калифорнии, появился некий Ицхак Лейб га-Коген, в миру — мистер Мартин Лори, который объявил себя саббатанцем и создателем новой церкви Саббатай Цеви.

— А-а, этот Лори просто очередной нью-эйдж. Меня это мало интересует. А вот то, что ты читал Шолема, очень хорошо. Значит, ты как минимум поймешь то, о чем я буду говорить.

— Ну дивно, Илья! Я, как говорится в старинных романах, весь внимание.

Мой гость закурил погасшую папиросу, со вкусом затянулся и начал свой монолог.

* Кобзев А. И. — современный московский китаевед, автор книги «Учение о символах и числах в китайской классической философии» (1993).

** Гематрия (*ивр.*) — один из методов раскрытия «тайного смысла» слов, состоящий в атрибутировании букв числам: если буквы имеют числовое значение, то, складывая их, можно получить сумму-ключ к слову.

— Я заинтересовался Саббатаем Цеви как психотерапевт. Как ты помнишь, этот иудейский Мессия или лже-Мессия, если угодно, в 1667 году внезапно перешел в ислам, не переставая считать себя Мессией. Его последователи начали проповедовать доктрину «святого отступничества» и со временем создали в Турции секту, известную как дёнме*, проповедовавшую принципы мистического антиномизма. Думаю, ты также не забыл, что Шолем объясняет странности поведения Саббатая Цеви его психическим расстройством — маниакально-депрессивным психозом. Несчастный Мессия то находился в состоянии экстатического подъема и божественного озарения, то погружался в пучину тоски и отчаяния. Его пророк и теолог Натан из Газы, выдающийся каббалист и мистик, даже разработал целую богословскую доктрину, призванную объяснить особенности личности Саббатая Цеви. В своих трудах «О драконах» и «О творении» он возводит корни личности Мессии к самому творению мира. Тогда абсолютный Безграничный Свет, или Ор Эн-Соф, будто бы оказался расколотым в самом себе, ибо одна сторона Абсолюта, Творящие Разумные Светы, жаждала творения, тогда как

* Секту дёнме (*тур.* «отступники») основал в 1683 г. в Салониках Якоб Кверидо, брат последней жены Саббатая Цеви. Согласно учению дёнме, переход Саббатая Цеви в ислам объяснялся тем, что он должен был опустить свою душу до самой глубины греховности, чтобы подобрать последние искры Божественного Света, которые упали в бездну.

другая, Неразумные Светы, или Светы без мысли о творении, считали это стремление творить бунтом против самой субстанции Света и не желали отказываться от изначального покоя непроявленности. Разумные Светы победили, мир был создан, но конфликт в Абсолюте не был разрешен. Творящие Светы изолировали противоположную сторону и заключили ее в самой глубине пустоты ничто пространства творения. Там Неразумные Светы, принявшие облик драконов, и томятся в заключении, ожидая избавления и искупления. Саббатай Цеви воплотил в себе оба аспекта субстанции абсолютного Света — его вдохновение и экстазы от Творящих Светов, а его депрессия и отчаяние — от Неразумных. Интеграция личности Мессии, подобно халкидонскому Иисусу имеющей две природы, — залог восстановления целостности мира, бытия и самого Абсолюта.

Так вот, я стал изучать историю Саббатая Цеви и его движения, списался с рядом специалистов в Израиле и Америке и в итоге пришел к выводу о недостаточности и даже односторонности теории Шолема. Саббатай Цеви был личностью несравненно более сложной, чем личность психотика, или, точнее, особенности его сложной личности не могут быть истолкованы с помощью такого простого объяснения, как психическое расстройство по типу маниакально-депрессивного психоза. Я впервые задумался о собственно мистической сущности его движения и о содержании учения Натана из Газы. В это время я начал читать специальные работы

о еврейском мессианизме и в конце концов обнаружил следующую закономерность: еврейские Мессии появляются каждые 165 лет или через число лет, кратное 165.

Тут я весьма иронически хмыкнул.

— Да-да, — продолжил Илья, — именно так! Просто ты привык к тому, что Мессия обязательно один. На самом деле Мессия — такой же тип благородной личности, говоря понятным тебе буддийским языком, как шраваки или бодхисаттвы! Или один и тот же Вечный Мессия перерождается вновь и вновь, являясь, то как Иисус, то как Саббатай Цеви, то как еще кто-нибудь!

— Мил ты мой человек, а от синагоги за такие ереси тебя еще не отлучили?

— А я не хожу в синагогу, и поэтому никто меня от нее не отлучит! Кстати, если это перерождается одна и та же мессианская личность, то это знаешь кто? Мелхиседек из Салима! Жрец Эль-Эльона, Бога Всевышнего*.

— Гм...

* Мелхиседек (ивр. «царь праведности») — упоминаемый в Ветхом завете (Быт. 14:18-20; Пс. 109:4) царь и первосвященник города Салим, отождествляемого большинством историков с Иерусалимом. Никаких биографических сведений о нем не сохранилось. Этот факт, а также то, что именно в случае с Мелхиседеком мы впервые в Библии встречаемся со специальным термином, указывающим на жреческое или священническое служение, а ап. Павел ставит его в таинственную связь с самим Иисусом Христом (Евр. 6:20 — 7:3), делает Мелхиседека излюбленным персонажем различных эзотерических и метафизических учений.

— А, что с тебя возьмешь! Это ты у нас позитивист, а не я. Вот послушай еще про 165. Учитель Праведности из Кумрана*, как это показал Гальперин, — а ты ведь не будешь отрицать, что он серьезный ученый, — был распят в Иерусалиме как лже-Мессия в 138 или 137 году до нашей эры, а его последователи называли его Сыном Божиим. Иисус, если считать в соответствии с современными данными, что он на самом деле родился в 7 году до нашей эры, был распят в 26-28 годах нашей эры, то есть как раз через 165 лет после казни Учителя Праведности из Кумрана. Саббатай Цеви умер в 1675 году, то есть через 1650 лет — десять раз по 165 — после распятия Иисуса, а крупнейший и скандальнейший преемник Саббатай Цеви и тоже Мессия, Яков Лейб Франк — тот, что в Польше перешел в католицизм и спровоцировал сожжение Талмуда, — умер в 1791 году, через 165 лет *после рождения* в 1626 году Саббатай Цеви. Между прочим, 165 — это период обращения Нептуна вокруг солнца, а Нептун управляет

* Учитель Праведности — персонаж, упоминаемый в некоторых так называемых Кумранских текстах, принадлежащих обитавшей во II в. до н. э. — I в. н. э. близ Мертвого моря иудейской секте, идеологически схожей с ессеями. Одни ученые считают Учителя Праведности неким собирательным образом, другие — реально существовавшим основателем Кумранской общины. Так или иначе, его образ обладал значительным сходством с образом евангельского Иисуса, в том числе и мессианскими чертами, так что сразу после первых кумранских находок в 1947 г. некоторые историки ошибочно поспешили отождествить Учителя Праведности с Иисусом.

нашим эоном Козерога. Обрати внимание, мой трансперсональнейший скептик, что гематрия еврейского слова «серебро» — га-кесед — тоже равна 165, а серебро — каббалистический символ милосердия и сефиры* Хесед, в отличие от красного золота, символизирующего силу Строгого Суда и сефиру Гевура. Опять же, Нептун часто связывают с созвездием Рыбы, а Рыбы связывались в каббале с идеей искупления и восстановления Израиля. Помнится, Саббатай Цеви во время своей жизни, кажется, в Салониках, еще до провозглашения себя Мессией, даже шокировал тамошних раввинов тем, что совершал какие-то ритуалы с купленной на базаре рыбиной, чтобы ли приблизить искупление Израиля, то ли показать, что оно еще очень далеко. Кстати, прибавь к 1791 — году смерти Франка — 165.

* Сефира или сефирот (*ивр.*) — центральное понятие каббалы, означающее десять стадий эманации, испускаемой трансцендентным божеством Эйн-Соф («Бесконечное»). Стадии эманации представляют собой проявления Бога в различных его атрибутах и располагаются в следующем порядке: 1) *Кетер элион* («Высший венец» или «Корона»); 2) *Хохма* («Мудрость»); 3) *Бина* («Разум»); 4) *Гдула* («Величие») или *Хесед* («Милость»); 5) *Гевура* («Сила») или *Дин* («Суд»); 6) *Тиферет* («Красота») или *Рахамим* («Милосердие»); 7) *Нецах* («Вечность»), 8) *Год* («Величие»); 9) *Цадик* («Праведник») или *Йесод* («Основание»); 10) *Малхут* («Царство») или *Атара* («Диадема, венец, корона»). Каждая сефира указывает на определенный аспект Бога в качестве Творца, а их совокупность образует так называемое Древо сефирот, понимаемое как динамическое единство, в котором раскрывается деятельность Бога.

— Хорошо, это будет 1956 год.

— Вот-вот, именно! Мессия может родиться в 1956 году!

— А почему не умереть?

— Но о Мессии, умершем в этом году, мы ничего не знаем. Значит, или его не было в этом году вообще, или он только что родился. Кстати, я ведь тоже 1956 года рождения.

— А-а, вот оно что... Скажи, дорогой мой, а ты не хочешь последовать мудрому призыву: «Врач, исцелился сам!»? Короче говоря, к психиатру обратиться не желаешь? Господи, Боже мой, да у нас в институте есть человек пять 56-го года рождения. А сколько их в мире!

— Они же не евреи...

— А что, евреев кроме тебя в 1956 году не рождалось?

— Знаешь что... Вот Шолем пишет, что образ еврейского Мессии настолько неопределен, что любому еврею с интеллектом выше среднего естественно приходила в голову мысль: «А не я ли?»

— Ну ладно, пусть мысль приходит, только ты не очень лелей ее, а то сам окажешься в Скворцова-Степанова.

— Ты обо мне не беспокойся, пожалуйста, сами с усами...

— Хорошо, не буду. В принципе я тебе благодарен за рассказ.

Тут я рассказал ему про гонконгскую конференцию и ее тему.

— Слушай, с твоего позволения, я вверну там про Мелхиседека, Учителя Праведности и Саббатай Цеви, хорошо?..

Потом Илья еще долго разглагольствовал про Саббатая Цеви и еврейских Мессий, и в подтверждение своей мысли, что Мессии — особый тип просветленных существ вроде будд и бодхисаттв, даже достал из портфеля английскую книжку некоего профессора Ленновица из мормонского Солт-Лейк-Сити «Еврейские Мессии», в которой описывались многие претенденты на сей возвышенный титул от Иисуса до каких-то хасидских деятелей — как все в спасители мира рвутся-то! В какой-то момент этого монолога я прервал его красноречие, поскольку в моем мозгу забрезжила некая смутная мысль.

— Слушай, ты говорил, что трактат Натана из Газы о природе Саббатая Цеви называется «О драконах». Не расскажешь ли подробнее?

Упрашивать Илью не приходилось, его снова понесло.

— Да, трактат «О драконах» и его продолжение «О творении». В первом из них он писал, что душа грядущего Мессии была захвачена Неразумными Светами, ввергнутыми Светом Творящим в бездну *техиру*, пустого пространства творения, пучину небытия, где эти Светы, ставшие волшебными драконами, терзали и мучили ее. Но потом она вырвалась оттуда, следствием чего и стало рождение Мессии, в Смирне в 1626 году. Однако эти муки в пучинах *техиру* сказались, если можно так выразиться, на его психике, откуда и депрессии. А во втором трактате он пошел куда дальше...

Илья вытащил из пачки сигарету и не спрашивая разрешения, закурил; я решил проигнорировать эту бесцеремонность.

— Да, куда дальше... Он объявил, что сама душа Мессии имеет две природы, природы обоих Светов, и что он сам — Верховный дракон. Именно поэтому Моисей вознес серебряного змея в пустыне. Опять-таки серебро...

Вскоре мы уже распивали с Ильей припрятанную бутылочку настоящего армянского коньяка, закусывая кусочками лимона (это вообще-то распространенное заблуждение, что коньяк нужно закусывать лимоном, поскольку лимон тушит коньячный вкус). Я молчал и пытался удержать в голове историю про Мессию-дракона, чтобы потом на досуге в ней разобраться, а Илья продолжал витийствовать. Экий краснобай и баламут! Под конец он совсем разошелся и стал уже буквально орать что-то о Саббате Цеви, Господе и Спасителе нашем, который вот-вот, не позже почему-то 2004 года, вернется из-за реки Самба-тион* и кому-то покажет «кузькину мать».

Тут я понял, а Инна подтвердила мою догадку, что Илья домой сам ни за что не доберется. Поскольку с такси связываться не хотелось, пришлось звонить Сергею, так как у того была машина, и просить его заехать ко мне и отвезти Илью домой. Увы, он вполне сам мог быть подшофе — водился за ним такой грех, но, слава Богу, пронесло. Уже из дома Сергей перезвонил мне, чтобы сказать, что Илья благополучно водворен

* Самба-тион — легендарная река, упоминаемая в Торе и Талмуде. Согласно каббалистической легенде, Саббатая Цеви отправился к исчезнувшим коленам израилевым за Самба-тион, где женился на дочери Моисея.

в свои апартаменты на Шпалерной. Голос Сергея почему-то звучал несколько задумчиво и как-то меланхолично.

Обедать уже не имело смысла — я съел пару бутербродов с колбасой, запил все это крепким кофе и отправился спать. Из комнаты сына — Филипп, подросток, или, на англо-саксонский манер, тинэйджер, со всеми вытекающими — доносилась какая-то тревожно-будоражающая музыка. Я поднялся и пошел спросить у него, что он там такое слушает. Оказалось, некую группу под названием «Терион», считающуюся сатанинской. Я взял коробку диска и прочитал название песен. Половина их была поименована каббалистическими сефирами — Хесед, Тиферет и так далее. Попросив сына сделать сии дьявольские трели потише, я вернулся к себе и наконец-то заснул. Во сне я беспокойно ворочался с боку на бок и видел какие-то бредовые сны: пылающий огонь в каком-то мрачном месте, разевающих пасти змеев и огромного белого питона, покрытого серебристой рыбьей чешуей и вознесенного то ли на крест, то ли на огромный шест. Змей тянул ко мне голову и высовывал длинный черный раздвоенный язык...

Разбудил меня звонок будильника. Голова раскалывалась, во рту был неприятный металлический привкус. Сообразив, что сегодня неприступный день и что идти в институт не надо, я завернулся в одеяло, повернулся на другой бок и снова уснул, на этот раз без сновидений. Проснулся я, когда было уже за полдень.

Прошло несколько дней. За это время я отказался от услуг иностранного отдела института в оформлении визы, поскольку хорошо помнил, как из-за медлительности академических чиновников у меня в свое время чуть не сорвалось две поездки, сходил сам в китайское консульство и благополучно сдал документы. Теща любезно согласилась одолжить мне (причем на неопределенный срок) четыреста баксов на билет до Вены и карманные расходы, так что этот вопрос тоже был благополучно решен. Я даже позвонил в поликлинику по поводу справки и выяснил, что сейчас особого наплыва пациентов нет и что это медицинское затишье, видимо, будет продолжаться все лето. Поэтому я решил сходить за пресловутой справкой после возвращения из Гонконга, а пока засесть за компьютер, с тем чтобы дней за десять написать доклад. Тем временем из Москвы прислали мои билеты на конференцию и обратно с весьма причудливым маршрутом: Вена–Гонконг и Гонконг–Рим–Вена. Получив оные, я без труда купил на тещины деньги билет Петербург–Вена–Петербург и действительно занялся докладом. В институте было тихо и спокойно, все шло своим чередом, зарплату не платили, но и на присутствии за рабочим столом не настаивали. Илья больше не появлялся, о Сабатае Цеви и его светоносных драконах я стал понемногу забывать и потому спал вполне спокойно, без каких-либо инфернальных видений. В это же время я получил приятное известие из Америки: профессор Мак-Дуглас, главный

редактор «International Journal of Transpersonal Studies» известил меня, что моя статья по эпистемологической релевантности мистического опыта принята в окормляемый им журнал и что он сам займется ее языковой правкой.

В перерывах между написанием доклада и гулянием по разным интернетовским форумам я стал раздумывать, какое вещество выбрать для грядущей психоделической практики. Мне хотелось попробовать датуру (она же дьявольская лилия), но всех волонтеров предупреждали об опасности подобного эксперимента из-за непредсказуемого соматического воздействия этого зелья, а рисковать собственным здоровьем мне никак не хотелось. ЛСД или псилоцибиновые «магические грибы» представлялись чем-то слишком вульгарным, а ДМТ я фактически испытал во время описанного выше опыта с аяхуаско. Всякая же наркота, вроде опиума или морфия, вообще исключалась, как в связи с ее способностью создавать привыкание, так и вследствие психоделической неэффективности соответствующих препаратов. Поэтому я находился на некотором перепутье. В конце концов я решил отложить окончательный выбор до получения справки и представления соответствующей заявки в дирекцию.

Как-то оторвавшись от компьютера и осознав, что мой шейный остеохондроз значительно обострился из-за многочасовых сидений у монитора, я решил, что неплохо было бы навестить Сергея. Сказано — сделано. Я позвонил ему, и мы до-

говорились встретиться у него дома около семи. Он попросил меня также прихватить с собой бутылочку типа кубинского рома или текилы. Ничего такого в приличном исполнении я не нашел и поэтому ограничился шотландским «Бифитером» — джином с британским йоменом-стражником на этикетке. Этикетка была знакома мне по дегустационному бару «Нектар» со студенческих лет (то есть года этак с 1980–1981) и вызывала самые положительные ностальгические эмоции. «Все мгновенно, все пройдет, что пройдет, то будет мило», — как прозорливо заметил в свое время поэт. В начале восьмого я оказался перед дверью квартиры Сергея, что в доме у Пяти углов. В руках я держал полиэтиленовый мешок с шотландским напитком и бутылкой швепса. Здесь, видимо, настала очередь прервать плавное течение повествования и рассказать немного о самом Сергее, в то время моем близком друге.

Сергей Соловьев был на четыре года старше меня: ему в марте этого года (всегда забываю дату его дня рождения) исполнился сорок один год. Он занимался темой на стыке филологии, востоковедения и трансперсональной психологии, а именно — отражением психопрактического опыта дзэн в японской поэзии. От большинства японистов, — а он был выпускником восточного факультета, — его выгодно отличало очень хорошее знание древнекитайского языка, называемого японцами «камбуном», то есть ханьским

(сиречь китайским) наречием. Кроме того, он хорошо знал философию и общую теорию трансперсонализма, переводил с английского Грофа и Тарта и любил за бутылочкой чего-нибудь крепкого порассуждать о том о сем в весьма широком тематическом диапазоне — от очередных коварных замыслов ученого секретаря Альберта Аввакумовича до специфики энцефалограмм мозга людей, пребывающих в трансперсональных состояниях разного рода. Последняя тема свидетельствовала о некоторой его склонности к материализму, что также отражалось в интересе к Дэниелу Деннету*, весьма странно соединявшему феноменологию и эволюционизм (от Деннета Сергей, к слову, усвоил выражение «картезианский театр», которое и употреблял когда надо и не надо, и канадскому профессору Лафлину, перешедшему от каких-то мистических практик к рассмотрению мистического опыта через призму изменения биохимических процессов мозга. Такие теоретики были ненавистны Альберту Аввакумовичу, который при упоминании Деннета или Лафлина сразу же хватался за известную книгу Грофа «За пределами мозга», как хватается за Библию баптист, при котором упоминают о Вольтере или Гольбахе (если он

* Деннет Дэниел Клемент (род. в 1942 г.) — американский философ и писатель, исследования которого связаны с философией сознания, науки и биологии, особенно в их связи с эволюционной биологией и когнитивистикой.

знает эти имена, разумеется). Сергей любил застолья и веселую компанию, внешность имел несколько гусарскую, а по мнению некоторых — цыганскую, и общаться с ним было интересно, ничего не скажешь. Правда, последнее время его пристрастие к возлияниям и служению Дионису стало выходить за пределы непредосудительного, что уже начинало всерьез меня беспокоить. Поэтому, приходя к нему с бутылкой, я всегда категорически препятствовал его попыткам бегать в магазин за добавкой.

Как обычно, Сергей сразу же провел меня в маленькую комнатку, служившую ему кабинетом. Он жил с женой и дочерью, но при мне они в этот самый кабинет никогда не заглядывали и, приходя к Сергею, я мог иногда и вовсе их с ними не встретиться. Как и всегда, я сел в кресло у окна, а Сергей разместился на старинном венском стуле напротив. Разлили джин, разбавили его швепсом. Для разминки поговорили об институтских делах, прошлись по ортодоксальности Альберта Аввакумовича, посплетничали о Пиковой даме и ее непрекращающихся атаках на секторальные чаепития. Потом — это было, кажется, под третью порцию джина — Сергей перешел к интеллектуальной части беседы. Начал он ни больше ни меньше как с недвойственности.

— Вот мы все привыкли называть «состоянием сознания», так ведь какое же это состояние *сознания*? Смотри, о недвойственности говорят обычно в нескольких смыслах: недualность

субъекта и объекта, недualность мира и Абсолюта, недualность «Я» и мира как Абсолюта. Первое и второе больше характерно для буддизма, третье и отчасти первое — для веданты. Понятия «сознание» и «недвойственность» так же совместимы, как «сухость» и «вода» или «дерево» и «железо». *Contradictio in adjecto** называется. Ведь все сознание и все его состояния покоится на двойственности субъекта и объекта! Так разве может сознание иметь какое-либо отношение к сознанию!

— Правильно, правильно! Это уже древние индийцы понимали.

— Древние индийцы-то понимали, а наши академики — нет!

— Сравнил божий дар с яичницей! Там ведь риши, мудрецы, были, а не директора институтов. Помнишь ты беседу Яджнявалкьи с Майтрейи из «Брихадараньяка упанишады»?**

— В целом помню, но что конкретно ты имеешь в виду?

— Нет сознания после смерти, говорит Яджнявалкья, а его жена Майтрейи удивляется и просит пояснить. Яджнявалкья и объясняет ей, что сознание есть, только когда есть воспринимающий и воспринимаемое, а когда все есть

* «Противоречие в определении», внутреннее противоречие (*лат.*).

** Упанишады — тексты завершающего цикла священного для индуистской (брахманистской) традиции свода ведической литературы. «Брихадараньяка» относится к наиболее древним упанишадам (VIII–VI вв. до н. э.).

лишь один сгусток познания, гносиса, и нет ни зрителя, ни зримого, — о каком сознании может идти речь?

— Верно! Вот и я об этом. И никакого картезианского театра! Слушай дальше. Но мы-то как раз исходим из того, что недвойственное сознание есть базовая и исходная форма сознания, вершина трансперсонального опыта и трансцендентальное условие всех других состояний сознания. Между тем опыт недвойственности — это не опыт вообще. О каком опыте может идти речь, когда нет ни субъекта, ни объекта! Чей опыт-то? И вот что у нас получается: фундаментом сознания оказывается то, что сознанием не является!

— Bravo! «Все три мира есть только сознание», — говорят буддисты-йогаচারины*. Но три мира есть сансара, феноменальный мир. Йогаচারины вовсе не говорят, что *все вообще* есть сознание, что нирвана есть сознание. Это не виджняна, различающее сознание, которое и есть собственно сознание, а джняна, недвойственный гносис. Без него сознания не может быть, но он все же не предполагает его наличие с необходимостью. Тут-то и происходит переход к учению «Трактата о пробуждении веры в Махаяну», где сансара, круговорот рождений-смертей, выводится из вторичного, иллюзорного и непросветленного аспекта самого недвойственного Абсо-

* Йогачара — одна из религиозно-философских школ буддизма Великой колесницы (Махаяны).

люта. То, что не есть сознание при определенных условиях — буддисты и ведантисты называют эти условия неведением, авидьей, — производит, тем не менее, сознание, которое отрицает потом само себя в практике йоги и обретении просветления. Вот какая диалектика получается!

— Ох, и взгел бы тебя за эти рассуждения наш Лев Петрович! «Психология, психология и психология! И никакой философии!» Так ведь он говорит?

— Ну при чем здесь наши Великие Старцы Поднебесной? Ты лучше скажи: ты каббалу ведь знаешь?

Признаюсь, от этого вопроса меня просто потом прошибло, под ложечкой возникло ощущение пренеприятной пустоты, и дурное предчувствие, как говорится, возникло в сердце. С чего это Серега про каббалу заговорил? Ну дзэн там, сатори, кэнсэ*, веданта...** Или даосизм наконец. Но почему каббала?

— Ну знаю немножко, а что?

Тут Сергей одним глотком осушил очередной стакан с джином и швепсом, и его язык стал заметно заплетаться. Последнее время он начинал что-то слишком быстро пьянеть, что тоже

* Сатори и кэнсэ — понятия японского буддизма. *Сатори* означает «пробуждение», которое в дзэн буддизме связано с *кэнсэ* — «видением (собственной) природы» как пробужденной природы будды.

** Веданта — одна из ортодоксальных, в отличие от буддизма и джайнизма, религиозно-философских школ индуистской (брахманистской) традиции.

несколько беспокоило меня — уж слишком опасный симптом у пьющего человека. С месяц тому назад мы были на дне рождения у одного институтского деятеля, так Сергей там заснул непробудным сном после трех рюмок водки и его еле добудились, когда пришла пора расходиться.

— Ты никогда не задумывался, почему в системе лурианской каббалы Бесконечный Свет вдруг возжелал творить, произвел сокращение, ушел из своего центра, образовав пустое пространство творения?

— Никогда не думал. Наверно, такова природа Света.

— Чудненько! А вот твой приятель Илья, которого я днями отвозил домой, рассказал мне, что каббалисты-саббатанцы считают, что отнюдь не весь Свет возжелал творить, что на этой почве в Абсолюте произошел настоящий раскол и Светы, предпочитавшие покой и недвойственность, восстали против нисхождения в сферу тварного. Значит, дело не просто в природе Света. Свет мог бы преспокойно пребывать в покое и самодостаточности, прости за неуклюжий каламбур.

— Так в чем же по твоему дело?

— А вот в чем. Все дело в желании самого Абсолюта освободить себя от корней зла, скрыто присутствующих в его природе в виде корней силы Строгого Суда. Эти корни должны быть сначала выявлены, показаны, продемонстрированы, наконец, чтобы можно было освободиться от них тем или иным способом. Абсолют должен как бы *осознать* эти корни, чтобы изжить их.

Значит, сам процесс творения как процесс упорядочения, ограничения и разграничения, — а все это — проявления силы Строгого Суда, даже структурирования, прости за позитивистские выражения, — является в то же самое время и процессом объективации корней потенциального зла. Поэтому можно сказать, что движущей силой процесса творения является тенденция, присущая самому Абсолюту: в его воле освободиться от потенциально злых корней Строгого Суда. Но этот процесс тесно связан с выявлением корней зла и их переводом из скрытого состояния в явное. Только наделяя действительным существованием силы Строгого Суда, Абсолют может освободиться от них или трансформировать их как свой объект в силы блага и святости. Недвойственность выделяет из себя двойственность, а потом снова интегрирует ее в себя. Все творение оказывается, метафорически говоря, своеобразным психоаналитическим сеансом Божественного Ума, освобождающим себя от угнездившихся в своем подсознании корней зла. Начало процесса творения есть сокращение, сжатие, с помощью которого в Боге высвобождается некое пространство, в пределах которого создается мир. Но любое сокращение или ограничение есть функция сил Строгого Суда и, в конечном итоге, зла. Следовательно, эти силы с необходимостью вовлекаются в творение, а это в свою очередь чревато появлением актуального зла. Подвожу итоги, — Сергей говорил слегка заплетающимся языком, но в стиле докладов на годичной сес-

сии института. — Корни зла, как силы Строгого Суда, внутренне присущи, соприродны, самому Абсолюту, Свету, и содержатся в его глубинах. Процесс творения выявляет эти потенциальные корни зла. Выявление этих корней есть основание начала процесса творения через сокращение. Процесс творения есть изживание и исторжение из божественной природы элемента Строгого Суда — и, соответственно, зла — через его выявление, экспликацию и последующую ликвидацию в ходе божественного катарсиса. Однако Светы, лишённые воли к творению, восстают против этого акта интеграционной психотерапии Абсолюта как против бунта, мятежа против Него; для Творящих же Светов Нетворящие — мятежники, предпочитающие исходную неявленность Абсолюта как *Deus Absconditus*, Бога Сокровенного. Для Нетворящих Светов творение есть сатанинский акт, ибо он пробуждает дремлющее зло и делает его явным; для Творящих же Светов сатанинский принцип воплощают как раз их противники, ибо они препятствуют окончательному искоренению корней зла и санкционируют их присутствие в Абсолюте. Такие вот дела.

— Так ты оказывается просто гностик! А еще Деннета читаешь!

— Все мы немного гностики, даже Лев Петрович. Без небольшой порции гностицизма наша наука не идет. А Деннет... Просто и Деннета можно читать гностически. Помнишь, как Владимир Ильич рекомендовал материалистически читать Гегеля? А я предлагаю гностически читать

Деннета. Ведь не будешь же ты отрицать, что его критика картезианского театра имеет прямое отношение к буддийской теории «не-Я»? А это только самое поверхностное извлечение из Деннета трансперсонализма и гностицизма.

— Ну, может быть, и так. Я сам его книгу про объясненное сознание дальше главы про феноменологический сад все равно прочесть не смог.

— И это тебя не красит, поверь мне.

Я попытался снова свернуть разговор на проблему зла и Абсолюта, но мой дружок уже явно принял больше положенного, и его понесло на политику. Потом он и вообще стал говорить что-то не слишком сообразное и предпринимать попытки отправиться в магазин за новой порцией даров змия, на этот раз зеленого. Тут я сослался на то, что Инна просила вернуться меня пораньше, и улизнул. По дороге я прокрутил весь разговор снова, и опять что-то неприятное коснулось своим когтем моего сердца. Понять, что же это такое, я, правда, так и не смог и в конце концов счел за благо выкинуть всех этих Светов и драконов из головы и подумать о перспективах защиты докторской. С этими вполне приземленными мыслями я и пришел домой. На следующий день надо было появиться в институте, а через неделю я должен был уже вылетать в Гонконг — Порт Ароматов на Южно-китайском море.

Если вы хотите узнать, что произошло потом, не поленитесь прочитать следующую главу.

Интерлюдия вторая

Несколько лет тому назад меня пригласили читать лекции в Канаде, в Университете Саскачевана, славного тем, что когда-то в нем преподавал Питирим Сорокин, а много позднее — выдающийся специалист по философии и психопрактике тибетского буддизма Герберт Гюнтер. Я приехал в город Саскатун, где располагается этот университет, в марте, — была еще суровая зима (Саскачеван известен как канадская Сибирь) и по ночам термометр показывал за минус тридцать. Но к 10 апреля все-таки потеплело, солнце стало согревать землю, лед растаял, и жить стало приятно. В это время профессор Стэн Эверард с отделения нативных исследований (его можно было бы назвать отделением краеведной этнографии) предложил мне съездить к индейцам и пройти у них ритуал, называющийся по-английски *sweat lodge*, или «место, где потеют», «потельня», «парилка». Надо сказать, что правила политкорректности практически исключают употребление в академической среде слова «индейцы»; вместо него полагается использовать выражение *first nations* («первые народы») или *America first nations* («первые народы Америки»), почти «перворожденные», что вызывало у меня ассоциации с толкиеновскими

эльфами. Я, конечно, согласился, и в ближайшее воскресенье мы выехали в резервацию.

Однако в поселок мы заезжать не стали, а вместо этого въехали в небольшую рощицу с еще голыми деревьями. Надо сказать, что Саскачеван (по крайней мере южная его часть) расположен на северном краю пояса прерий, и леса там достаточно редки, хотя по всему Саскатуну растут прекрасные ели и кедры. Вскоре мы увидели несколько машин и остановились на небольшой поляне поблизости. Здесь стоял настоящий вигвам (вигвамы тут называют *типи*) и круглая палатка вроде юрты. Около нее кучковались, разговаривая, индейцы, а вокруг бегали индейские дети. Одеты все были вполне просто и обыденно: куртки, рубашки, джинсы, никаких перьев и прочей экзотики. Правда, на ногах у многих индейцев были мокасины и почти все мужчины заплели волосы в косы; с косичками были и мальчишки. Стэн представил меня старейшине, который вполне любезно приветствовал меня, после чего все мужчины по очереди подошли ко мне с рукопожатиями. Поскольку не все участники ритуала еще прибыли, у нас было немного времени, и мы пошли прогуляться к речке. Дорога оказалась плохой: после таяния снега развезло глину и обувь увязала в грязи. Но в кустах гоготали гуси, в голубом небе пролетали стаи журавлей, все дышало весной и поэтому грязь настроения не портила. Дойдя до реки, мы повернули обратно и вновь оказались на поляне перед палаткой.

Индейцы начали снимать одежду в специальной раздевалке недалеко от палатки, мы со

Стэном разделись на свежем воздухе. Разоблачаться надо было до трусов, сняв к тому же с тела все круглые предметы (например, обручальные кольца). После этого мы направились в палатку, перед входом в которую был установлен своеобразный алтарь с лосиным (кажется) черепом. В палатке все (пока только мужчины) расселись по кругу. Палатка была увешена разноцветными (по символике сторон света) кусками ткани. Я тоже совершил подношение белой тканью и пачкой табака, и мою ткань также повесили в соответствующем месте палатки — там она провисит до следующей весны, после чего ее сожгут. В центре палатки была вырыта глубокая яма, за ней был установлен еще один алтарь с черепом животного, за которым разместился старейшина, ведущий ритуал. Все повернулись лицом к нему. Стэн объяснил мне, что здесь присутствуют индейцы из разных племен, но преобладают кри, хотя есть и сиу (дакота), и лакота, а сам старейшина принадлежит к анишнабе. Поскольку браки здесь экзогамны, племена понемногу перемешиваются и различия между ними сглаживаются.

Началась так называемая церемония трубки — *pipe ceremony*, предваряющая все индейские ритуалы. Вначале по кругу пустили тлеющую «косичку» травы, которой каждый должен был окурить себя для очищения. Затем, после произнесения старейшиной ритуальных формул и раскуривания, по кругу пустили трубку с длинным мундштуком; каждый участник ритуала делал затяжку, прикасался трубкой ко лбу и сердцу и передавал ее дальше. После церемонии

с трубкой в палатку вошли женщины в длинных рубахах. Один из индейцев начал закладывать в яму в центре раскаленные булжники, умело орудуя длинными вилами. Я знал, что в данном ритуале камни символизируют предков и их называют «бабушками» и «дедушками». Потом камни обильно полили водой, они зашипели, и по палатке распространился обжигающий жар. Входное отверстие плотно закрыли, и палатка погрузилась в полную тьму. Старейшина начал читать заклинания на языке анишнабе, затем индейцы запели ритуальные песнопения. Когда жар несколько спадал, камни снова орошали водой; с каждым разом становилось все жарче и жарче, словно в хорошо натопленной русской парилке. Мрак, влажность, жар. Материнская утроба. Покой, расслабление мышц, блаженное отдохновение. Первая перинатальная матрица*, по терминологии Станислава Грофа. Океанический экстаз, эмбрион, парящий в околоплодных

* Базовая перинатальная матрица (БПМ) — одно из центральных понятий трансперсональной психологии, теоретическая модель состояний психики до и в первое время после рождения, согласно которой соответствующие стадии внутриутробного развития влияют на всю последующую жизнь. Согласно С. Грофу, таких матриц четыре: БМП-I — первоначальное единство с матерью (внутриутробное переживание до начала родов); БМП-II — антагонизм с матерью (схватки в закрытой маточной системе); БМП-III — синергизм с матерью (проталкивание через родовую канал); БМП-IV — отделение от матери (прекращение симбиотического союза с матерью и формирование нового типа отношений).

водах. Покой, умиротворенность, чувство уюта и полной безопасности. Пот стекает все обильнее, купальные трусы уже настолько пропитались потом, что их можно выжимать. Все тело мокрое. Жарче, жарче, жарче. Сердце начинает биться сильнее, чувство покоя и безопасности сменяется нарастающим беспокойством. Полный мрак начинает пугать. Вдруг — резкая смена настроения: умиротворенность сменяется страхом, клаустрофобией, которой я никогда прежде не испытывал. Кажется, что я навсегда останусь в этом мраке, пространство вокруг сжимается: душно, тошно, страшно. Вторая перинатальная матрица. Жар становится непереносимым, сердце не справляется с нагрузкой. Паника, хотя я сижу совершенно неподвижно... Но тут пение индейцев обрывается, в палатку проникает свет, входное отверстие открывается, вдох свежего воздуха. И я следом за человеком, сидевшим рядом со мной, выползаю на четвереньках из палатки, весь мокрый, пот стекает с тела. Я рождаюсь! Я родился!!!

И вот я уже сижу на свежем воздухе под лучами весеннего солнца, слушаю гоготанье диких гусей, понемногу обсыхаю, расслабленно потягиваюсь. Я слаб и мягок, как новорожденный («Его кости мягки, его мышцы слабы, но хватает он крепко»*), я спокоен и умиротворен. *Sweat lodge* продолжается: за первой следуют еще три все более краткие сессии. Но я остаюсь снаружи: пока с меня довольно. Слушаю пение индейцев, смотрю на лосиный череп.

* «Дао-Дэ цзин», гл. 55.

Когда ритуал заканчивается и все одеваются, начинается угощение, и я с аппетитом ем индейскую похлебку из какой-то дичи, кажется, той же лосятины. Потом снова рукопожатия, прощание, приглашение приезжать еще, и мы со Стэном садимся в машину и возвращаемся в Саскатун. Во мне что-то изменилось. Я действительно заново родился: звуки и краски приобрели новую свежесть и новый колорит. Надолго ли это? Не знаю, но этот опыт, — как блаженство утробного пребывания, так и ужас рождения, — я никогда не забуду.

*Врата, в иные манящие дали,
Белеющую церковь над рекой,
Сверхчувственный, безмысленный покой
Лазоревые зори предвещали.*

*Увы! Века те зори люди ждали
В предчувствиях, молениях и снах,
В видениях и дивных чудесах,
В рыданиях тоски, слезах печали.*

*И впадины глазниц пустыми стали
От бдений в ожидании костра,
Когда в спокойствии иные спали.*

*Но и во сне страдальцы ощущали:
В уничиженьи стонет их сестра,
Как яркий свет в магическом кристалле.*

Глава III,

*в которой незнакомец просит о помощи, а ученая дама
доказывает, что она отнюдь не морская свинка*

В институте все то же самое. Кажется, что он почти вымер, даже электричество на первом этаже не включено. Только неутомимая общественница Касьянцева бегает туда-сюда — из бухгалтерии в приемную директора и обратно. И чего она бежит?.. Зашел к Константину Ивановичу и поведал ему о своих успехах по части поездки в Гонконг. Тот похвалил меня за оперативность и выдал мне один доллар, с тем чтобы я поменял его в Гонконге и привез ему монеток для коллекции. Больше ничего интересного он мне не поведал.

Наверху тоже никого. Только Лев Петрович играл в коридоре в шашки с патриархом перинатальной терапии профессором Мухаммедом Алиевичем Шариповым. В кабинете сидел унылый Семен Владимирович Карпов и чертил какие-то хитроумные схемы, призванные отобразить структуру «Я» в его трансперсональных измерениях. Схем Карпова понять никто не мог, но он пользовался всеобщим уважением и считался великим, хотя и официально непризнанным, ученым. Семен Владимирович немного поговорил со мной о московских коммерческих семинарах по холотропному дыханию и о том, что и нам не

мешало бы обзавестись чем-нибудь подобным. На это я чистосердечно отвечал, что в Москве для таких дел есть энергичный и пробивной молодой трансперсоналист Алексей Мартов, тогда как наш «золотой фонд» только и умеет, что критиковать ушлых москвичей и кичиться своим незапятнанным академизмом. Карпов, кажется, принял мои слова на свой счет и, обидевшись, замолчал. Тогда я отправился в библиотеку.

Если в советское время в библиотеку какие-то зарубежные книги и журналы еще поступали, то теперь этот поток, никогда и не бывший слишком бурным, совсем обезводел, обмелел и превратился в тоненькую струйку. Кроме каких-то переизданий старых работ Тарта* и Кена Уилбера и последнего выпуска «Journal of Transpersonal Psychology», главный редактор которого всегда имел слабость к России и русской культуре, на выставке новых поступлений ничего хорошего не было. Зато я обнаружил объявление о семинаре по новым методам немедикаментозного вхождения в трансперсональные состояния, приуроченном к столетию со дня выхода в свет книги Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Семинар должен был начаться в конференц-зале клиники через пятнадцать минут, и я решил сходить туда.

* Тарт Чарльз (род. 1937) — американский психолог и парапсихолог известный своими исследованиями природы сознания и его измененных состояний; считается одним из основателей трансперсональной психологии.

Раньше на подобные семинары собирались если не толпы и не сонмы, то, по крайней мере, внушительные аудитории; теперь же конференц-зал был почти пуст, и я уселся впереди прямо у кафедры, с которой должен был вещать докладчик. Им оказался неизвестный мне молодой — действительно молодой, а не по нашим меркам — москвич из головного института, кажется, Королев. Он говорил о вполне традиционной кундалини-йоге*, ссылаясь на известную статью американца Синеллы, который в свою очередь базировался на книге индийца Гопи Кришны. Основная мысль докладчика заключалась в том, что практика кундалини-йоги в современных клинических условиях вполне может быть адаптирована как для достижения определенных терапевтических эффектов — особенно при лечении некоторых психозов, — так и для исследования картографии сознания. Хотя никаких «америк» докладчик не открыл, было приятно, что есть еще вполне серьезные молодые ученые, занимающиеся теоретическими вопросами, а не гоняющиеся исключительно за грантами. Я хорошо знал, что обычно такие грантоискатели великолепно умеют составлять заявки и исследо-

* Кундалини-йога — одна из систем тантрической йоги, связанная с особой энергией *кундалини*, в обычном состоянии «спящей» в нижнем отделе позвоночника. Задача практики состоит в ее пробуждении, подчинении и контролируемом подъеме по центральному энергетическому каналу к голове, что должно привести к полной интеграции всех процессов психики.

вательские проекты, реализация которых оставляет, однако, мягко говоря, желать лучшего.

Когда доклад закончился и никаких особых вопросов не последовало, а скучающая малочисленная публика направилась к выходу, я собрался последовать примеру остальных и тоже покинуть конференц-зал, однако в дверях буквально столкнулся с Сергеем Соловьевым, который достаточно энергично двигался в противоположном направлении. Вот уж кого я меньше всего ожидал здесь увидеть, ибо Сергей никогда не был любителем докладов и заседаний. Сергей толкнул меня обратно и, пробурчав что-то вроде «Подожди минутку», устремился к докладчику, с которым они стали обниматься и чуть ли не целоваться. Понятия не имел, что они вообще знакомы! Впрочем, у Сергея есть такая манера — не рассказывать о своих друзьях другим своим друзьям без особой на то надобности. Может быть это и правильно: я часто попадал в весьма щекотливые ситуации из-за того, что некоторые мои друзья терпеть не могли других. Когда их восторг от встречи несколько поутих, я подошел к ним, и Сергей представил меня Королеву (Андрею) как своего друга и большого знатока восточных психопрактик и каббалы. Его педагогирование каббалы опять как-то неприятно меня кольнуло, но я не придавал этому никакого значения и обменялся рукопожатием с Андреем, после чего Сергей пригласил нас пойти выпить чего-нибудь за знакомство. Андрей на это возразил, что с самого московского поезда ничего не ел

и поэтому предпочел бы пообедать. В результате мы оказались в кафе «Гаргантюа» на Вознесенском проспекте. Андрей заказал себе полноценный обед, а мы с Сергеем взяли по так называемому пивному набору (креветки, рак, кусочки копченой рыбы) и по две кружки пива. Для меня это было дороговато — Андрей, правда, заметил, что в Москве на эти деньги разве что кружку пива нальют, — ну да ладно, не каждый день гуляем.

Завязалась беседа. От кундалини-йоги мы перешли к буддийской тантре, от нее — к даосской внутренней алхимии. Потом разговор принял интересное и неожиданное для меня направление. Поговорив в довольно поверхностной манере об энхимоме, внутреннем даосском эликсире, Сергей вдруг заявил, что считает даосскую внешнюю алхимию совершенно нецененной, и пошел рассуждать о «Баопу-цзы», даосском алхимическом трактате IV века, недавно переведенном на русский язык. От этого нетленного творения Гэ Хуна он перешел к критике Юнга, утверждая, что его психологизация алхимии смутила многих исследователей и завела их в тупик, ибо эликсир есть эликсир, а не просто метафора интеграции личности. Второй сюрприз за день! Не подозревал, что Сергей интересуется лабораторной алхимией.

— Послушайте, — развивал свой алхимический курс Сергей, — в алхимии, между прочим, существует маргинальное направление: некоторые люди считают, что Философский Камень представляет собой мощнейшее психо-

тропное вещество. Странно, но это соответствует эпизоду посвящения в романе Майринка «Ангел западного окна»...

Разговор для меня становился все интереснее, так как я никак не мог остановиться на каком-либо веществе для своей психоделической практики и поэтому решил извлечь из рассуждений Сергея максимум пользы. Андрей между тем задал вопрос про датуру и мандрагору. Сергея не нужно было упрашивать, и он продолжил свои рассуждения во вполне интересующем меня ключе:

— Вы, конечно, знаете, что скополамин и атропин — алкалоиды группы тропана — присутствуют и в мандрагоре, и в датуре — *datura stramonium*, дьявольской лилии. Скополамин весьма эффективно преодолевает барьер кровяной ткани мозга, причем в датуре его концентрация намного выше, чем в мандрагоре. С другой стороны, датара содержит некоторые опасные нейротоксины в вариабельных дозах, что делает ее употребление в высшей степени рискованным спортом. («Нет, датара определенно отпадает», — подумал я.) Вообще, для всей группы тропана характерны два момента. Первый: соотношение летальная / эффективная доза близко к единице, то есть человек, добившийся психотропного эффекта от этих растений, находится на волосок от смерти. Второй: иллюзии, вызываемые этими веществами, носят совершенно реальный характер, что делает человека в таком состоянии опасным как для него самого, так и для окружающих.

Я был знаком с одним человеком, который после одноразовой передозировки датыры в течение многих лет не мог избавиться от воспоминаний о напавших на него тогда демонах, и по сути это иллюзорное нападение стало для него ничуть не меньшей психотравмой, чем оказалось бы явление Князя Тьмы во плоти, если, конечно, можно так выразиться. Кстати, образ летающей ведьмы, равно как и многие другие химеры Средневековья, является типичным для галлюцинаций, вызванных тропанами. В Средние века в Европе, особенно в южной Франции, многие тропаносодержащие растения употребляли для разного рода практик. Они значатся в списках инквизиции как атрибуты черной магии. Есть попытки связать вообще всю средневековую систему inferнальных образов с воздействием тропанов — кстати, довольно интересная теория. Есть еще вздорная гипотеза, что Иисус не был реально распят, а принял некое снадобье для переживания смерти-воскресения... Да, тропаны вызывают временный разрыв синапсовых связей, восковой вид тела и т. д. в том же духе. Однако, следует сказать, что прием необходимой для такого транса дозы скополамина и добровольное предание себя на казнь по сути ничем не отличаются, поскольку шансов очнуться в таком случае у Иисуса было не больше, чем выиграть миллион в рулетку. *Atropa mandragora* является ближайшим родственником беладонны. Естественно, действующее вещество мандрагорин, по воздействию практически тождественно атропину.

Фармацевтически мандрагору применяли еще во времена Плиния как рвотное и как анальгетик или транквилизатор. Психотропные свойства мандрагорина очень слабо выражены. Делирий* может наступить фактически только при передозировке. Основным магическим свойством мандрагоры с древних времен считалась способность изгонять злых духов — этим и объясняется использование ее в магических практиках. Кроме того, корень мандрагоры по форме нередко напоминает фигуру человека, что тоже способствовало приписыванию ей магических свойств.

Тут Сергей отхлебнул пива, а Андрей, воспользовавшись перерывом в его словоизлияниях, задал ему вопрос о соме. Точнее, о том, что он по этому поводу думает, особенно в связи с тем, что в зороастризме издревле существовал культ эфедры, из которой, вроде бы, приготавливалась сома, и Заратуштра, кажется, даже получил свое откровение, собирая ее веточки. Хотя вряд ли эфедрин вообще можно отнести к психоделикам, тогда как из ведических текстов совершенно ясно, что сома обладала психоделическим эффектом. С другой стороны, такой исследователь и знаток энтеогенов**, как

* Делирий (лат. «безумие, бред») — психическое расстройство, сопровождающееся нарушением сознания.

** Энтеогены — название различных субстанций растительного происхождения, содержащих психоактивные вещества, использующиеся для достижения измененных состояний сознания.

Уоссон*, предполагает, что для изготовления сомы использовали сок мухоморов. Но психоделическая мощь мухоморов тоже сомнительна. Кое-кто говорит о псилоцибиносодержащих грибах. Но есть ли они в Индии? Или арии использовали их, еще когда жили на севере, а в Индии начали экспериментировать с эфедрой, и в конце концов вообще отказались от сомы в связи с отсутствием эффективного заменителя псилоцибина?

Сергей сразу же вдохновился, оставил пиво, но взялся за сигарету и выдал еще один монолог.

— Действительно, есть две теории сомы. Одна основана на том, что действующим веществом был псилоцибин, родственник мескалина, содержащийся в некоторых грибах, в частности, в обычных мухоморах, хотя в последних и в незначительном количестве. Другая основывается на том, что в это время были уже известны фармакологические свойства эфедры. Однако эта вторая теория, на мой субъективный взгляд, является бредовой, так как из эфедры можно получить лишь наркотические вещества, относящиеся к стимуляторам. Сначала выделяется алкалоид — эфедрин, потом эфедрон или другие стимуляторы ряда фенамина. Эти вещества, обладая, конечно, наркотическим действием, не дают того психотропного эффекта, который по идее нужен для проведения мистерий. Наркота

* Уоссон Роберт Гордон (1898–1986) — американский этноботаник (этномиколог) и писатель.

же для этой цели абсолютно бесполезна. Если вас беспокоит мысль о религиозно-мистической ценности психоделического опыта с той точки зрения, что медитирующий и совершающий психоделический *трип* оказываются как будто бы в одной категорийной лодке, то это зря. Согласитесь, жить в красивом доме и заглянуть в него через окно — не одно и то же. А психонавт только заглядывает, буддой или святым он никогда не станет. Для этого нужно преобразование личности, а для преобразования личности нужна аскеза, аскеза в изначальном смысле — как подвиг, упражнение, самосовершенствование, даже борение. Но заглянуть в окно святости, так сказать, психонавт может. А уж для научного изучения сознания, его природы или возможностей, психоделики просто бесценны. С другой стороны, физиологическая основа любой серьезной трансформации организма, тем более такой, как просветление, предполагается сама собой. Глупо думать, что пробуждая *кундалини**, мы не меняем самым серьезным образом химию нашего организма. И, естественно, это предполагает обратное утверждение: можно и со стороны биохимических изменений добиться определенного трансформирующего воздействия на психику. Ничего тут страшного нет. Я понимаю, профанация и т. д. Но ученый ведь не должен исходить из предубеждений и предрассудков. А массовое употребление, конечно, совершенно нежелательно.

* См. примеч. на с. 79.

Увы, равенство есть иллюзия, и иногда вредная иллюзия. Как бы это ни было прискорбно, но *quod licet Jovi, non licet bovi* — что позволено Юпитеру, не позволено быку. Какой-нибудь философ применяет психоделик для исследования сознания, а какой-нибудь наркоман делает то же самое ради кайфа. Все же понятно... Это не парадоксы психоделиков, а издержки доктрины равенства, в том числе и юридического. Но наше общество не готово даже обсуждать такие проблемы, да и западное недалеко ушло. Наш институт есть оазис, башня из слоновой кости, твердыня академизма. И это надо ценить при всех издержках и нелепостях академической жизни, особенно в нашем постсоветском варианте.

После этой тирады все мы на некоторое время примолкли, а потом разговор понемногу перешел на мирские темы и в конце концов — на перемирование косточек московским коллегам. Особенно досталось одной ученой даме, Тамаре Павловне Максимовой. Тамара Павловна писала в огромных количествах бешено популярные книжки на тему «трансперсонализм и лечение алкоголизма» и закатывала к небу глаза, произнося такие выражения, как «океанический экстаз» или «вулканическое переживание». Однако злые и даже не очень злые языки говорили, что Тамара Павловна боялась психоделической практики как черт ладана и что ее собственный трансперсональный опыт близок к нулю. На практиках же типа холотропного дыхания она обычно сидела, скрестив ноги «по-турецки» —

в сукхасане, как она предпочитала выражаться, — возведя очи горе, и вместо интенсивного доведения легких до состояния гипервентиляции, занималась дыхательными упражнениями, описанными в книгах типа «Йога для здоровья». К этому образу Андрей добавил еще одну черточку: на некоей вечеринке она разоткровенничалась и сказала, что ей всегда хотелось, чтобы ею овладели прямо на столе. По этому поводу я заметил, что ее понять можно: все мужики интеллигентничают и политкорректничают, а у женщин сексуальные комплексы развиваются. К положительным чертам мадам Максимовой относилось ее вполне бескорыстное стремление помогать молодым ученым, однако после того, как они становились «на ноги», видимо, так и не овладев своей патронессой на столе, она утрачивала к бывшим подопечным какой бы то ни было интерес. Известна была Тамара Павловна и своим свободомыслием, иногда довольно своеобразным. Так, в середине брежневской эпохи сия дама опубликовала некий труд о трансперсональных корнях музыки Скрябина, в библиографию которого исключительно по недосмотру редакторов и главлита включила труды всех «отказников» и «невозвращенцев», гордо заявляя всем коллегам, что «вот все боятся и не делают», а она «не побоялась, и все прошло». Между тем после выхода книги кто-то все-таки настучал, в результате чего несчастных издательских редакторов чуть было не выгнали с работы. А Тамара Павловна ходила вся в белом.

Я так подробно пересказал эту историю, чтобы лучше охарактеризовать институтские нравы и обстановку в институте со всем ее колоритом. Без таких деталей академическую жизнь не понять, ибо она — не только исследования и публикации, но и отношения между сотрудниками — личностные, бытовые и профессиональные.

Изрядно накачавшись пивом и перемыв косточки всем наиболее колоритным фигурам питерского и московского трансперсонализма, мы наконец-то вышли на улицу. Наступающий вечер не чувствовался: разгар белых ночей! Тепло, вот-вот полетит тополиный пух — для Питера достаточно редкий, мягкий июнь. Вскоре мы расстались. Сергей отправился восвояси к Пяти углам, Андрей пошел в сторону Невского, чтобы до поезда побродить по легендарному проспекту, ну а я пешком направился к Исаакиевскому собору и потом по Дворцовому мосту перешел на Петроградскую сторону, где и жил на Съезженской, совсем недалеко от зоопарка.

Инна открыла дверь со словами: «А тебя опять ждут».

— Господи, Боже мой, неужели это опять Гданьский?

— Не-а, какой-то неизвестный тип.

Я устремился в свою комнату. Там с книжкой в руках сидел Андрей, с которым мы только что расстались на Вознесенском.

— Не удивляйтесь, Константин. Мне надо с вами поговорить, притом наедине, без Сергея.

Он хороший парень, но тут совершенно лишний.
А ваш адрес мне дал Илья Гданьский.

«Значит, я все же не ошибся, — пришло мне в голову, — без Ильи тут не обошлось».

— Хотите чаю?

— Да, не откажусь.

— Инна, принеси нам, Бога ради, чаю.

— Ладно, сейчас.

— Слушаю вас.

Дальше все повторилось, как в дурном сне. Просто день сурка какой-то. Андрей вещал с профетическим пафосом про Саббатая Цеви, возвращение одного из-за реки Самбатсион, а также о двух Светах и о вечном покое Абсолюта до того, как некоему его аспекту пришла — в голову или куда там еще — блажь заняться творением. Он даже спел довольно приятным тенором что-то на иврите.

— Это о предвечном покое, о котором тоскует Свет-дракон, — пояснил он.

В общем, клиника. Групповое помешательство у них, что ли? Чтобы сбить с моего гостя пафос, я начал что-то говорить про Мартина Лори, он же Ицхак Лейб га-Коген, его интернетовской рассылке и сайте. Андрей небрежно отмахнулся от меня и сказал, что все это лажа.

— Ну хорошо, пусть лажа, но от меня-то вы чего хотите?

Он стал говорить что-то довольно невнятное о мистическом опыте и благе всех существ — подробностей я даже не запомнил. Когда же Андрей понял, что меня его разглагольствования мало

интересуют, — хотя слушать его было довольно приятно, модуляции его голоса чем-то завораживали, — то начал прощаться:

— Ну ладно, я пошел, да и поезд уже скоро. Вы позволите по крайней мере иногда звонить вам или посылать мэйлы и консультироваться по разным релевантным, так сказать, вопросам?

— Послезавтра я на неделю отбываю в Гонконг, а после возвращения — милости просим!

— Ну, и на том спасибо.

— Не за что — *you are welcome!*

Я проводил Андрея до двери, он выглядел вполне энергичным и отнюдь не обескураженным моим отказом. Видимо, он был уверен, что куда-то я от него не денусь и наши мистические собеседования продолжатся. Ну-ну, надежды юношей питают... Мы попрощались как ни в чем не бывало, и Андрей быстро стал спускаться по лестнице, а я закрыл дверь и запер ее на цепочку. Меня беспокоил только один вопрос: «Если он не сумасшедший — не могли же они с Ильей помешаться синхронно, — то что все это значит?»

Ночью мне приснился загадочный сон, почти видение. Я видел ночную улицу, освященную факелами, по которой столь быстро, сколь позволяли ему длинные и широкие одежды целеустремленно шествовал какой-то человек в пурпурном — нет, даже кроваво-красном — облачении. За ним шла, почти бежала, толпа людей в традиционных ближневосточных одеяниях; у некоторых мужчин, правда, почему-то были отчетливо видны

хасидские пейсы. Создавалось впечатление, что человек в красном ведет всю эту толпу к какой-то прекрасной и высокой цели. Вдруг у какого-то здания (синагога, подумал я) он остановился, резко развернулся лицом к толпе внизу (поскольку улица поднималась в гору) и вскинул руку. Тут внезапно его внешность начала меняться, и он то превращался в высокого мужчину с красивой окладистой бородой, в белых одеждах, сияющих словно снег под горным солнцем (как Иисус на иконах Воскресения Христова, подумал я), то становился змееподобным существом, драконом, с кожистыми, как у летучей мыши, но тоже сияющими крыльями. Кто одолеет в нем — Муж славы или Светозарный дракон — мне, впрочем, узнать не удалось: прозвенел звонок и я сразу же по привычке спустил ноги с дивана.

Все утро в голове у меня был туман, и крутилась, без конца воспроизводя себя, известная мелодия с нелепыми словами:

*Мы смело в бой пойдём
За Машиаха,
И как один умрём,
Не зная страха.*

Неужели меня тоже начинает охватывать саббатическое безумие?..

Следующий день был последним перед моим отъездом в Гонконг через Вену (это ж надо: вначале лететь часа три-четыре на запад, чтобы потом пролететь их же, но в обратном направлении!),

и я решил зайти в институт, узнать, не будет ли еще каких-нибудь «цэ у» от начальства. Однако в институте было пусто и неудобно, свет в коридорах был выключен, а Константину Ивановичу было явно не до меня: Георгий Тигранович навалил на него институтский отчет за первую половину года.

«Ну езжай с Богом», — это была единственная фраза, которой наш замдиректора одарил меня, когда я заглянул в его кабинет и сообщил, что *sail away tomorrow, sailing far away* (то бишь «уеду я, друзья, в дальние края»). Состояние у меня было, прямо скажем, муторное. Во-первых, изменилась погода: стало пасмурно, тепло и влажно, слышались удаленные раскаты грома и время от времени начинал моросить дождик. В такую погоду я начинал отчаянно потеть, мучиться головной болью и сонливо позевывать. Во-вторых, меня странно беспокоила личность Андрея. Он был, безусловно, человеком неординарным, обладавшим, как сказали бы полинезийцы и этнологи, *маной*. Во всяком случае, обаяние его личности, несомненно, затронуло меня, и, несмотря на его безумные речи, мне вполне определенно хотелось снова увидеть его или хотя бы позвонить, как если бы он был моим старым другом, с которым мы внезапно встретились после долгой разлуки и сразу же расстались вновь. Я подавил эту иррациональную ностальгию и решил, что ни звонить, ни писать Андрею до возвращения из Гонконга не буду, а там посмотрю, что будет.

Я поднялся к себе на второй этаж. В нашем секторе не было ни души, зато в соседнем я обнаружил Ирину Ставцову, с которой меня связывали отношения давней дружбы и доверительности, хотя о некоторых сюжетах, типа саббатической лихорадки, с ней говорить было бесполезно, ибо она была весьма далека от всей и всяческой мистики, обладая умом сильным, острым, но вполне практическим и скорее аналитическим, нежели синтетическим.

Ирина сидела за Священным Столом, некогда принадлежавшим матриарху нашего трансперсонализма Татьяне Исаевне Фельдман. С этим столом у меня были связаны достаточно неприятные ассоциации. В прошлом столы в институте были дефицитом; это теперь на работу, «в присутствие», мало кто ходит даже в присутственные дни, а когда-то по понедельникам и средам все сидели за столами как миленькие. Так вот, сотрудников было много, а столов мало, и места для столов тоже было немного: даже великокняжеские дворцы не резиновые. Проблема стола актуализировалась для меня в первый же день моей работы в институте. Как сейчас помню: это было 8 января 1992 года — в этот год либерализации цен на работу ходить еще не успели разучиться, и мне надо было где-то сидеть. Константин Иванович вспомнил, что имеется стол Татьяны Исаевны, которая по причине преклонных лет и далеко не идеального здоровья в институте практически не появлялась. Он позвонил ей, и Татьяна Исаевна вполне

любезно разрешила мне сидеть за ее столом в ее отсутствие. Я спокойно пошел наверх. Однако не прошло и получаса, как Константин Иванович снова вызвал меня к себе и сообщил, что Татьяна Исаевна только что позвонила ему и устроила форменный скандал: она-де согласилась на то, чтобы я сидел за ее столом только вследствие шока, что она не ожидала такого оскорбления, что ее уже не числят среди живых, что ей дают понять, что ее списали, и так далее и тому подобное. Естественно, после этого афронта о сидении за ее столом не могло быть и речи. Через год с небольшим Татьяна Исаевна почил в Бозе, но еще года два никто не осмеливался занять ее место за столом, пока наконец его не оккупировала Ирина — ученица и духовная наследница покойного мэтра. О высокочтимый стол! Иначе и не скажешь.

Ирина сидела за этим самым Столом и что-то увлеченно писала. Она занималась довольно экзотической для нашего института темой — отражением личного трансперсонального опыта поэта в его творениях или даже трансперсональным опытом как действующей причиной — прошу прощения за схоластическую терминологию — или побудительным мотивом поэтического творчества. С невероятным трудолюбием — это когда компьютеров еще не было — она расписывала поэтические тексты, и ящики ее стола были забиты карточками поэтических частотных словарей. Она опубликовала несколько книг по своей теме (в основном британская поэзия — Кольридж

и Уильям Блэйк) и множество статей. Коллеги из «золотого фонда» поначалу пофыркивали: зелен-де виноград, но, ознакомившись с монографиями, поутихли. Последнее время у Ирины обнаружили и невероятные педагогические таланты: начав преподавать в университете для приработка, она так увлеклась, что превратилась в педагогическую звезду первой величины. Студенты обожали ее за безграничное желание возиться с их курсовыми и дипломами, а также за твердость и справедливость при оценке работ, деканат — за безотказность и готовность читать гораздо больше курсов, чем требовали нормы нагрузки. Вместе с тем Ирина отнюдь не была каким-то синим чулком и ученой дамой, которая не учена и не дама, как морская свинка — не морская и не свинка. Она была вполне обаятельна, по-женски привлекательна и в хорошей компании, — правда, когда была лет на десять помоложе — вполне могла станцевать канкан прямо на столе.

На звук открываемой двери Ирина подняла голову от книг и, узнав меня, помахала рукой. Я подошел к ней и не без некоторого трепета сел на стул у краешка сакрального Стола.

— Значит, в Гонконг едешь? Очень хорошо, расскажешь потом, ну и сделать кое-какие фото не забудь.

— Не забуду, не забуду. Как у тебя дела?

— Да ничего, нормально; тут Димка опять двоек нахватал, а так ничего. Слушай, я тут такоу нашла! Ты знаешь такого поэта — Йейтса?

— Ну да, знаю, нобелевский лауреат, кажется, 1923 года, борец за независимость Ирландии... А в чем, собственно, дело?

— Да вот, думаю статейку написать про его оккультные увлечения.

— А-а, да, как же: дружил с Мазерсом, одно время был даже президентом ложи «Золотой Рассвет», той самой, которую потом подмял под себя Алистер Кроули... Ты нашла что-нибудь свеженькое?

— Да еще какое! Ты знаешь, что он интересовался каббалой?

В груди появилось какое-то противное чувство и предчувствие чего-то нехорошего.

— Так это естественно. Раз уж тут Мазерс замешан. А он ведь даже перевел на английский «Каббалу без покровов» Кнорра фон Розенрота.

— Но это далеко не все, ох как далеко! Представь себе, Йейтс одно время учился каббале у одного лондонского раввина, который был учеником учеников, а может, даже потомком знаменитого саббатянца и каббалиста-католика Якова Франка! Во как!

Мне показалось, что бомба дурных предчувствий взорвалась: уже даже Ирина про саббатянцев заговорила!

— Ну и что?

— А ну тебя, все ты прекрасно понимаешь! Тут такие перспективы вырисовываются! Один из ближайших преемников и чуть ли не братьев Якова Франка, боюсь соврать, во время Французской Революции был близок с Дантоном, вместе

с Дантоном Робеспьер его и гильотинировал. Какая тема! Каббала, поэзия, мессианские ереси, Робеспьер с Дантоном... Но пока я должна до конца разобраться с Йейтсом.

— Ну и разбирайся с Йейтсом, а что тебя в каббалу-то понесло?

— Так это же самое интересное и есть! Вот тут я, правда, без тебя не обойдусь. Я ведь филолог, историк, ну психолог, но в мистике и философии я ни бум-бум. Вот взяла в библиотеке книгу Шолема, огромный такой вольюм про Саббатая Цеви, но многого не понимаю, потому что не знаю... Вот, луринская каббала, например. И с чем ее едят? И чем она отличается от прочей каббалы? Ничего не знаю. В общем, рассчитываю на твои драгоценные консультации. Но это, конечно, когда уже из Гонконга вернешься.

Тут уж мне ничего не оставалось делать, как улыбнуться (и это несмотря на кошек, скребущих в душе) и пообещать все мыслимые и немыслимые консультации, но потом, потом, а не сейчас, сейчас мне про Иисуса думать надо, а не о всяких еврейских лже-Мессий. После этих заверений я быстренько ретировался, покинув на целых десять дней стены любимого института. Ирина снова погрузилась в свои записи и конспекты. Ну а я решил выбросить из головы и Саббатая Цеви, и Якова Франка и заняться исключительно подготовкой к отъезду.

Если вы хотите узнать о том, что случилось потом, прочтите следующую главу.

Интерлюдия третья

Ноябрь 1982 года, незадолго до смерти Брежнева. Я учусь на втором курсе университета. У нас в группе появляется странный студент-вольнослушатель с длинными волосами и безумными, но такими впечатляющими речами! Некто Александр Иванов с философского факультета. Занимается восточной философией и хочет прослушать ряд курсов по психологии. Введение в трансперсональную психологию нам преподает молоденькая ассистентка, сама еще студентка пятого курса Маша Павлова. И именно ей этот самый Александр рассказывает нечто невообразимое, а уже она с округлившимися глазами, не зная, морочит ли ей голову шарлатан, или изливает душу сумасшедший, пересказывает все нам. Оказывается, Александр — йогин (именно так, на благородном санскрите, йогин, а не как на вульгарном хинди — йог). Он практикует медитацию, совершает целые путешествия в астральном теле, месяцами не ест, обладает парапсихическими способностями и прочее в том же роде. Впоследствии, когда я познакомился с ним поближе, Александр оказался человеком вполне земным и даже не очень-то образованным, хотя в то время он оказал на меня очень сильное влияние, и, вероятно, я не стал бы тем, кем стал,

если бы не общение с ним. Я глядел на него во все глаза (ибо все мистическое интересовало меня уже тогда), но подойти поговорить не решался.

В нашей группе был один парень, являвшийся счастливым обладателем фотокопии книги йога Рамачараки «Раджа-йога». В те времена я не догадывался, что «йог Рамачарака» всего лишь шотландец Аткинсон. Напротив, из на шумевшего документального фильма «Индийские йоги, кто они?» я знал, что йоги могут все или почти все, причем именно благодаря своей «мистической философии», о которой в фильме, правда, только бегло упоминали. А из прочитанной в детстве фантастической книги «Экипаж Меконга» я знал имя Рамачараки и знал, что раджа-йога — высшая духовная форма йоги. Больше ни о нем, ни о йоге я не слышал тогда ничего.

Поэтому я решил немного расширить свои знания, в том числе и с практической, так сказать, стороны, а потом уж попытаться поговорить с Александром. Я попросил у своего приятеля Рамачараку и предался вполне самостоятельным медитациям, каждую неделю «прорабатывая» по одной главе. К началу ноября я добрался до третьей главы. И вот в воскресенье перед Октябрьскими праздниками я прочитал ее, а потом включил проигрыватель, поставил пластинку с «Requiem» Моцарта и приступил к медитации. Я строго следовал тексту книги. Вначале я представил себе, что мое тело лишь относительно мое, что это только некий сгусток в море материи, постоянно получающий свои

атомы извне и отдающий их в свою очередь миру. Не это есть мое тело, вся материя космоса есть мое тело. Затем точно по такому же плану я стал рассматривать энергию, жизненную силу, *прану* (я уже усвоил это слово). Я живу жизнью всей вселенной. Жизнь космоса — вот моя жизнь. Далее то же самое было проделано с умом («мировой ум суть мой истинный ум»), и наконец я добрался до «Я», которое, как учил Рамачарака (о веданте я тогда не имел никакого понятия), не есть ни тело, ни энергия, ни даже ум. «Я» (потом я узнал, что это истинное «Я» на санскрите называется Атманом) есть всегда субъект, который не может стать объектом для ума; «Я» есть трансцендентальный свидетель всех состояний сознания и трансцендентальное условие всякого опыта. Но это все приобрело в моей голове понятийную форму гораздо позже, тогда же я скорее чувствовал, чем знал. Итак, «Я», — которое и есть на самом деле я, рассказывающий об этом, — стал осваивать идею Рамачараки о том, что я — не эта ограниченная и преходящая индивидуальность, а я есть «Я» всех людей, всех существ — здесь, на земле, и во всех иных мирах. Даже если это тело умрет, я буду жить в других существах, ибо я вечен, я есть все, что поистине есть, и все, что поистине есть, есть я.

И тут свершилось. Проигрыватель закончил играть *Requiem aeternam* и перешел к *Kyrie eleison*. Мое сознание расширилось, и я в реальности пережил то, что до того старательно старался представить по книге! Я жил жизнью

всех существ: соседей по коммуналке, водителя проехавшего под окнами грузовика, рыб в реке, морских червей, роющихся в иле в южных морях, и даже каких-то уж совсем неведомых инопланетян из неведомых звездных систем. Мое тело почти совсем перестало быть центром или фокусом самосознания, да и самосознание уже мало походило на привычное. Я блаженствовал, на глаза навернулись слезы. *Kyrie eleison* сменилось *Dies Irae*... Постепенно я возвращался в свое обычное состояние. Согласованная и вполне концептуализированная реальность заполнила органы чувств и мой внутренний мир. С тех пор я не переживал ничего подобного, хотя и очень стремился к этому. Но и сейчас, через семнадцать лет, услышав первые звуки моцартовского «Реквиема», что-то во мне шевелится, и старое впечатление, ушедшая вглубь подсознания *санскара* (или *васана*?)*, кажется, готова воскреснуть вновь, готова... Но никогда не воскресает. Дня три после этого переживания я ходил сам не свой, весь мой мир перевернулся: я открыл иные измерения собственного бытия. Этот краткий (несколько минут!) опыт определил все мои последующие интересы, в том числе и сугубо профессиональные: я погрузился в восточную (индийскую и китайскую) философию, транспер-

* Санскара и васана (*санскр.*) — буддийские термины, означающие впечатление, отпечаток, след или латентную тенденцию, оставляемые в психике телесным, речевым и умственным действиями.

сональную психологию и даже некоторое время практиковал йогу (и уже отнюдь не по Рамачаранке). Я не стал просветленным мудрецом, Буддой, риши или святым, но из меня получился, смею думать, вполне приличный трансперсоналист и специалист по религиозным психопрактикам. И все-таки чувство *Tat tvam asi*, «Ты — То еси», не оставляет меня и, тешу себя этой мыслью, делает меня лучше, чем я мог бы быть, не имея его.

*Как яркий свет в магическом кристалле,
Луна отражена в воде морской,
Сама светя иной, чужой тоской,
Подобно искре в мировом фиале.*

*И берега иные ближе стали,
К ним через бездны перекинут мост.
Дождями орошен, расцвел погост,
И праотцев потомки вызывали.*

*И женихи взирали на невест,
Любви ответного алкая взгляда,
Святых паломники достигли мест,*

*Уж истолок бессмертье лунный пест,
Изгнав из плоти скверны соков яда,
Зажегся в небе ясной ночью Южный Крест.*

Глава IV,

в которой молодой талант отправляется в Порт Ароматов, где он страдает от жары, тогда как ученые мужи внимают его рассуждениям

Итак, рано утром следующего дня я покинул свой дом, отклонив побуждение Инны проводить меня, но высказав просьбу, чтобы она непременно встретила меня через неделю, и прибыл в аэропорт, где к своему искреннему изумлению встретился со Львом Петровичем Большаковым. Оказывается, он оформлялся сам, вне делегации и без контактов с москвичами (может, так и надо), и никто про это даже не знал. Впрочем, Константин Иванович никаких возражений против поездки Большакова не высказал и подписал ему заявление, пробурчав себе под нос что-то вроде «хороших людей чем больше, тем лучше».

Заговорившись, мы оба совершили серьезную ошибку: вместо того чтобы оформить багаж прямо до Гонконга, мы оформили его до Вены, упустив из виду, что багаж выдают уже за паспортным контролем в зоне, в которую нас просто не пустят по причине отсутствия транзитной визы. Увы, эту ошибку мы осознали только в воздухе, когда что-либо менять было уже поздно.

В Вене мы вначале попробовали получить транзитную визу прямо в отделе иммиграции

аэропорта, но нас вежливо, но вполне определенно послали в посольство в Москву. Поскольку в Москву было тоже уже не попасть, пришлось смириться со своей судьбой и отказаться от надежды увидеть венские улицы и воды Дуная. Вместо этого мы отправились в центр обслуживания пассажиров и там после долгих пререканий нам все-таки переоформили багаж на Гонконг. Затем мы зарегистрировались на гонконгский рейс и предался вынужденному безделью, ибо до посадки у нас оставалось еще пять часов. Точнее, бездельничал только я; Лев уселся писать свой доклад, поскольку не удосужился сделать это дома. Поистине, нет худа без добра. Я же принялся слоняться по транзитной зоне аэропорта и за два часа изучил ее в деталях. Чашечка относительно приличного кофе с венской выпечкой завершила мои хождения, после чего я уселся на скамейку близ магазина «Caviar House», в котором по совершенно безумным ценам продавалась иранская (не российская!) черная икра и всякие приспособления (ножики и прочее) для правильного ее потребления. Поскольку ни икра, ни тем более приспособления не были мне нужны, я предался самосозерцанию. В ходе одного я обнаружил, что хотя мое противоестественное влечение к контакту с Андреем Королевым несколько ослабло, но тем не менее никуда не делось. Мне даже захотелось вот прямо сейчас из Вены позвонить ему и сказать... Впрочем, что мне хотелось ему сказать, я так и не понял, а потому отменил и

звонок. Наконец объявили посадку, я нашел Льва Петровича, и мы вместе отправились в наш «Боинг» компании «Лауда Эйр».

Полет в Гонконг мне запомнился прежде всего тем, что нас закармливали, причем очень вкусной и сытной едой. Нас кормили, когда мы пролетали над Болгарией и Турцией, нас кормили, когда мы летели над Бирмой, и нас снова кормили после вылета из Бангкока, где у нас была кратковременная посадка. В последнюю кормежку я с трудом заставил себя поесть, ибо был еще вполне сыт, но очень хотел пить, а когда хочешь пить, то еда уж вовсе не к чему.

На электронной карте в передней части салона было видно, что мы аккуратно облетаем Камбоджу прямо по пограничной линии, не вторгаясь в ее воздушное пространство. Полоска Вьетнама, Южно-китайское море, и пилот объявляет снижение перед посадкой в городе Гонконге, называемом на нормативном китайском языке Сянганом, — Порту Ароматов. Крыло самолета пронеслось прямо над бирюзовой морской волной, возникла и исчезла то ли бухта, то ли залив с живописными островками и рыболовным суденышком «Принцесса Востока», легкий толчок, и вот мы уже покидаем чрево нашего «Боинга». *Сянган, ни хао!**

Нас не подогнали к терминалу, поэтому надо было выйти на свежий воздух, сесть в автобус и уже на нем доехать до здания аэропорта. Ког-

да я вышел на свет Божий из чрева самолета, то первое, что почувствовал, была волна влажного жара, окатившая меня с головы до ног. Погода была питерская, пасмурная, накрапывал дождик, и я поначалу по наивности решил, что это жар от перегревшегося двигателя самолета. Увы! Уже через минуту от данной версии пришлось отказаться: горячим был сам воздух, Гонконг располагался в настоящей русской парилке. И чувство постоянного пребывания в этой парилке стало моим главным и отнюдь не самым приятным впечатлением от Гонконга. Сказать, что я все время потел, значит не сказать ничего. Я был подобен мокрой курице — никакие платки и салфетки не помогали, и в конце концов я просто перестал вытирать пот, ограничиваясь лишь обдушкой глаз, когда я переставал что-либо видеть или когда их уж слишком щипало. Рубашки после прогулок можно было выжимать, что я и делал. На улице стояла невыносимая жара независимо от того, пасмурным или солнечным был день. И с наступлением темноты я мог петь вместе с оперным князем Игорем: «Мне ночь не шлет надежды на спасенье». Зато под крышей университета, магазинов, лавочек и гостиницы было просто холодно, благодаря исправно работающим кондиционерам. Этот холод манил, призывая зайти в любую ближайшую лавочку, но и страшил: разгоряченное, мокрое от пота тело становилось легкой и привлекательной добычей для вредоносных микроорганизмов, несущих с собой в лучшем случае ОРЗ, а в худ-

* Здравствуй, Гонконг! (*кит.*)

шем — пневмонию. Меня, однако, на этот раз Бог миловал. Но вернемся в аэропорт.

После прохождения паспортного контроля, осуществлявшегося насупленными девами, своим суровым видом, видимо, воплощавшими идею неотвратимости законного возмездия вершителям беззакония, пытающимся проникнуть на территорию КНР и ее особого района — Гонконга, мы с Большаковым вышли в холл, где сразу же увидели европейской внешности даму, державшую в руках транспарант с нашими именами. Вокруг дамы толпились московские коллеги, которые, как выяснилось, прилетели в Гонконг несколькими часами ранее, причем прямо из Москвы (мораль: хочешь ездить на конференции на халяву, то бишь за счет оргкомитетов, — будешь летать в Париж через Сингапур). Нас погрузили в автобус без кондиционера, но с открытыми окнами и повезли в гостиницу. Я наслаждался подлинно китайским запахом — той специфической смесью пряностей и уж не знаю чего, с которой вы встречаетесь везде в китайском мире, будь то континентальный Китай, Тайвань или Гонконг. Наверно, сюда можно присоединить и Сингапур, но в Сингапуре я не был. Впрочем, при тамошнем маниакальном стремлении к чистоте операционной, китайский дух могли и извести... Один мой знакомый австралиец, часто ездивший в Юго-Восточную Азию, говорил мне, что в Сингапуре неприятно чисто, в Бангкоке неприятно грязно, а в Куала-Лумпуре приятно грязно. С материковой части

Гонконга, Коулуна, мы переехали на остров и остановились у вполне приличной гостиницы «Charter». После того как нам выдали наш «кэш», суточные, и мы расселились (я получил удобный одноместный номер с одним недостатком: кондиционер работал так, что в комнате было или холодно, как на полюсе, или почти так же жарко, как на улице; пришлось мириться с морозом), настало время для ужина (для начала пошли в «Макдоналдс», с китайской кухней решили разбираться не торопясь и постепенно) и променада по набережной близ сияющих рекламой, как в советском фильме средней руки о разлагающемся капиталистическом Западе, небоскребов.

Утром нас на автобусе отвезли в здешний театральный институт или что-то в этом роде — там обустроилась конференция, — но предупредили, что отныне добираться сюда мы будем сами, на такси или на своих двоих. Из жадности мы выбрали второй способ, о чем я сожалею по сию пору, ибо от прогулок в русской парилке китайского Гонконга ступни у меня покрылись водяными мозолями и передвигаться я мог, только прикусив губу и хромая на обе ноги.

Открытие конференции проходило достаточно пышно. Хотя главным ее организатором был Баптистский колледж Гонконга, Гонконгский университет и Китайский университет Гонконга также принимали в ее организации активное участие. Были произнесены пышные, но мало-содержательные речи о новом тысячелетии,

двух тысячелетиях христианства, всемирно-исторической роли евангельской вести и о прочем в том же духе.

Перед началом пленарных заседаний я обнаружил буфет и узнал, что во время перерывов кофе и *snacks* — печенья, сушки и тому подобное — там дают бесплатно, а во время заседаний — за деньги. Лев Петрович куда-то исчез, и поэтому я один отправился искать свою секцию. Проискал я ее достаточно долго, пока не узнал, что надо выйти на улицу и пройти по набережной до соседнего здания, где следует найти четвертый подъезд. Ну а там я уже быстро сориентировался и обнаружил «Студию Мак-Олей», *McAulay Studio*, — вот он, наш Маклай, подумал я. Заседание уже началось: выступал, можно сказать, компатриот и единоведец, профессор отец Михаил Постников из парижского Института православной философии и софиологии имени отца Сергия Булгакова. То, что я услышал, меня крайне заинтересовало и даже заинтриговало. Вот краткое содержание его доклада за исключением начала, которое я пропустил.

«Христианство есть завершение всех религий, исполнение всех обетований, учение совершенное и всецелостное. Все религии обретают в нем свою истину как частные моменты всецелой истины и утрачивают свою ложность, которую имели вне его, претендуя на несвойственную им полноту истины. Поэтому все религии истинны во Христе и все ложны вне

Христа. Мифологическая школа всегда считала, что борется с христианством, а она оказала ему великую услугу, раскрыв его сокрытые дотоле сокровища. Христос — величайший шаман. Шаман ради своего рода, своего племени нисходит в подземный мир, чтобы найти попавшую туда душу усопшего и вознести ее в горние выси. Христос же, словно шаман всего рода человеческого, сошел в преисподнюю, дабы возвести на небеса все ветхозаветное человечество, всех наших предков-праведников. («Он спустился в техиру, чтобы вывести и вернуть в Свет драконов», — подумал я и аж сплюнул от негодования на самого себя: вот опять лезет в голову совсем не то.) Император Юлиан Отступник, почитатель богов Олимпа и, несмотря на это, истинный, подлинный христианин, когда-то сказал: «То, чего никогда не было, только и существует поистине, существует в вечности». Как платоник и учитель теурга Ямвлиха, император хотел этим сказать, что только архетип, только идея, эйдос вечны, а отнюдь не так называемые факты эмпирической действительности. Христос сочетает в себе вечную надмирную реальность Эйдоса, Логоса, ибо «в начале было Слово» и реальность исторического факта. Мифологи говорили: «Посмотрите на страдающих богов древнего мира: разве Христос не их копия?» Скажу на это: «Да, он Адонис, он поистине Аттис!» Но если Аттис и Адонис — лишь идеи, эйдосы, архетипы, то Христос — это воплотившийся Архетип, Слово, ставшее плотью. Он — миф, воплощенный

в исторической реальности, и исторический факт, ставший мифом! Вместо кровавого *тавроболия** — святое крещение, вместо сакрального каннибализма — Евхаристия, ибо Христос — и Агнец, закланный в вечности до начала мира, и проповедник Иисус из Назарета Галилейского, распятый за нас при Понтии Пилате. Все, о чем другие религии грезят, Христос свершает и исполняет, Ему слава и держава во веки веков. Аминь!»

Отец Михаил осенил себя крестным знаменем и приготовился к вопросам. Последних не последовало, и он покинул место докладчика, к которому уже спешил следующий выступающий.

Мой доклад стоял четвертым. Поэтому пока я мог расслабиться и послушать коллег. Вторым выступал христианин-китаец. Будучи протестантом, он тем не менее совершенно отчетливо вторил парижскому софиологу. Тема доклада была сформулирована как «Асексуальность Иисуса в свете гуманистической психологии», а суть его сводилась к следующим тезисам:

* Тавроболій (греч. «жертвоприношение быка») — религиозный обряд, распространившийся на территории Римского государства (начиная приблизительно со 2-й пол. II в. до н. э.) вместе с мистериальными культами восточных богов — Кибелы, Атгиса и Митры. Центральным моментом обряда являлось своего рода крещение кровью: участник мистерии стоял в яме, а над его головой убивали быка. Считалось, что таким образом человек очищается от грехов и как бы рождается заново.

1) Иисус никогда не проповедовал аскетизма и безбрачия; место о скопцах «ради Царствия Божьего» интерпретировалось неверно;

2) Вместе с тем Иисус сам совершенно асексуален, несмотря на то что все время окружен женщинами (Жены-Мироносицы, Мария с Марфой и другие);

3) Единственным объяснением этих парадоксов является предположение, что, будучи не только Совершенным Богом, но и Совершенным Человеком (см. решение или орос Халкидонского собора 451 г.), Христос воплотил в себе полноту человечности и был поэтому не мужчиной и не женщиной, а Человеком; *Ессе Ното**, как сказал Пилат. Разумеется, речь идет не о гермафродитизме, а о состоянии синтеза и диалектического снятия оппозиции «женское-мужское», подобно тому как Ева латентно присутствовала в Адаме на уровне тезиса. Таким образом, мы имеем женственное, скрытое в мужском у Адама (тезис), оппозицию «мужское-женское» у совершившего грехопадение человечества и снятие данной оппозиции у человечества грядущего эона через совершенного Человека Иисуса (синтез). В отличие от вульгарного гермафродитизма, бесполость Иисуса выше, а не ниже полового дуализма. В древних религиях эта идея нашла свое выражение, например, в мифе об оскотлении Атгиса.

* *Ессе Ното* (лат.) — «Се Человек» (Ин. 19:5).

Доклад был сделан очень красиво, можно сказать, художественно, и докладчику аплодировали. Со следующего доклада я сбежал, чтобы собраться с мыслями перед своим собственным появлением на арене сей многоуважаемой конференции. За пять минут до того, как, по моим подсчетам, докладчик должен был исчерпать свой регламент, я вернулся в аудиторию. Выступала женщина, вероятно, американка, которая делала достаточно странные заявления:

— ...Итак, древние евреи считали собаку нечистым животным потому, что она являла собой смешанный, а не чистый тип: будучи подобной волку, она, тем не менее, служила человеку. Так же и Иисус: будучи Богом, умер за людей. Таким образом, собака может считаться одним из образов или символов Мессии, что чувствовали древние зороастрийцы, почитавшие собаку более других животных...

Поскольку вопросов не было, а кое-кто из присутствующих и вообще скептически ухмылялся, то дама прошествовала к своему месту, а я после провозглашения своей фамилии председателем секции двинулся в противоположном направлении.

Я в своем докладе не собирался сообщать что-то особенное. По правде говоря, мне прежде всего просто хотелось съездить в Гонконг, для чего участие в конференции было хорошим предложением (как бы я туда еще выбрался?), но позориться тоже не хотелось, поэтому я подготовил вполне добротный текст, который вызвал бы несомнен-

ное одобрение Альберта Аввакумовича Липкина, если бы тот услышал или прочитал его: доклад был ортодоксально грофианским. Я остановился на корреляции между переживаниями базовых перинатальных матриц и образами Страстей Христовых и Воскресения, приведя довольно любопытную статистику, базирующуюся на клинических исследованиях нашего института. Из этой корреляции с необходимостью вытекал вывод об архетипической природе страстей Господних или, по крайней мере, образа этих страстей как освоенных культурой. Они в полной мере стали выражением древнего архетипа страдания-смерти-воскресения-обновления. Впрочем, это совершенно не означает того, что Иисус не был реально мучим и казнен в Иерусалиме в правление Тиберия; просто эта казнь, став культурно и психологически значимым событием, наложилась на структуры психического, в первую очередь на базовые перинатальные матрицы. (Тут я заметил одобрительные кивки отца Михаила.) Затем я и совсем вторгся в его область, поговорив о дохристианских образах архетипа смерти-возрождения, коснувшись мистерий Кибелы и Аттиса и остановившись подробнее на ритуале тавроболия как мистерии смерти-возрождения (*aeternus renatus**). Отец Михаил разве что не аплодировал. Вскоре я закончил свою речь, напомним почтенной аудитории, что переживания базовых перинатальных матриц далеко еще не

* *Aeternus renatus* (лат.) — вечное возрождение.

изучены в полной мере, и подпустив еретическую для грофианства мысль о том, что они не есть выражение базового опыта, а всего лишь удобная привязка определенных структур и состояний психики.

Мне задали несколько вопросов, а богослов из Парижа даже разразился дифирамбами, обратив внимание присутствующих на полное совпадение выводов современной трансперсональной психологии с метафизическими и теософскими положениями софиологии.

На этом утреннее заседание закончилось, и декан психологического факультета Китайского университета Гонконга пригласил всех докладчиков отобедать вместе. На этой трапезе меня особенно впечатлило блюдо под названием «Великий предел», ибо оно точно воспроизводило знаменитый «символ монады» — сил *инь* и *ян* в виде каплевидных половин единого круга, причем в данном блюде одна сторона была красной, а другая белой. Вкусовые качества этого кулинарно-космологического шедевра также были вполне на высоте. За обедом ко мне подсел отец Михаил. Оказалось, что он потомок эмигрантов первой волны, по-русски немного читает, но совсем не говорит, и даже философов Серебряного века в основном читал во французских и английских переводах. Внешность софиолога показалась мне примечательной, ибо в нем было что-то от Гурджиева и Рериха сразу, а это, согласитесь, уже делало его персоной запоминающейся. Отец Михаил в течение послед-

них лет несколько раз бывал в России, многое одобрял, но сокрушался по поводу нарастающей американизации русской культуры, с одной стороны, и игнорирования русской православной церковью богословского наследия традиций всеединства и софиологии — с другой. Я вежливо поддакивал ему, но особого желания поддерживать беседу у меня не было.

Во второй половине дня я побродил по разным секциям, где изредка удавалось услышать и кое-что интересное, хотя в целом везде господствовала атмосфера научного туризма: видимо, не мне одному хотелось съездить в Гонконг под соусом участия в престижной международной конференции. Вечером же вся российская публика собралась в недорогом китайском ресторанчике (лапша, пельмени, манты «баоцзы») и отметила прибытие на китайскую землю в ее гонконгском варианте. Лев Петрович рассказал мне, что познакомился здесь с неким коллекционером китайского искусства, англичанином со знаковой фамилией Форсайт, который скоро окончательно возвращается в Англию, оставляя большую часть своей коллекции гонконгским музеям. Этот Форсайт, но, кажется, все же не Сомс и не Джолион, почему-то проникся симпатией к русскому профессору и даже пригласил его в сохранившийся от старых времен английский клуб, где Льву Петровичу очень понравилось. Впрочем, особого желания знакомить меня с этим потомком героев Голсуорси Большаков явно не выказывал, да я к сему, по правде

сказать, и не стремился. Перед тем как разойтись по своим гостиничным номерам, мы условились завтра конференцию проигнорировать, а вместо нее отправиться осматривать гонконгские достопримечательности.

Следующий день произвел на меня смешанное впечатление кошмара постоянного пребывания в парилке и открытия нового мира. Равным образом и сам Гонконг предстал передо мной в двух сосуществующих ипостасях — огромного магазина, супермаркета размером с Москву, и города Александра Грина.

*В каналах корабли
В дремотный дрейф легли,
Бродячий нрав их — голубого цвета,
Сюда пригнал их бриз,
Исполнить твой каприз
Они пришли с другого края света...*

— и далее по тексту Бодлера, но именно в этом переводе*. Пот, пот, пот, рубашка, которую можно выжимать, болят ноги от водяных мозолей, в руке вечная бутылка с ледяной водой. Прохлада магазинов, китайская экзотика, сувениры, фарфор, яшма. Палящее солнце, легкие, вдыхающие раскаленный пар, китайские ароматы. Толпы людей на улицах, лавочки и ресторанчики, радужная тропическая рыба, лежащая на кусках искусственного льда, кальмары, осьминоги, огромные

* Пер. И. Озеровой.

креветки, горячий суп из морской снеди в жару. Гора Виктория с подозрными трубами, в которые можно рассмотреть в деталях весь Гонконг, пляж и купание в огороженном от акул заливе с водой, теплой, как вода ванной в вашей питерской квартире. Мы отбиваемся от китайской старухи Изергиль, заманивающей нас кататься на сампане по то бирюзовой, то сине-зеленой воде залива с живописными островками. Поездка на автобусе в местечко под шотландским названием Абердин, где мы безуспешно ищем какой-то парк, а я уже совсем валюсь с ног. Знойный душный вечер, так называемый яшмовый рынок — китайские поделки, комиксы, игрушки, море дешевой одежды, рыба, кальмары и что-то уж совсем экзотическое. И венчает все это поедание змеино-го супчика, сваренного из гадюк, которые ползают тут же в клетках. Суп вкусный: змеиное мясо напоминает куриную грудку; в варено добавлены китайские грибы, известные как «древесные уши», и какие-то приправы. Чашка змеино-го супчика — восемнадцать гонконгских долларов, меньше трех американских. Еле доплетаюсь до душа и падаю в постель...

Утром выглядываю в окно: пасмурно, накрапывает дождик, в номере прохладно из-за кондиционера. Кажется, что на улице тоже все вполне по-питерски, но нет — снова обволакивает жар, липкий зной, обманчиво притворяющийся прохладой северного ненастья. На крыльце гостиницы, в двух шагах от привратника-сикха

в тюрбане, встречаюсь с Львом Петровичем, который предлагает проехать по городу на трамвае, а потом уже идти на конференцию. Садимся в старый английский двухэтажный трамвай, поднимаемся на второй этаж, устраиваемся у открытых окон, едем по Гонконгу. Жара, китайские ароматы, дома, дома, щели улиц между стенами зданий. Иероглифические надписи, реклама, снова иероглифы, иероглифы, иероглифы... Дома кончаются. Проезжаем небольшой индуистский храм. Лужайки для игры в гольф, идеально ровная зеленая трава, резкий морской запах. Порт. Мы приехали. Выходим из трамвая. Сине-зеленые воды, множество судов — от сампанов и рыбацких корабликов до огромных лайнеров. Проходим вдоль берега, поворачиваем на какую-то улочку, снова трамвай, щели улиц, иероглифы.

После этой прогулки мы неторопливо пошли на конференцию, заодно посетив несколько небоскребов близ набережной острова. Роскошь, прохлада, мрамор, бассейны с золотыми рыбками, удобные кресла. На верхних этажах — офисы, внизу — общедоступные холлы, магазины, кафе. Не хотите китайских закусок — пожалуйста, черный кофе и французская выпечка, словно в Париже. Захожу в магазин с разной печатной продукцией и накупаю для сына комиксы известного у нас как Энди Сето гонконгского художника, а как уж его имя правильно произносится по-китайски, будь то по-кантонски или по-мандарински, — понятия не имею.

Снова здание театрального центра, которое уже воспринимается почти как дом родной. Сейчас перерыв, *coffee break*, поэтому можно «на халяву» выпить кофе с печеньем, чем я и пользуюсь. Перемолвившись парой вежливых фраз со знакомым японцем, подхожу к программе конференции и смотрю, что там планируется на нашей секции. Она, оказывается, переехала из «Студии Мак-Олей» в аудиторию 217 главного корпуса. Первым объявлен доклад буддийского монаха с Тайваня Ши Дао-у «Образ Иисуса в буддийской перспективе». Наверно, это интересно, думаю я, и отправляюсь на заседание, по пути произнеся несколько комплементов московским дамам, шедшим мне навстречу и, по-моему, явно намеревавшимся с конференцией распрощаться.

После небольшой задержки (минут десять, — для Китая это редкая пунктуальность) заседание начинается, и докладчик занимает свое место перед микрофоном. Это молодой, худощавый интеллигентного вида монах в оранжевом халате традиционного покроя. Говорит он на вполне приличном английском, поэтому проблем с пониманием не возникает. Вот, что он нам поведал.

— Нет никаких сомнений, что мы, буддисты, должны смотреть на Иисуса как на бодхисатву высокой, скорее всего десятой, ступени. Скажут: но ведь Иисус проповедовал веру во всемогущего Бога-Творца, ничего не говорил об отсутствии «Я» и других буддийских доктринах! На это я позволю себе возразить, вспомнив

буддийский принцип искусных средств — *упая**, по-китайски *фанбянь*. Сейчас, кстати, это слово означает всего лишь «удобство», «удобный». Разве был бы Иисус понят кем-нибудь в Иудее или даже в Риме, если бы он стал просто проповедовать буддизм? Конечно, нет. Поэтому бодхисаттва из Назарета галилейского говорил с людьми в понятных им терминах, на понятном им языке. Так ведь и то распяли, не поняли! Великий ученик Иисуса апостол Павел прямо принимает принцип *упая*, когда говорит, что он ведет себя как иудей с иудеями и как эллин с эллинами. Но слова Иисуса есть истинная *Дхарма***. Будда говорил: «Делай добро, не делай зла, совершенствуй свое сознание — вот учение всех будд». Именно этому учил и Иисус! Он говорил: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ныне же вы рабы греха». Но ведь и буддизм учит, что человек — раб неведения и клеш, омрачений и страстей? и лишь мудрость, *праджня*, освобождает нас от них, будучи соединенной с практикой сострадания. Христиане называют Иисуса Сыном Божьим, но разве мы также не называем бодхисаттв «сынами Будды»,

* Упая каушалья (санскр. «искусные средства») — важнейший принцип буддизма, применяемый в его проповеднике и экзегезе, суть которого состоит в необходимости учета конкретных особенностей тех, к кому обращена проповедь, иначе говоря, в изложении приемлемых для их уровня сознания учений и практик.

** Дхарма (санскр.) — здесь: Учение Будды.

буддханутра, или *фо-цзы* на нашем языке? Христиане говорят о Троице, но и мы учим о Трех Телах Будды. Можно привести и другие примеры. В чем же с буддийской точки зрения смысл проповеди Иисуса? Позвольте напомнить вам о такой буддийской школе, как амидаизм, к которой и я как буддийский монах имею отношение. Амидаизм учит, что в одном из миров, существующих наряду с нашим миром, — такие миры часто называют параллельными — жил некогда, много космических циклов тому назад, буддийский монах Дхармакара, который дал обет превратить этот мир в чистую землю Будды, в рай, грубо говоря. Для чего? Чтобы все люди, которые обретут веру, могли бы в следующей жизни родиться в этой чистой земле, научиться там всему от самого Будды этого мира и потом уже достичь нирваны. И мы верим, что Дхармакара выполнил свой обет, создал чистую землю *Сукхавати* и стал Буддой по имени Амитабха, или по-японски Амида, отсюда и название нашей школы. Так вот, смею предположить, что Иисус в нашем мире дал такой же обет, как Дхармакара в том, своем мире. Он решил превратить наш мир пыли и грязи в чистую землю Будды, царем которой он и будет навсегда. Поэтому и в Откровении Иоанна Богослова говорится про новое небо и новую землю; много о новом творении или преображении нашего мира написано и у Отцов христианской церкви. Вот пока и все, что я хотел вам сказать, благодарю вас за внимание к моему сообщению.

Ши Дао-у получил свою порцию аплодисментов, после чего его засыпали вопросами, в основном про амидаизм, Амитабху и учение о чистых землях. На все вопросы монах отвечал терпеливо, подробно и вполне обстоятельно. Оказалось, в частности, что японский вариант амидаизма, известный как «Истинная вера чистой земли», высоко ценил сам Тиллих*, считая, что оно ближе всего приблизилось к протестантскому пониманию веры и принципу спасения только верой и благодатью. Про это я не знал и решил запомнить.

Остальные доклады были достаточно бесцветными; некоторые были сугубо текстологическими и к трансперсонализму отношения практически не имели. Председательствующий закрыл секцию, поблагодарив докладчиков. Теперь ожидался еще концерт и банкет для участников конференции, официальная церемония закрытия завтра утром и через день — *Цзайцзянь Сянган, Элосы ни хао!* — «Прощай, Гонконг, привет, Россия!»

Концертный зал, в который мы теперь направились, располагался на материке, в Коулуне, но совсем недалеко от набережной. Мы погрузились на паром «Star Ferry», который бесплатно перевозит пассажиров с острова в Коулун и обратно, и отправились наслаждаться музыкой.

* Тиллих Пауль Йоханнес (1886–1965) — известный немецко-американский протестантский теолог и философ, создатель так называемой систематической теологии.

Несколько лет тому назад один китаец в разговоре со мной назвал Гонконг *вэньхуадэ шамо* — «культурной пустыней». Теперь я уверен, что это сильное преувеличение. Конечно, святая святых Гонконга — бизнес, и биржа — храм его. Но вместе с тем не может быть культурной пустыней город, в котором есть такие замечательные концертные залы с такой прекрасной акустикой и отличным современным дизайном. Как и следовало ожидать, оргкомитет конференции решил угостить нас «Мессией» Генделя, великой ораторией, которую я всегда любил. Поэтому я весь растворился в звуках музыки, и все, кроме нее, для меня исчезло, пока хор не запел: «And He shall purify the sons of Levi» — «И он очистит сынов Левия». Тут вдруг внезапно в моем мозгу возник изрядно поблекший облик московского Андрея Королева, зазвучал его голос, что-то говорящий о Саббатае Цеви и светоносных драконах. Одновременно возникло сильнейшее желание позвонить ему, вот прямо сразу сейчас, из Гонконга, из холла концертного зала. Я подавил это желание и остался сидеть в кресле, но наслаждение музыкой исчезло; я даже вообще почти перестал ее слушать. И только после того, как хор грянул грандиозное «Аллилуйя!» и весь зал поднялся на ноги, мне немного полегчало и желание звонить в Москву приутихло. Когда хор пропел «Amen», я вышел в холл поразмять ноги, обнаружив заодно, что здесь уже полным ходом идет подготовка к завершающему фуршету: *Finis coronat opus* — «Конец венчает дело».

На фуршете ко мне подошел старший нашей делегации Андрей Федорович Смоляков и пустился в воспоминания о Гонконге десятилетней давности, когда он еще пребывал под британской короной. Впрочем, оказалось, что изменений в Гонконге с 1997 года, то есть со времени возвращения в лоно родины, произошло на редкость мало и свелись они в основном к тому, что с главпочтамта исчез портрет королевы, а в городе висят уже не британские, а по большей части гонконгские флаги с хризантемой (красные со звездами китайские тоже еще поискать надо). В результате Гонконг стал производить впечатление некоего порто-франко, вольного города, хотя людей, понимающих английский, особо не прибавилось. Зато на мандаринском диалекте — стандартном китайском языке *путунхуа* — стало говорить немного больше людей; до этого же говорили только по-кантонски.

Затем подошедшая к нам группа континентальных китайцев завела разговор о том, что при всей дружбе между народами России и Китая академические контакты между нашими странами практически сошли на нет и что хорошо было бы их оживить. Мы со Смоляковым согласились, что здорово было бы оживить и что торговля оружием и строительство электростанций отнюдь не должны быть единственным выражением нашей дружбы, но, увы, у нашей достославной Академии нет средств и т. д. и т. п. Китайцы поулыбались, поулыбались и двинулись дальше — знакомиться с южнокорейской делегацией.

Следующий день был однообразен и тосклив, как и все дни перед отъездом: официальное закрытие конференции, благодарности, обмена визитками и бумажками с адресами, мэйлами и телефонами, поход за сувенирами и по особо любимым местам, сбор чемоданов и беспокойный сон перед дальней дорогой.

Утром, когда я еще не успел даже умыться, мою комнату заполнили своим багажом дорогие коллеги и соотечественники: самолет у нас только вечером, расчетный час в гостинице — полдень, и вот администрация нашего «Чартера» любезно предоставила всей нашей братии для размещения багажа между полуднем и вечером именно мой номер, спасибо ей огромное. В конце концов мы погрузились на рейсовый автобус, идущий в аэропорт, зарегистрировались, заплатили аэропортный сбор — целых 150 гонконгских долларов! — и благополучно отбыли из Гонконга рейсом «Ал-Италии». На этот раз оргкомитет решил сделать наш полет еще более увлекательным: из Гонконга мы летели в Рим, из Рима в Вену и оттуда уже в Питер или Москву — кому куда надо. Из всего этого полета мне запомнились только вершины Альп под крылом нашего самолета, под ним — под крылом, разумеется, — Монблан, как грань алмаза, и прочее в том же духе. Действительно впечатляюще. В Питере нас со Львом Петровичем встретила прохладная пасмурная погода (о сколь сладостна она после гонконгского жара!) и, слава всем богам, отсутствие каких-либо новостей (я всегда соглашался

с англичанами в том, что *no news is good news**). Поговорив с женой о гонконгских диковинах и одарив ее скромными сувенирами, я спотыкающейся походкой направился в объятия Морфея — единственной форме нетрадиционных сексуальных отношений, которой я отдавал дань. Завтра, увы, не отдохнуть — завтра надо в институт: присутственный день-с!

Если же вам интересно узнать, что произошло потом, прочтите следующую главу.

Интерлюдия четвертая

Осень 1985 года. Я собираюсь жениться, но пока вместе с приятелем снимаю комнату недалеко от метро «Ломоносовская». В это время я иногда общаюсь с неким Лешей Манусевичем, имевшим репутацию дзэнствующего хиппи. Иногда я заходил к нему, а иногда, реже, он ко мне. Его родители работали где-то за границей, оставив в распоряжении сына большую квартиру на Гражданке, а он в ней дзэнствовал и хипповал, то есть вел весьма рассеянный образ жизни, утверждая свое неконформистское достоинство порой даже тем, что переставал мыться и менять белье. В такие дни общаться с ним было тяжело из-за распространяемых ароматов противостояния мещанскому образу жизни. Зачем я с ним общался, я и сам плохо представляю. Это было вовсе не интересно, ибо Леша большой оригинальностью суждений не отличался и все его разговоры по большей части сводились к пересказам Судзуки в хипповской, так сказать, аранжировке. Иногда его, впрочем, заносило: он изменял дзэн и впадал то в шиваизм, то — даже! — в кришнаизм. Впрочем, в кришнаитах Леша долго не засиделся, ибо вегетарианство и воздержание от «дури» явно не были его стихией.

* Отсутствие вестей — хорошая весть (англ.).

Однажды в ненастный октябрьский (а то и ноябрьский, точно не помню) день он вдруг внезапно появился в моей комнате и стал вещать что-то о Шиве, Шакти и подъеме кундалини. Я слушал вполуха. Закончив свой монолог, он вдруг предложил мне зайти к одному его приятелю, тоже хиппи, который жил где-то поблизости. Поскольку никаких особых дел у меня не было, я согласился, и минут через пятнадцать мы уже звонили в дверь квартиры на втором этаже дома сталинской застройки. Нам открыл Лешин приятель, явно имевший на челе печать духовного родства с ним, и пригласил проходить в дом, точнее, на кухню.

Вначале разговаривали ни о чем, потом же был задан сакраментальный вопрос, которого я не понял, что и определило последующие события.

— Ты куришь? — спросил меня хозяин квартиры.

Не подозревая никакого подвоха и будучи уверен, что речь идет о сигаретах, я ответил положительно. Уже через несколько секунд я осознал свою ошибку, но отступить без потери лица было поздно. Лешин приятель извлек из пачки беломорину, высыпал из нее табак и набил травкой.

«Будь что будет, все равно», — подумал я.

Беломорину закурили и пустили по кругу. Меня ожидало глубокое разочарование: никаких бодлеровских видений, даже никакого кайфа — вообще ничего, кроме травяного привкуса во рту. Прикончив сомнительную беломорину, мы нача-

ли прощаться. Я уже в куртке стоял в прихожей и ждал, когда Леша распрощается с хозяином. И вот вдруг я почувствовал, что у меня по позвоночнику бежит струйка тепла, огненная змейка, извивающийся сгусток энергии. Все выше и выше и выше. «Как забавно, — подумал я, — только что говорили о кундалини, и вот вам, пожалуйста. Сейчас до макушки дойдет». Последнее было вполне бесстрастной констатацией и вообще последней мыслью, промелькнувшей в моей голове. В следующий момент я не мог сообразить, где нахожусь. — у меня даже на мгновение возникла мысль, что я умер и попал в *бардо*, промежуточное состояние между смертью и новым рождением. Я даже не понимал, в каком ракурсе я вообще воспринимаю окружающее. Но уже буквально через мгновение глаза сфокусировались, и я вполне осознал, что лежу на полу в прихожей, а склонившиеся надо мной фигуры — отнюдь не прислужники Ямы*, а Леша с другом, пытающиеся поднять меня. Контроль над телом вернулся, и я вполне уверенно поднялся на ноги к вящему облегчению (моральному и физическому) моих приятелей. После этого мы распрощались и наконец-то вышли на улицу. Чувствовал я себя вполне сносно. Больше никакой «дури», популярной у хиппи и богемной интеллигенции я никогда не пробовал, но чувство жаркой змейки, вьющейся по позвоночнику, запомнил.

* Яма — в индийской мифологии и буддийской традиции — Владыка мертвых.

*Зажегся в небе ясной ночью Южный Крест,
Звезды вечерней свет превозмогая
И сон вселенной мирно освещая,
Мир осеняющий спасенья жест.*

*Забрезжил свет на бархате небес,
Рождение зари предвосхищая,
И птиц дневных порхающая стая
Уж огласила криком сонный лес.*

*Восстало солнце, джунгли в птичьем гаме.
Хоть путнику страшна его стезя,
Теперь сойти с дороги он не в праве*

*И места нет в его душе отраве.
Вперед! Преодолеем ветхое «нельзя»,
И Свет Фаворский воссияет в славе!*

Глава V,

*в которой наш герой теряет сознание, а в
кабинете высокого начальства обсуждается
опасное происшествие*

Утром я проснулся свежим и отдохнувшим, и первое, что я ощутил, было патологически сильное желание позвонить в Москву Андрею Королеву. Только достаточно энергичным усилием воли я заставил себя отложить звонок и вначале привести себя в порядок и позавтракать. Инна еще спала, поэтому приготовлением завтрака я занялся сам. Попив кофе (не могу без него по утрам — ничего не соображаю), я забрал телефон в свою комнату и набрал московский номер. Ответил мне приятный женский голос, видимо, жены Андрея. На мою просьбу позвать его она ответила:

— А он вчера уехал в Питер.

— Вот как! А я как раз из Питера звоню.

— Так вы позвоните ему по питерскому номеру, сейчас я вам скажу.

Через минуту я уже звонил по городскому номеру. Трубку снял сам Андрей, ничуть не удивившийся, что я ему звоню; более того, он, кажется, воспринял мой звонок как нечто само собой разумеющееся. Я в свою очередь чувствовал, что его голос чарует и завораживает меня, однако это не казалось мне странным, как будто так и должно

было быть. Это уже потом, анализируя случившееся, я удивлялся, что не обратил внимания на такое странное обстоятельство. Но в то утро все казалось мне совершенно естественным и натуральным. Андрей сказал, что будет рад увидеться со мной, тем более что он на это и рассчитывал, когда собирался в Питер. В результате он предложил мне встретиться в институте в три часа, лучше где-нибудь в районе читального зала или библиотечного каталога. На том и порешили.

До института я вздумал заехать в поликлинику и взять справку относительно пригодности моего здоровья для психоделической практики: зачем откладывать это дело в долгий ящик? Мне повезло: в поликлинике почти никого не было. Лечащий врач, доктор Чинчакова, вначале вознамерилась было заставить меня сдавать кровь-мочу, но после поднесения ей гонконгского сувенира — маленькой резной фигурки Будды — вошла в мое положение и быстро выписала справочку, что я практически здоров и к психоделической практике по состоянию здоровья годен. В регистратуре на справочку поставили круглую, а не треугольную — так полагается — печать, и я отправился в институт с чувством исполненного долга и чистой совестью. Погода была прекрасная, теплая и безоблачная, и после гонконгской парилки я просто наслаждался приятной прохладой питерского лета в разгаре. Поэтому я решил идти на работу пешком. Перешел Дворцовый мост и мимо Адмиралтейства направился по Английской набережной в сторону института.

Дойдя до Медного Всадника, я задержался, наслаждаясь видом Университетской набережной с Кунсткамерой, Меншиковским дворцом и древними сфинксами, застывшими в своем мистическом трансе у Академии художеств. Я всегда борюсь с автоматизмом восприятия города: надо осознавать окружающую красоту, тогда многие отрицательные моменты нашей питерской жизни померкнут перед катарсисом от созерцания незабываемой стройности гранитного одеяния Невы со всеми его узорами и кружевами.

Как и всегда, взявшись за медную дверную ручку, я вспомнил о своем первом рабочем дне в институте и о своей тогдашней мысли, что здесь я уже до конца жизни. Пока сомнения в ней не возникало. Я с силой потянул на себя массивную деревянную дверь теперь уже позапрошлого века и вошел в прохладный отделанный мрамором холл института. Как и всегда в последние годы, темно и безлюдно.

В кабинете только Елена Сергеевна Воронова — сидит, погружившись в чтение каких-то выписок. Общаться явно не желала. Я снова спустился вниз и заглянул в кабинет Константина Ивановича. Его тоже еще не было, хотя кабинет и был отперт. Я положил ему на стол гонконгскую мелочь, наменянную на его доллар, и ушел. Теперь он знает, что я в институте. Захочет увидеть — вызовет.

Около часа дня в кабинете появился Серега Соловьев и мы пошли с ним выпить традиционный кофе. За кофе выяснилось, что во время

моего отсутствия ничего интересного (или даже вообще ничего) в институте не происходило и рассказывать-то, собственно, и не о чем. Поэтому говорить пришлось мне. Скоро, почувствовал я, от рассказов о Гонконге меня будет тошнить. После кофе Сергей пошел в библиотеку, а я поплелся в свой кабинет, где уже появился Лев Петрович, избавивший меня от повторения гонконгского повествования. Лев Петрович был весьма оживлен и элоквентен — мне с ним было не тягаться. Я взял с полки справочник «Психоделики и галлюциногены» и погрузился в его чтение, имея в перспективе грядущую практику. Около половины третьего я сообразил, что еще не отнес медицинскую справку по назначению, и отправился в институтскую клинику. Однако по пути в клинику мне почему-то пришла в голову мысль, что нужного мне человека там нет, что он наверняка пошел в институт, в отдел хранения психоделических препаратов. Этот отдел был достаточно специфическим местом, хорошо охранявшимся (именно из-за него наш институт обзавелся собственной дорогостоящей службой безопасности, после того как соответствующие функции ушли от КГБ и не были унаследованы ФСБ), но для нас, сотрудников института, вполне доступный: чтобы войти, достаточно предъявить охраннику перед дверями свой институтский пропуск. Мысль о том, что куратор психоделической практики Вячеслав Сидорович Ходоков, находится именно там, а отнюдь не в клинике, переросла в уверенность, которая вовсе не каза-

лась мне тогда странной, напротив, я был уверен, что Ходоков всегда именно в это время отправляется из клиники в отдел хранения.

Поэтому, вместо того чтобы через специальный переход с первого этажа пройти из основного корпуса института в его клиническое отделение, я поднялся на третий этаж по лестнице с чугунными перилами. Эта лестница вела также с площадки второго этажа в библиотеку — читальный зал и каталог, то есть туда, где через четверть часа у меня была назначена встреча с Андреем Королевым. Я постоял минуту на площадке второго этажа, вглядываясь в темневший впереди библиотечный коридор, но ничего там не увидел. Тогда я быстро взбежал по лестнице на третий этаж и остановился перед массивной, покрытой светло-желтым лаком дверью, на которой была прикреплена табличка: «Отдел хранения психоделических и галлюциногенных веществ. Посторонним вход строго запрещен». Нажав на внушительную фигурную ручку, я потянул дверь на себя и вошел внутрь, где продемонстрировал свой пропуск сидевшему здесь за столом с сигнализацией секьюрити. Тот равнодушно кивнул мне, и я устремился куда-то вглубь хранилища.

Что происходило в течение нескольких последующих минут, осталось для меня загадкой: мое сознание как будто отключили. Скорее всего, не найдя Ходокова, я спокойно вышел из хранилища, не вызвав никаких не то что подозрений, а даже просто мыслей о чем-то неладном у охранника. На лестнице же мне стало плохо,

очень плохо. Иначе я не могу объяснить, почему память вернулась ко мне в момент, когда Андрей Королев пытался поднять меня с линолеума площадки второго этажа, на который я сполз во вполне бессознательном состоянии. Андрей позднее предположил, что в воздухе хранилища сохранился след какого-нибудь психоделика, который и попал в мои легкие, вызвав потерю сознания и легкую амнезию. Во всяком случае, справку из поликлиники я Ходокову не отдал, ибо эта справка продолжала спокойно лежать в моем кармане. Андрей провел меня в читальный зал и вывел на балкон подышать свежим воздухом. Там я окончательно пришел в себя, и мы с Андреем обсудили возможные версии случившегося, остановившись на изложенной выше. Мне не хотелось больше оставаться в институте, поэтому я поднялся в свой кабинет, прихватил свои вещи и позвонил Константину Ивановичу, чтобы узнать, получил ли он гонконгскую мелочь, и предупредить об уходе на случай, если он будет искать меня. Все оказалось в порядке: Константин Иванович пребывал в благостном расположении духа и не имел ни малейшего намерения задерживать меня в институтских стенах. У зеркала в курилке на первом этаже я нашел Андрея, беседовавшего с одним из наших общих с Сергеем Соловьевым приятелей, и мы вместе с Андреем покинули институт через клинический корпус, в котором я все же зашел к Ходокову отдать справку. Тот спокойно сидел у себя в кабинете и меланхолично взял бумаж-

ку, промолвив лишь: «Зайдите через недельку обговорить время и препараты».

После этого мы с Андреем отправились в китайский ресторанчик «Хуацяо», располагавшийся недалеко от Дома дружбы на Фонтанке; это было небольшое заведение, где можно было достаточно дешево поесть, а также поговорить в тихой спокойной обстановке. Оказалось также, что Андрей уезжает очень рано, около половины десятого, так что времени на разговоры у нас оставалось совсем немного.

От беседы с Андреем я получил подлинное наслаждение — давно уже с таким удовольствием ни с кем не общался. Правда, на следующий день я не мог вспомнить никаких подробностей разговора и никаких деталей, делавших его столь содержательным и важным, каким он сохранился в моей памяти. Безусловно, я рассказывал Андрею о гонконгских докладах и о моем восприятии музыки Генделя в контексте мессианской символики образов Иисуса и Саббатая Цеви, а он поддакивал и вставлял какие-то комментарии, казавшиеся мне тогда жутко глубокомысленными. На самом деле, из всего сказанного тем вечером мне запомнилось только рассуждение Андрея о том, что Иисус просто хотел вернуть светозарных драконов в сферу святости, тогда как Саббатай Цеви, обладая природой как драконов, так и Творящих Светов, стремился синтезировать эти природы в единой сути драгоценного Древа, благодаря которому драконы могли бы вернуться в океан абсолютного бытия, а Творящие Светы сумели

бы довершить дело *тиккуна* — восстановление и исправление творения. Но драконам, добавил он с какой-то особенно грустной улыбкой, не нужно ни того, ни другого — вот они так и страдают в безднах техиру.

Проводив Королева на поезд, я вернулся домой, проверил электронную почту, немного побродил по просторам интернета и лег спать, поскольку разница во времени между Гонконгом и Питером все еще ощущалась достаточно отчетливо.

Следующий день, благо он был неприсутственным, я провел дома, занимаясь своей докторской и бродя по Интернету, а через день снова отправился в институт, куда добрался, впрочем, достаточно поздно, часам к двум. Сразу же я почувствовал, что в институте что-то неладно. По-прежнему малоллюдно и темно, но в самом воздухе разлито какое-то тревожное ожидание: свойственная нашему заведению атмосфера покоя, пусть даже и несколько застойного характера, сменилась предгрозовым напряжением, сгущением атмосферного электричества, чреватого громами и молниями, грозой и бурей.

Я расположился за столом и разложил перед собой бумаги с грантовыми заявками в РГНФ и фонд Сороса за прошлые годы, чтобы придумать что-нибудь путное на будущий год. По правде сказать, я терпеть не могу гранты и заявки: на мой взгляд, в академической науке люди делятся на две категории — тех, кто работает, и тех, кто

хорошо заполняет грантовые заявки, получая соответствующее вспомоществование. Короче говоря, одни работают, другие получают гранты и пишут какую-нибудь лабуду (главное, побыстрее), чтобы за эти деньги отчитаться. Но жизнь есть жизнь, а у сотрудника института РАН она достаточно тяжела и безденежна, так что игнорировать даже грошовые гранты РГНФ не приходится, ибо и эта достаточно жалкая прибавка к зарплате все-таки лишней никак не является. А посему приходится что-то придумывать и подавать заявки, которые, увы, обычно не удовлетворялись («Ведь счастье в любви влечет с собой в игре несчастье», как поет оперный Герман): я, к сожалению, не относился к спецам в области грантозаявления.

Поработать с грантовыми проектами мне, однако, не удалось, ибо в кабинете появился Георгий Леопольдович Тролль, который склонился надо мной и вкрадчиво спросил, не хочу ли я сходить попить кофе. Поскольку это приглашение Тролля означало, что он имеет сообщить что-то важное и конфиденциальное, я решил его не отклонять, а, напротив, принять, и поэтому уже через четверть часа мы с ним сидели в «Пегасе» и прихлебывали ароматный кофе, сваренный якобы по-турецки (на самом деле ничего турецкого, но все равно неплохо). Георгий Леопольдович немного похмыкал и потом потребовал от меня клятву о полной конфиденциальности нашего разговора и неразглашении его содержания. Клятва была принесена, и тогда, отхлебнув кофе еще раз, он начал свое повествование.

По словам Тролля, он лишь пересказывал мне то, что ему под большим секретом рассказал буквально полчаса тому назад Константин Иванович, но услышанное оказалось для него таким тяжким бременем, что он решил поделиться им со мной, как человеком надежным и сдержанным, и к тому же его, Тролля, тоже не оставившим без важной информации, если таковая вдруг становилась моим достоянием. О первом мне судить трудно, второе было сущей правдой: поскольку я относился к Георгию Леопольдовичу с симпатией, я никогда не оставлял его в неведении относительно каких-либо подводных течений в институте, особенно, если оные могли так или иначе затронуть его. Я не буду пересказывать речь Георгия Леопольдовича, а постараюсь воспроизвести в меру своих скромных способностей ту картину, которая из этой речи вырисовывалась. И была эта картина достаточно пугающей, особенно по контрасту с болотно-застойной повседневной реальностью нашей академической жизни: в болото с выюнами, карасями и уклейками бросили атомную бомбу, которая может в любой момент взорваться и уничтожить не только уклейки, но и весь ландшафт, в котором их пруд только и мог существовать.

Итак, время действия: утро вчерашнего дня, вторника 10 июля 2001 года. Место действия: кабинет директора СПбО ИТП РАН Георгия Тиграновича Аванесяна. *Dramatis personae** — сам

* Действующие лица (лат.).

Георгий Тигранович и его первый зам Константин Иванович Ревунов.

Рано утром (конечно, по институтским меркам, то есть часов в одиннадцать) Лариса Алексеевна Евстигнеева, верный оруженосец и референт Георгия Тиграновича, вошла в кабинет Константина Ивановича и попросила его срочно проследовать в кабинет директора, предупредив, что Георгий Тигранович чем-то крайне взволнован. Константин Иванович поспешил в кабинет верховного начальства и, как обычно, без стука вступил в него. Георгий Тигранович в светлых брюках и белоснежной рубашке с расстегнутым воротом ходил по своему кабинету туда-сюда-обратно, как бенгальский тигр по клетке. Увидев своего зама, Георгий Тигранович устремился к нему, словно ястреб на куропатку. Впрочем, комплекция Константина Ивановича никак не способствовала такому сравнению. Почувствовав, что линию поведения надо менять, Георгий Тигранович притормозил и после легкого рукопожатия пригласил Ревунова присесть в кресло у своего массивного стола. После того как Константин Иванович уселся, Аванесян обошел стол с другой стороны, но садиться не стал, а, опираясь на стол, возвысился над сидящим замом.

— Ну что там такое приключилось? — миролюбиво и в своей домашней манере спросил Ревунов. — Институт расформируют, что ли? Век не видел тебя, Георгий, в таком состоянии.

— Пока не расформируют, но скоро расформируют, если мы не ликвидируем ЧП срочно и собственными силами.

— Да что за ЧП? Ну не томи ты, Бога ради!
— ЧП еще то. Вчера — скорее всего, вчера, вряд ли раньше — из хранилища психоделиков украли инвентарный номер ЛР-469/17-80. Сам понимаешь, что будут говорить и как на это отреагирует президиум Академии, а то и власти.

— Да, понимаю, конечно; гадость порядочная, но не смертельно. Тут по всей стране то красную ртуть воруют, то еще что-нибудь почище. Поругают, но не закроют, разве что опять тебя на выборах членкоров завалят. А что это за препарат-то?

— Ну спасибо, Костя, ну успокоил! Не расформируют... Еще как расформируют! Не обычная это наркота какая-нибудь, нет, отнюдь нет! — на «отнюдь нет» голос директора опасно приблизился к фальцету, что предвещало возможную истерику с топаньем ногами и пеной в уголках рта. — Я посмотрел инвентарные записи. Это ДМТ-Ф!

— Ну и что, что ДМТ? Подумаешь, невидаль какая. Ну что ты, право, впадаешь в истерики из-за довольно ординарного дела!

— Ах вот как! В моем — местоимение было акцентировано — институте воруют опасные вещества, воруют в охраняемом помещении! А ты говоришь «ординарное событие»! Не понимаю я тебя, разрази меня гром, не понимаю. К тому же, *pardon moi* — язвительная улыбка, — это не просто ДМТ, а ДМТ-Ф! Ты знаешь, что это такое?

— Постой, дай сообразить. Эф-эф-эф... А... Вот оно что! Да, ситуация и впрямь хреновая, прости Господи. Ну да Бог не выдаст, РАН не съест, как говорится.

— И что же это такое, по-твоему, Константин?

— Ты экзаменуешь меня, что ли?

— Избави Боже, это скорее ты меня экзаменовать имеешь право. Ты же у нас ученый, а я всего лишь администратор... Куда мне до твоей «Фундаментальной нейрофизиологии в трансперсональном аспекте», сам знаю. Вот ты и просвети меня: может быть, я про это «эф» злосчастное ничего не знаю или знаю что-то не то.

— Ну хорошо, если тебе хочется успокоиться, слушая чтение энциклопедической статьи... Тогда пожалуйста, на здоровье. ДМТ-Ф — белый кристаллический порошок психоделика диметилтриптамина, эффективность которого в десять раз превосходит оную у ЛСД. В данном уникальном и не имеющем аналогов в мире сочетании он смешан с неким веществом, донныне не поддающимся химическому анализу и условно называемым «фулканеллин». Оно было изготовлено эксклюзивным образом великим алхимиком XX века Фулканелли, а соединено с ДМТ в нерасторжимой унии — его учеником Канселье, наследники которого продали вещество Германскому Институту психических явлений за какие-то совершенно бешеные деньги. Во времена Третьего Рейха с веществом долго возились химики и оккультисты из структур СС, однако абсолютно безрезультатно. Даже химический состав фулканеллина определить не удалось. Кто-то, говорят, потерял рассудок, приняв ничтожную дозу препарата. После Победы препарат попал в АН СССР, а Академия наук ГДР закрепила факт

его передачи юридически, так что никакой реституции ДМТ-Ф не подлежит. Существует легенда, кажется, восходящая к самому Канселье, что благодаря фулканеллину натренированный как психонавт человек способен стать настоящим богом нашего мира. Дело в том, что, как ты, думаю, знаешь, при приеме обычного ДМТ человек полностью отключается на 10–25 минут, впадая в состояние, внешне сходное с гипнотическим трансом. Желательно заранее лечь, чтобы не удариться при падении. Субъективно человек оказывается в абсолютно другой вселенной. Лучше всего это характеризует фраза одного из психонавтов: «Сама мысль о том, что есть возможность вернуться обратно в нашу вселенную, там выглядит абсурдно». Так вот, проблема в том, что диметилтриптамин входит в обмен веществ здоровых *homo sapiens*! Естественно, он вырабатывается в дозах, не вызывающих галлюцинаций, но его роль биохимикам до сих пор не ясна. Ясно одно: теоретически возможно создать условия, при которых организм сможет значительно увеличить выработку этого амина, как происходит, например, с эндоморфинами в случае утомления, стрессовых ситуаций и т. д. Ключевым моментом здесь является то обстоятельство, что психонавт, пребывающий во вселенной ДМТ, оказывается полностью отрезанным от нашего мира! Повторю: сама мысль о том, что есть возможность вернуться обратно в нашу вселенную, там выглядит абсурдно. Так вот, по утверждениям Канселье, фулканеллин способствует тому, что на-

тренированный психонавт — особенно, если он практикует йогу или иные традиционные формы психопрактики — способен полностью сохранять самосознание и самоконтроль при приеме ДМТ, прекрасно осознавая сосуществование двух миров — того и нашего. А это в свою очередь дает ему возможность полностью контролировать оба мира, выполняя функцию своего рода мирового разума. В результате он может делать с мирами все, что ему угодно, вплоть до их полного уничтожения.

Константин Иванович умолк.

Георгий Тигранович в течение всей его речи хранил молчание, сидя в кресло за своим столом и барабанил пальцами по его крышке.

— Да-а, много, много ты знаешь, Константин. Ну, про легенду Канселье мы говорить всерьез все же не будем, однако и без того головной боли немерено. По существу, украдено национальное достояние. Кошмар, кошмар!

Георгий Тигранович снова вскочил и зашагал по кабинету, опять уподобляясь бенгальскому тигру в клетке.

— А зря ты, Георгий, так уж игнорируешь легенду Канселье. Проработав тридцать лет в этом институте, я на такое посмотрелся, что не стал бы так уж отмахиваться от порога, тем более что неопределимый химический состав фулканеллина есть уже нечто, что обыватель назвал бы чудом. Кроме того, легенда Канселье лежит в основе мотива кражи, это же очевидно. Продать препарат практически нельзя или очень сложно. Значит,

не обогащение было мотивом преступления, а пресловутое стремление к власти над миром, даже над мирами.

— Толкиен какой-то, — пробормотал Георгий Тигранович. — Но похоже, что насчет мотива ты прав, Константин. Что делать будем?

— Ну, во первых, можно с уверенностью сказать, что вор — свой человек, специалист. Не обязательно из нашего института; он может быть из университета, из пары-тройки других мест, из Москвы или Новосибирска, наконец. Кто вчера заходил легально, так сказать, в хранилище?

— Вот список, всего пять человек, все наши сотрудники: Эльза Петрова — поболтать с подругой; Изольда Полянская — за своим кетаминном, чтобы отнести его в клинику и отметить, что вот, и она, дескать, экспериментирует; Марк Погодин — к приятелю; Игорь Зацепин — за консультацией у Ирины Васильевны по поводу хранящихся у нас грибов-энтеогенов из Южной Америки; и наконец, твой тезка Константин Ризин. Этот и вообще-то пробыл в хранилище от силы минуты три — искал там почему-то Ходкова из клиники. Не нашел, естественно, и сразу же ушел. Вот, собственно, и все.

— Да, негусто. Вряд ли из этого щи сварить. Эльза и о простом-то ДМТ понятия, поди, не имеет — ей бы партвзносы собирать, как в старые времена, а не в темные властелины лезть; с Изольдой все понятно: ей надо изображать из себя великого ученого экспериментатора, чтобы опять в Кембридж поехать, но не более того;

Марк — просто пьяница и бездельник; Игорь Зацепин — человек, конечно, серьезный, но это вроде бы еще не криминал. Ну а Костя Ризин... Короче говоря, скорее я взял этот ДМТ-Ф, чем он, сами понимаете. Чужая душа, конечно, потемки, но не до такой же степени.

— Значит, наверно, это кто-то туда нелегально пробрался, ночью, что ли. Вот тебе и собственная служба безопасности! Мордovorоты и бездельники, им бы только водку жрать (прости, Костя), да прибавки к зарплате требовать.

— Ну это ты зря, Георгий. Во-первых, если уж человек в черные властелины собрался, он такое придумает, что никакая секьюрити не поможет. А во-вторых, наш шеф безопасности Юрий Игнатьевич — человек вполне приличный и соображающий, не надо так уж сразу его списывать.

— Нервы, нервы... Так что делать-то будем?!

— Во-первых, никаких общих собраний и оповещений всех и вся. Будем действовать *piano-piano**, как говорят итальянцы. И не надо, чтобы в бюро секции или тем паче в президиуме РАН узнали. Тогда начнется суета и катавасия, и уж точно ничего выяснить не удастся, да и реноме института погибнет. Они к нам в начале следующего года ревизию присылают, так что до этого срока время есть. Если, конечно, весь наш мир уже завтра не полетит в тартарары, хе-хе. Пусть Юрий Игнатьевич спокойно работает, вызывает к себе, беседует, даже в командировки ездит, если

* Тихо-тихо (*итал.*).

надо, но все строго конфиденциально и келейно. Собственное расследование, так сказать.

— Ну спасибо тебе, Костя. Ты меня и вправду немного успокоил. Ладно, иди к себе и сам поговори, с кем найдешь нужным. И держи руку на пульсе, как говорится. А я вызову Юрия Игнатьевича и озадачу его — он, впрочем, уже и сам озадачился, — дам ему разные там «цз у» на тему *piano-piano*. Если найдешь нужным организовать какую-то утечку информации, сделай. Только не самому болтливому.

— Ученого учить, что мертвого лечить.

— Ну ладно, пока-пока! Буду держать тебя в курсе.

— Нерасстраивайся, Георгий, не стоит оно того. Твои волнения и, прости меня, истерики, делу никак не помогут, скорее, все испортят, а здоровье-то уж точно пострадает. Ладно, счастливо!

Слегка кряхтя, Константин Иванович поднялся на ноги и, махнув рукой начальству, двинулся к двери. Георгий Тигранович тем временем уже звонил по внутреннему телефону начальнику службы безопасности института Юрию Игнатьевичу Головачеву.

Все смешалось в моей голове во время неспешного и даже несколько монотонного рассказа Тролля. С одной стороны, я был уверен, что в хранилище я ничего не брал, по крайней мере сознательно. Но вот эта-то оговорка и была существенным коррективом декларации моей невиновности. Дело в том, что я вообще не

помнил, что я делал в хранилище и как из него вышел. С другой стороны, никакого препарата у меня не было. Его забрал Андрей во время моего обморока на лестнице? Абсурд. Сама мысль о причастности Андрея к этой краже казалась мне настолько нелепой, что я отметал ее с порога; мое сознание категорически отвергало ее. И тем не менее что-то тут было неладно: мой странный визит в хранилище, этот обморок... Странно... И вместе с тем ничего, кроме чувства несообразности происшедшего. Подождем, что будет дальше, пока ничего придумать и тем более доказать нельзя.

Я заверил Тролля, что ничего никому не скажу и рассыпался в благодарностях за доверие. Сам Георгий Леопольдович считал, что все это провернула наркомафия, которая своими длинными руками сумела дотянуться до нашего института и совершить хищение под покровом ночи, когда спят усталые игрушки и дремлют охранники, положив голову на стол, как на импровизированную подушку.

— А может быть, охрану и подкупили, — глобокомысленно заключил Тролле.

Мне версия наркомафии казалась уж слишком простой, лежащей на поверхности и поэтому совершенно, говоря наукообразно, нерелевантной. Надо искать в институте, и не обязательно *la femme*, в этом я был уверен. Обратного до института мы шли молча. Вернувшись в наши палестины мы разошлись: Тролле отправился в библиотеку, а я в сектор.

В секторе, как я того и ожидал, мне сообщили, что звонил Юрий Игнатъевич и просил зайти к нему в кабинет на четверть часа, когда у меня будет время. Я вздохнул и отправился на первый этаж (всегда любил отделяться от неприятных дел сразу, чтобы не висели над головой дамокловым мечом), в кабинет, обитый коричневой клеенкой, на которой висела табличка: «Директор службы безопасности СПБО ИТП РАН». Поскольку стучать по клеенке было довольно бессмысленно, я приоткрыл дверь и просунул голову внутрь:

— Вы позволите, Юрий Игнатъевич?

— Да-да, входите, пожалуйста, Константин Владимирович, гостем будете!

Я вошел к шефу нашей *secret service*, который сразу же после рукопожатия предложил мне сесть на удобный, но весьма старомодный диван, тоже обитый чем-то коричневым.

Юрий Игнатъевич Головачев был джентльменом — иначе не скажешь — преклонных лет, но вполне бодрым и жизнерадостным. Коротко подстриженные седые волосы, аккуратные усы над верхней губой, живые карие глаза, добротный серый костюм (сейчас пиджак был снят и висел на спинке кресла), белая рубашка с серым однотонным галстуком производили впечатление надежности и респектабельности. Большую часть жизни Юрий Игнатъевич прослужил в КГБ и покинул его в 1991 году в звании, кажется, полковника. Года с 1993 он работал в нашем институте и имел репутацию крепкого

профессионала и добропорядочного человека, что признавали даже некоторые наши безумные демократы-шестидесятники, для которых аббревиатура «КГБ» была тем же, чем слово «жупел» для московских купчих времен Достоевского.

— Рад вас видеть, уважаемый Константин Владимирович! Извините, что отвлекаю от ученых изысканий, но ничего не поделаешь: у меня поручение от Георгия Тиграновича, а его выполнение предполагает краткую беседу с вами. Уверяю, я не отниму слишком много вашего драгоценного времени.

Я заверил Юрия Игнатъевича, что ничем особенно не занят и что визит к нему для меня если и не совсем удовольствие, то уж, во всяком случае, и не пытка. Надо сказать, что я, несмотря на уверенность в своей невиновности, несколько мандражировал, мой голос слегка дрожал, да и руки тоже. Я не сомневался, что мое состояние не укрылось от зоркого глаза моего визави. Выслушав мои заверения, он продолжил:

— Насколько я понимаю, вы собираетесь пройти психоделическую практику. Это так?

Я подтвердил это свое намерение и сказал, что уже отдал медицинскую справку Ходокову. Головачев сразу же поинтересовался, когда это было. Я бы сразу сам рассказал ему обо всем, что его интересует, но тогда он тут же понял бы, что эти институтские тайны для меня секрет Полишинеля, а следовательно, я подвел бы Тролля. Поэтому я продолжал отвечать на вопросы о моем визите к Ходокову. Потом Юрий Игнатъевич

вич вдруг изменил тактику и стал расспрашивать меня о моей работе. Я сказал, что работаю над докторской по даосской психопрактике, которая почти готова, но мне хотелось бы все же съездить ненадолго в континентальный Китай или на Тайвань для знакомства с живой традицией. Поговорили о даосизме и об отношениях между Тайванем и континентом. Потом Головачев внезапно вернулся к моей психоделической практике и спросил, какой препарат для нее я выбрал. Я, естественно, назвал псилоцибин. После этого мы минуты три разговаривали об энтеогенах, международном законодательстве относительно их употребления и даже обсудили недавно вышедший в Америке сборник статей «Энтеогены и будущее религии». Наш главный спецслужбист оказался человеком хорошо информированным и абсолютно здравомыслящим, что было приятно. Наконец последовал вопрос о ДМТ и его психоделической эффективности, ну а потом уже совершенно естественным ходом дошли и до ДМТ-Ф с загадочным фулканеллином. Я про фулканеллин до разговора с Троллем слышал только краем уха, о чем и сказал Головачеву. Он хмыкнул и после мгновенной паузы задал мне вопрос в лоб: почему позавчера я искал Ходокова в психоделическом хранилище? Я как на духу ответил, что у меня вдруг возникла совершенно немотивированная уверенность, что Ходоков именно там и находится. Он снова хмыкнул. Затем Юрий Игнатъевич попросил меня описать мое посещение хранилища. Тут я ему все и рас-

сказал, и на его лице появилось совершенно определенное и даже не скрываемое выражение заинтересованности. Пришла очередь поговорить про Андрея Королева. Опять-таки я совершенно откровенно рассказал о нашем знакомстве и о моем каком-то даже несколько странном влечении к общению с ним, которое, правда, стало слабеть после нашей последней встречи. Про себя я, однако, отметил, что почему-то счел излишним упомянуть о его каббалистических и саббатических интересах и ни разу не назвал Андрея «молодым ученым» (видимо, потому, что сие определение из-за специфики его употребления в нашем институте на зубах уже навязло).

Юрий Игнатъевич внимательно меня выслушал, задал несколько уточняющих вопросов и отпустил меня с миром. Перед уходом я нашел в себе силы спросить Головачева, чем, собственно, вызваны его вопросы и его интерес к моему посещению хранилища. Тот широко развел руки и почему-то по-испански сказал, что это пока *secreto*, заодно напомнив мне, что наша с ним встреча была конфиденциальной и что никому о ее содержании рассказывать не следует. Мы распрощались, и я, не возвращаясь в сектор, покинул институт. Было жарко. Небо оставалось голубым и безоблачным, но в нем, все приближаясь и приближаясь, гремел гром. Я секунду помешкал, потом махнул рукой и направился домой прямо по набережной.

Если вам интересны последующие события, не затруднитесь прочесть следующую главу.

Интерлюдия пятая

Декабрь 1987 года. Ускорение, «Прожектор перестройки», песни Высоцкого по телевизору, «Покаяние» и «Дети Арбата»... Я страдаю от духовного кризиса, я стою на мировоззренческом перепутье, томление духа... Я то читаю буддийские тексты, то пытаюсь погрузиться в даосизм, то вдруг бросаюсь к средневековому и ренессансному оккультизму — штудирую «Об оккультной философии» Агриппы и «Аврору» Якова Бёме. Но... мне ночь не шлет надежды на спасенье, ничто меня не удовлетворяет. Но вместе с тем что-то бродит внутри, бродит, стремится прорваться и оформиться. Хотя пока это брожение скорее мучит, нежели вдохновляет. Симптомы духовной беременности — вплоть до тошноты, почти физической. Воскресенье, 20 декабря. Весь день болит голова, просто разламывается. И виски и затылок скованы ноющей тупой болью. Грешу на давление, пригоршнями пью дибазол и папаверин — не помогает. Вечером наконец решаю измерить температуру: 38,8 — грипп. Начинается томительная неделя страданий: высокая температура, сердечная слабость и слабость телесная как таковая. Перечитываю «Мастера и Маргариту» — роман производит на меня совершенно неожиданное, очень мощное впечатление, отя-

гощенное, впрочем, болезненной интоксикацией психики. Никогда — не раньше, ни позднее — я не получал такого сильного впечатления от булгаковского шедевра. «Рукописи не горят», «Как вы угадали!» — за всем этим чуялось что-то необычно глубокое, почти мистическое, какая-то метафизическая тайна, тайна онтологии творчества, тайна магии слова. Иногда я плакал как ребенок: мне было жалко Понтия Пилата! Болезнь, одним словом.

Еще не совсем выздоровев, я отправляюсь на новогодний вечер на работу, где с успехом выступаю в роли Деда Мороза и одариваю детей подарками, а оттуда еду на квартиру Елены Бригадировой (ныне обретающейся в Австралии). С Еленой мы вместе учились в университете. Она отличалась артистизмом, богемностью, считала себя поэтом (не поэтессой!), а также одно время играла в любительской театральной студии. У нее что-то вроде научно-артистического междусобойчика, очень приятная непринужденная атмосфера, а для меня после болезни и прочитанного во флере болезни Булгакова все еще к тому же предстает в несколько мистическом свете. Даже красное вино на столе вызывает ассоциации с красным вином, которое в романе Булгакова пьет перед балом Воланд. (Кажется, его разливала Гелла — не Елена ли?) Между тем Елена читает вслух свою (нигде и никогда ни до, ни после не публиковавшуюся) пьесу «Метастазию и Форнарина». В пьесе (мне трудно сейчас объективно оценить ее качество)

было все — кровосмесительное влечение брата к родной сестре, буйство страстей, сила судьбы, трагическая развязка. И опять-таки ощущение чего-то таинственного и удивительного посетило меня. Может быть, пьеса-то была дрянь дрянью, но я до сих пор вспоминаю о ней как о некоем волшебном подарке на новый год, хотя содержания уже толком и не помню.

Следующий день, 30 декабря. Мы собираемся на Новый год ехать в Новгород к моей маме. Весь день я хожу сам не свой, впечатление приближения какого-то откровения нарастает. Кажется, что некоторая трансформация организма под воздействием только что закончившегося сильнейшего гриппа способствует психической утонченности и готовности постичь то, что я тщился постичь уже месяц. Болезнетворные яды вируса оказались инструментом катарсиса. А может быть, наоборот, мобилизация организма ради его выздоровления омыла тело какими-то облагораживающими соками, теперь благотельно воздействующими на мой мозг.

Весь день я то вспоминаю гностические тексты из Наг-Хаммади*, то думаю о рассуждениях об отсутствии даже самого отсутствия из «Хуайнань-цзы»**, но ничего определенного. Вечером мы

* Наг-Хаммади — египетский город, недалеко от которого в 1945 г. было обнаружено крупнейшее из известных на сегодняшний день собрание гностических папирусов.

** «Хуайнань-цзы» — китайский философский текст, созданный во II в. до н. э.

всей семьей (я, жена и у нее на руках родившийся этой осенью сын) садимся в автобус и выезжаем в Новгород. Тут-то все и происходит.

В моей голове рождается нечто, позднее названное мною «теорией магической вселенной». Потом я понял, что именно в тот вечер я почувствовал, что буддисты называют пустотой, *шуньятой*, которая скорее открытость, чем опустошенность, лишенность, недостаточность. Посмотрите, вот я говорю: мир наделен сущностью, и она есть то-то и то-то. Но если бы это было так, мир оказался бы закрытым, ограниченным, замкнутым, ведь тогда он по своей сути «то-то и то-то» и уже не может быть «этим и тем» или «тем-то и тем-то». Буддисты же говорят: мир без сути, мир пуст, лишен своебытия. Что это значит? Это значит, что мир открыт, неоднозначен, магичен. Он и «то-то и то-то», и «это и то», и «такой-то и этакий», и какой угодно. Не то чтобы он меняется — он одновременно и «а» и «не-а» и «а и б», и вообще все что угодно.

Был в Китае такой философ — Гуань Инь-цзы. И этот философ, кстати, даос, а не буддист, однажды сказал: «В мире есть драконы, морские гады и просто змеи. Дракон — он может быть одновременно и драконом, и морским гадом, и змеей. А морской гад или змея — они только морской гад и змея, и не больше. Совершенно-мудрый подобен дракону, а мудрец — он морской гад, не больше». Наш мир всегда четко определен, ограничен, и потому в нем нет жизни. Если уж он *Deus sive natura*, «Бог или природа», то

он уж никак не может быть «волей и представлением». А если он воля и представление, то уж не быть ему плодом самосозерцания Мирового Разума. А так ли это? Вот не только буддисты, а и джайны учили, что любое учение освящает мир лишь «некоторым образом» и лишь в «каком-то отношении». Значит, чувствовали они эту открытость, эту магическую пустотность мира, в котором все в одном, а одно во всем, все — тоже во всем, а одно еще и в одном! Сеть бога Индры! Мириады блистающих драгоценных камней — каждый камень отражает все остальные камни, и отражается в свою очередь во всех камнях. Отражения и взаимоотражения, отражения отражаются в отражениях, каждое из них реально и каждое — подобно иллюзии, часть вмещает в себя целое и в этом же целом содержится, снова объемля и его, и себя в нем. Борхесовский Алеф, «мы долгое эхо друг друга»! Мир открыт и непредсказуем, он не «от сих до сих» — хоть в пространстве, хоть во времени; он нелинейно бесконечен и, *pardon moi* за неологизм, гиперссылочно вечен...

Вот довольно-таки сбивчивое описание того, что я почувствовал в темном автобусе Ленинград-Новгород в предновогодний вечер 1987 года. К сожалению, я не смог понять, осознать или эксплицировать это чувство или видение... А потом я и вообще пошел по накатанной дорожке: примерил на магическую вселенную ризы меонической свободы Бердяева и пошел-поехал по стезе русской философии (или теософии?)

Серебряного века. Осознание внутреннего родства магической вселенной и буддизма пришло много позднее. Бездонность и неисчерпаемость мира как явление пустотности сущего в его изначальной открытости...

*И блеск Фаворский воссияет в славе
Обители нетленной Божества,
Сольются все в восторге торжества,
И встретят нас собравшиеся в храме.*

*Огонь небесный в сердце наше канет,
Преображая наше существо.
Духовным плотяное вещество
Из тлена смерти в бытие восстанет.*

*И лицезрения святых красот
Сподобится обоженное сердце,
Парящее среди иных высот.*

*Пурпуровый немеркнущий восход
Планет и звезд, ликующее скерцо
Прозрачной ясности родных пустот.*

Глава VI,

*в которой появляются и крепнут подозрения,
а некий юноша оказывается зрелым мужем*

Снова неприсутственный день. Я ломаю голову над загадкой похищения ДМТ-Ф и ничегошеньки-то в эту голову не приходит. Кроме одного: что психоделик в бессознательном состоянии украл я сам. Но если это так, то где он? Или я, пребывая в странной деменции, не только украл его, но и куда-то припрятал, а теперь амнезия и т. д. и т. п. В общем, жизнь моя постылая, жизнь трансцендентальная... Ни до чего не додумавшись, я выключил компьютер, за который, правда, немедленно уселся Филипп и начал играть в «Хитмэна». Я же отправился к Инне, и мы весь вечер просидели у телевизора, болтая о каких-то совершенно посторонних вещах. Инна прекрасно понимала, что со мной что-то не то, но не пыталась ничего выпытать (и слава Богу — я бы сломался, а это уж совсем ни к чему), а, наоборот, отвлекала и успокаивала, совершенно ненавязчиво, для постороннего наблюдателя просто-таки незаметно. В результате Филипп заигрался аж до второго часа ночи (потом он уверял нас, что прошел своего «Хитмэна» до конца — целиком и полностью), а я добрел до постели и вообще уже при свете, часов в пять, не раньше.

Уже около полудня, однако, я был в институте, преисполненный решимости разобраться со всеми тайнами (по крайней мере в той их части, в которой они имели отношение ко мне) и отгадать все загадки. В секторе меня ожидал сюрприз. Ко мне подошла Елена Сергеевна Воронова, много лет сидящая над темой «Психопрактика в текстах ранней брахманической прозы», и томно произнесла:

— Костя, тут еще в понедельник вас по всему институту искал один молодой человек, но не нашел и оставил записку. А я позавчера забыла ее вам передать — такие магнитные бури, ничего не соображаю.

И протягивает мне записку.

Разворачиваю ее и читаю: «Привет! Позвони мне, как сможешь: очень поговорить надо. Илья Гданьский».

Тут меня прямо пот прошиб: значит, Илья приходил в институт как раз в то время, как я уходил в хранилище, а потом встретился с Андреем и с ним ушел из института! Вот оно! Илья! Он последнее время совсем помешался на мессиях, саббатизме и каббале, просто мания какая-то. Чего он мне последний раз наговорил про свое мессианство, 1956 год рождения и двух Светах! Тут явно собака и зарыта. Думать, думать надо. Я снял с полки справочной литературы какой-то том (им оказалась книга: С. П. фон Бок. «Российские психологи. Биографический словарь». М.: Наука, 1997), раскрыл его наугад и сделал вид, что углубленно изучаю сей шедевр, на самом

деле погрузившись в раздумья и дедуктивные построения а ля Шерлок Холмс. В результате я надумал следующее. Илья помешался на том, что он и есть очередной еврейский мессия, наследник дела Иисуса и Саббатая Цеви (мания величия, дамы и господа). Откуда-то он узнал про фулканеллин и вообразил, что в его руках он станет мощным средством спасения мира (я облился холодным потом). Черт его знает как (психиатр, все-таки) — он гипнотически воздействовал на меня (то-то я вообразил, что Ходоков не у себя, а в хранилище) и заставил украсть препарат. Потом он где-то затаился поблизости, скажем, за дверью, набросился на меня, прижав мне ко рту тряпку, пропитанную какой-нибудь наркотической гадостью (что они там в своей психиатрии применяют?), а то и инъекцию прямо через одежду сделал, отобрал ДМТ-Ф и оставил в полной беспомощности и обмороке на лестнице, где меня и нашел Андрей. Сам же был таков. Правда, зачем в таком случае он мне записку оставил? Алиби себе готовил, не иначе. Чтобы в случае чего объяснить свой приход в институт. Здорово! Все сходится. Я оставил творение госпожи фон Бок на столе и ринулся на первый этаж в туалет, как если бы меня одолел острый приступ диареи. В кабинке (на ум пришли дурацкие стишки одного университетского приятеля: «Медитация, апперцепция, тезис о единстве мира. / Как с такую глобальной концепцией я вмещаюсь в кабинку сортира?») я стащил штаны и стал рассматривать свои бедра и икры. Увидев какое-

то красное пятнышко (в другое время я принял бы его за укус комара или еще какого-нибудь насекомого), я окончательно возрадовался своим дедуктивным способностям и решил, что это и есть след от инъекции, сделанной мне на лестнице коварным Гданьским. Я вернулся в кабинет, какое-то время полистал, не вчитываясь, «Биографический словарь» и часа через полтора сделал запись в журнале посещаемости, что ушел в БАН знакомиться с новой литературой по теме. Выйдя из кабинета, я подошел к телефону общего пользования, стоявшему на подоконнике в коридоре и позвонил Илье. Ответил женский голос:

— А Илья на работе, позвоните ему в клинику.

— А телефончик не дадите?

— Конечно, дам, записывайте.

Через минуту я уже звонил в частный психотерапевтический центр «Асклепий». Трубку взял сам Илья.

— Привет, привет! Чего не звонил? Я уж весь изнервничался. Давай встретимся сегодня. Заходи ко мне домой часиков в семь.

А ну его, подумал я, кто его знает, шизофреника. Еще убьет как потенциального свидетеля (нет человека — нет проблемы, как учил некогда лучший друг физкультурников и светило языкознания).

— Нет уж, лучше вы к нам.

— Ладно, ладно. Постараюсь не опаздывать, буду в семь-полвосьмого. Принести чего-нибудь? Нет? Ну как хочешь...

Короткие гудки. Никого не встретив на своем пути — в пятницу приходят далеко не все, — я покидаю институт и быстро устремляюсь домой готовиться к визиту подозреваемого.

Я отправился на Невский и в «Норде» по традиции (говорят, что теперь уже есть и лучшие кондитеры и кондитерские) купил огромный торт. Далее стопы мои донесли меня до Караванной, где я потратил последние деньги, выделенные мне из семейного бюджета на карманные расходы, купив некую красивую бутылку фирменного французского красного вина. Наконец в Гостином Дворе я спустился в преисподнюю метрополитена и отбыл на «Горьковскую», откуда уже пешком дошел до дома. До прихода самопровозглашенного мессии оставался еще как минимум час, и я успел проглотить тарелку китайской лапши быстрого приготовления с соевым соусом, закусывая ее бутербродом с докторской колбасой. Инны еще не было дома, Филипп явно находился у кого-то из своих многочисленных приятелей.

Минут двадцать восьмого раздался звонок. Мессия прибыл. Надо сказать, что Илья выглядел вполне жизнерадостным и свежим, ничем не напоминая мрачного фанатика, решившего захватить власть над миром. Я разлил по рюмкам вино, по чашкам — чай и разложил по тарелкам торт, а к нему — не ложки, а вилки, «как в лучших домах Филадельфии». Я уже совсем собрался с духом, чтобы спросить Гданьского, почему он так рвался встретиться со мной, как вдруг на-

чалось что-то среднее между оперой Чимарозо «Колокольчик» и оперой же Россини «Севильский цирюльник»: неустанно звонил телефон (спрашивали то Инну, то Филиппа, то вообще какую-то неведомую Веру; вконец взбешенный, на вопрос: «А Веру можно?» — я ответил совершенно не в своем стиле: «Может быть, и можно, но я не пробовал», чем совершенно шокировал звонившего), время от времени звонили и в дверь: почтальон принес извещение на посылку из Франции (сказал, что целый день не мог нас застать, а бросать в ящик извещение ему не хотелось — «Сами знаете, как бывает...»), Филиппов дружок из соседней парадной хотел повидаться с ним, а в довершение всего какая-то миссионерствующая дама настойчиво предлагала обучить меня Библии. Тут я не выдержал, и отключил телефон. Вырубать свет, чтобы парализовать входной звонок, я все же не решился, но за дамой, слава Аллаху, никто не последовал, а вскоре и Инна пришла, избавив меня от необходимости бегать к двери и отвечать на телефонные звонки. Я наконец-то плюхнулся на тахту около Ильи, бормоча всякие извинения, и предложил ему выпить за очередную встречу. Мы выпили. И тут Илья сам начал излагать причину своего визита весьма застенчивым и виноватым голосом.

— Ты извини меня, что я так напросился, вижу, как ты занят, но вот тут такая неприятность вышла... — Он немного помолчал. — Понимаешь, конечно, у меня зарплата много больше твоей, мне стыдно, но такие обстоятельства...

— Да говори ты, Бога ради, что это за экивоки такие!

— Короче говоря, не мог бы ты одолжить мне четыреста баксов на две недели?

Он произнес эту фразу и облегченно вздохнул.

Я лихорадочно думал. «Скорее всего, наводит тень на плетень. Продолжает алиби создавать. Дескать, приходил в институт, чтобы занять денег у приятеля. Денег сейчас после Гонконга у меня нет, но помочь ему надо: иначе, как, кажется, говорят спецслужбисты, контакт не развить. Но откуда их взять? Теща больше не даст. Богатых друзей у меня нет... Но у Инны наверняка есть какая-нибудь заначка на черный день. Пойду поговорю, ведь всего две недели. А если за эти две недели он пройдет в дамки, то бишь, в черные властелины, доллары уже и так не понадобятся».

Я улыбнулся своему сомнительному юмору.

— Сейчас, Илья, подожди минутку, с женой надо поговорить.

Он развел руками.

Разговор с Инной был не из приятных. Она сказала мне, что ее заначка равна пятистам зеленым и копила она их на случай всяких черных вторников и восемнадцатых августа потом и кровью, но если уж так надо... (Надо, надо!) В конце концов она полезла на верхнюю полку книжного стеллажа, извлекла из-за книг некую шкатулку и выдала мне четыреста долларов США, выразив надежду, что не позднее чем через две недели они вернутся обратно. Я расцеловал

жену, несмотря на ее попытки увернуться, и поспешил к Илье. Тот просто расцвел от счастья.

— Сходи Инну поблагодари, хоть цветочки бы ей принес.

— Да-да, конечно-конечно, обязательно принесу, розы там или пионы.

Он отправился к Инне и через три минуты вернулся вполне довольный оказанным ему приемом.

— Две недели, только две недели, клянусь!

Теперь можно было спокойно попить чаю и поговорить. Я завел разговор про каббалу и про мессий. К моему изумлению Илья обнаружил почти полное безразличие к данной теме и попытался свести разговор к архетипам Юнга и матрицам Грофа. Я решил быть вполне откровенным.

— Слушай, Илья, я что-то тебя не пойму. В прошлый раз — месяца еще, наверно, не прошло — ты просто в каком-то мессианском делириуме находился, ни о чем другом говорить не мог, а теперь вот, когда я заинтересовался темой, все на Юнга свести норовишь.

Ответ Ильи меня удивил еще раз:

— Знаешь, действительно вроде безумия какого-то обуяло. Тебе ведь известно, что я всегда был ближе к позитивизму, чем к мистике; и религией-то я интересовался прежде всего как психотерапевт, ну и антрополог, если позволишь. А тут... Познакомился с одним москвичом, таким Андреем Королевым, он как раз специалист по каббале, хотя в институте занимается, кажется, кундалини-йогой. И вот его энтузиазм и какая-то

мистическая харизма, что ли, так на меня подействовали, что у меня чуть крыша не поехала на Саббатае Цеви, мессианизме и каббале. Он, кстати, у меня и про тебя спрашивал. (Я тут вспомнил, что Андрей говорил мне, что узнал мой адрес от Гданьского.) А как я перестал с ним общаться — это было еще до твоего отъезда в Гонконг, — так это наваждение начало рассеиваться; мне даже смешно стало, что я чуть мессией себя не вообразил. Вот, собственно, и все.

Я признался Илье, что тоже познакомился с Андреем и что хорошо понимаю его, ибо сам испытал воздействие его харизмы, маны или как там это еще называется, в общем, иррационального обаяния личности. Таким образом, все вроде бы объяснилось, но мои подозрения относительно Ильи тем не менее не только не исчезли, но, наоборот, укрепились. Проводив его до двери (под конец он снова рассыпался в благодарностях), я выждал четверть часа и пошел прогуляться и пораскинуть мозгами.

Рассуждал я так. Все это на самом деле хитрости. Теперь, когда препарат у него, продолжать демонстрировать свой каббалистический фанатизм для него опасно — может вызвать подозрения, у меня по крайней мере. Про то, что я знаком с Андреем, он знает, значит, можно на него валить, дескать, заразил мистикой. А самому теперь разглаговльствовать про безопасного и невинного Юнга. Может ли такая логика быть у безумца? Может. Известно, что сумасшедшие бывают чрезвычайно хитры и коварны в рамках

своей мании, так что все сходится. Контакттировать с Ильей надо продолжать. Ждать две недели нельзя, надо дней через пять под каким-нибудь предлогом навестить его на работе и поговорить по заранее разработанному плану.

Тут ноги вынесли меня к Князь-Владимирскому собору, и я решил зайти в храм. Меня почему-то не удивило, что собор открыт несмотря на поздний час (было как минимум половина десятого вечера). Я вошел внутрь и проследовал поближе к солее и Царским Вратам. Храм был практически пуст — кроме меня по углам жались какие-то старушки. Тем не менее шла служба, вечерня, причем на хорах пели певчие, а со священником служил и диакон. Меня опять-таки не удивило это, прямо скажем, странное обстоятельство: какая же вечерня на ночь глядя, да еще и в будний день? Я вошел в церковь как раз во время малого выхода: священник уже прошествовал к Царским вратам. За ним шел диакон с престольным Евангелием. Возгласив «Господи, благослови!», священник вошел в алтарь, а диакон, перед тем как проследовать за ним, повернулся лицом к прихожанам и осенил их крестным знаменем, благословляя Евангелием. И тут хор грянул:

«Свете Тихий, Святыя Славный Бессмертного Отца Небесного, Святаго Блаженного Саббатае Цеви, пришедша на запад Солнца. Видевше Свет вечерний...»

Дальше я уже не слушал, поскольку бросился бегом из храма, как будто преследуемый не то

ангелом с огненным мечом, не то сонмищем бевсов. Пришел я в себя, только когда стал ключом открывать дверь своей квартиры.

«Привидится же такое! Скоро тазепам пить придется...»

Ночь прошла беспокойно. Я ворочался с боку на бок, и мне опять мерещились то драконоиды с крыльями летучей мыши, то Илья Гданьский в красной мантии, возносящийся ввысь и раскидывающий вокруг себя тучи из долларовых купюр. Только под утро я заснул относительно спокойным сном. Суббота, можно немного расслабиться...

В понедельник институт показался мне совершенно вымершим: пора отпусков. Сам я в отпуск не собирался. Во-первых, надо закончить «дело о хищении психоделика» (или по крайней мере разобраться, при чем здесь я), а во-вторых, лучше отдохнуть в сентябре, когда Филипп пойдет в школу и проблема надзора за ним станет менее острой. Встретив Тролля, я подмигнул ему, и он понимающе шепотом сообщил мне, что, по его сведениям, по-прежнему ничего не известно и что допрос (или опрос) сотрудников ничего не дал. Сергей Соловьев ушел в отпуск и сидел (подозреваю, что в основном, увы, пьянствовал) на даче не то в Лисьем Носу, не то под Сестрорецком; Ирина Ставцова наслаждалась солнцем, водой и сбором грибов (не психоделических, а съедобных) на берегах Ладожского озера. Короче говоря, поговорить за кофе было решительно не с кем.

Сгоря я стал листать словарь фон Бок, в котором вдруг натолкнулся на статью про Андрея Королева. Статья гласила:

КОРОЛЕВ Андрей Александрович. 17 июля 1956. Родители: Королев Александр Ильич, Королева (Моргенштерн) Клара Яковлевна. Трансперсональный психолог. В 1978 окончил психол. ф-т МГУ. Канд. психол. наук (1985). В 1978–1986 — ассист., ст. преп. психол. ф-та МГУ, с 1987 — ИТП РАН, ст. науч. сотр. Осн. направления исследований — психол. аспекты инд. йоги, архетипич. уровень каббалистической традиции.

Дальше следовал список основных публикаций из пятнадцати работ: кандидатская диссертация «Кундалини-йога и картография сознания» и статьи в различных изданиях (две на английском языке).

Во всем этом меня поразило (буквально поразило!) только одно: год рождения Андрея. Я принял его за молодого ученого максимум лет тридцати, а скорее, и того моложе. А он, оказывается, почти на десять лет старше меня. Вот это да! Потрясающе! Что он, эликсир молодости нашел, что ли? Надо будет спросить Илью или Сергея, такое же впечатление он произвел и на них, или же это какие-то мои глюки. А вот есть повод и Илье позвонить!

Я набрал служебный номер Ильи, и он сразу же снял трубку. После всяких предварительных

вопросов (как доехал вчера домой, все ли в порядке и т. д.) я рассказал ему про свое открытие, сделанное благодаря труду госпожи фон Бок, и спросил Илью, что он думает о возрасте нашего общего знакомого и не удивляется ли его исключительно молодому облику.

— Да вовсе нет. По-моему, на сорок с лишним он и выглядит. Это у тебя какая-то аберрация восприятия. Тоже влияние его харизмы, наверно.

На этом мы распрощались.

Перед тем как покинуть наш храм науки, я зашел в психоделичку к Ходокову насчет даты моей практики. Тот порывлся в своих журнальных записях и наконец промолвил:

— Как насчет среды через две недели? Это будет 25 июля, во второй половине дня.

Меня вполне устроило. Ходоков сделал пометку в журнале и напомнил мне, чтобы никакого алкоголя за три дня до эксперимента. И желательно без транквилизаторов и снотворных.

Дома я решил послушать музыку. Я предпочитаю барочную музыку, а точнее, написанную между серединой XVII и концом XVIII века, так сказать, между Перселлом и Моцартом. Я поставил CD «Жемчужины барокко», первым произведением которого был концерт для гобоя с оркестром «Opus 1 in D minor» Марчелло. Я всегда очень любил эту вещь, но сейчас уже первые аккорды музыки этого итальянца вызвали у меня весьма странные, экзотические ассоциации. Энергичные вступительные аккорды оркестра — *цимбум*, первичное сокращение изначального

Света, совершенное ради появления техиру — пространства небытия, места творения. Далее вступает гобой. А это луч творящего Света, направленный Беспредельным в *техиру*. Вот гобой торжествующе преодолевает силу Ничто, плетя кружева творения, изысканные формы высших миров. Победа бытия над бездной несуществования, плетение узоров универсумов. Вторая часть — грустная, меланхоличная, пропитанная утомлением и разочарованием. Миры после трагедии *шевиры* — разбиения сосудов творения, катастрофы вселенского падения; небытие вторгается в бытие, заимствуя его силу и актуализируясь, приобретая энергию и действительность за счет мощи плененного Света; разлом в самих основах творения. Третья часть, *presto*, быстрая, энергичная, радостная — *тиккун*, восстановление целостности бытия и целостности самого Абсолюта; полнота бытия достигнута, творение вводится в плерому божественных манифестаций. Про себя я стал теперь называть концерт Марчелло «Свет творящей» и иначе его уже не воспринимал. «И Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его». Дальше слушать музыку я не мог и выключил плеер. Пришла Инна, а за ней и Филипп. Узнав, что я не собираюсь за компьютер, Филипп немедленно завладел им и весь вечер общался по «аське», сиречь ICQ, со своими приятелями в России и ближнем зарубежье. Мы же с Инной провели приятный вечер за разговорами у телевизора, одновременно просматривая присланные из Франции журналы (я) и занимаясь

вязанием (она). Это помогло мне слегка расслабиться и отвлечься от детективно-мистических хитросплетений дела о краже ДМТ-Ф.

Во вторник я спокойно проработал дома и закончил даже англоязычную статью для одного американского трансперсонального издания. Удалось позаниматься и докторской. А вечером вдруг позвонил Сергей Соловьев. Он на несколько дней приехал с дачи в город и предложил увидеться — у меня или у него — и «попить пивка».

— Пиво «Пит» для хороших людей, — сострил я, впрочем, довольно плоско.

— Ну «Пит» так «Пит», хотя я консервативно пью «Балтику».

— О'кей, закуплю и того и другого, — закрыл я тему.

Мы договорились встретиться завтра, в среду, после шести вечера в его апартаментах у Пяти углов. Очень хорошо, просто здорово! Расслабиться теперь просто необходимо, очень кстати Серега позвонил.

Но, как оказалось, расслабиться-то как раз и не удалось, несмотря на то что «для отрыва» мы с Сергеем действительно закупили «море пива». Но об этом я расскажу уже в следующей главе. Спешите прочитать ее, если хотите узнать, почему мы так и не расслабились!

Интерлюдия шестая

Летом 1998 года я совершил путешествие в весьма экзотический район мира — Ладак, индийскую часть Тибета, затерявшуюся в северо-восточной части Гималаев у истоков Инда. Оказавшись в свое время завоеванным мусульманскими раджам Кашмира, Ладак потом стал частью индийской британской колонии, а затем оказался в составе Республики Индия, счастливо избежав китайского вторжения и бесчинств хунвэйбинов времен недоброй памяти «Великой пролетарской культурной революции» и сохранив традиционные обычаи, религию и образ жизни своего тибетского населения. В конце двадцатых годов в Ладаке побывал Рерих, написавший там большую часть своих тибетских полотен и наслушавшийся разговоров о Шамбале и ее миссии в нашем мире (кстати, сейчас в столице Ладака — Лехе можно с приятностью посидеть в неплохом ресторане «Шамбала»).

Я вылетел в Дели через Ташкент самолетом Узбекских авиалиний в составе небольшой туристической группы и благополучно прибыл в этот город, поразивший меня жарой, духотой и загазованностью. Утром следующего дня мы уже отправились в Лех на очень комфортабельном самолете с очаровательной индийской

стюардессой, одетой в красивое сари. В самолете, переполненном европейскими и американскими туристами, летел также некий тибетский лама, видимо, весьма почитаемый, поскольку в Лехе его встречали с превеликим уважением. Когда под крылом самолета о чем-то запели Гималаи, туристы бросились к иллюминаторам, чтобы увидеть Корону Мира сверху, причем так активно, что на мгновение я испугался, как бы самолет не потерял равновесие, ибо большая часть пассажиров оказалась у иллюминаторов одного и того же борта. Но, слава *локапалам**, все обошлось, и мы благополучно совершили посадку в аэропорту (слово слишком громкое для этого места) города Леха, называемого местными жителями просто Ле или Лей (Leh).

Нас встречал представитель местного турагентства, веселый мусульманин Али, сразу же повязавший на наши выи тибетские хадаки — ритуальные белые шелковые шарфы. Уже через пять минут пребывания на ладакской земле дышать стало трудно (совсем как рыбе на берегу, подумал я), а пульс участился почти до тахикардии: сказывалась высота в 3500 метров над уровнем моря (потом оказалось, что это еще цветочки, ягодки были впереди). Первый день мы отдыхали, отсыпались и акклиматизировались, а на следующий день начались экскурсии, в основном по буддийским монастырям. В библиотеке хозяина нашего

* Локапалы (*санскр.*) — «хранители мира» или «хранители сторон света» в индуизме и буддизме.

Guest House, очень интеллигентного и несколько англоязычного тибетца, я нашел книгу известного тибетолога и буддолога Снеллгроува «Культурная история Ладака», которая оказалась очень полезной для понимания того, что на этих экскурсиях мы видели. Остальных членов группы я тоже по возможности просвещал на этот счет. Так мы проехали по Ладаку дня три, а на четвертый отбыли в двухдневное путешествие в приграничную с китайским Тибетом зону — на высокогорное озеро, часть которого располагалась уже на территории Тибетского автономного района КНР. Об этой поездке, собственно, я и хочу здесь рассказать.

Мы выехали около полудня (чрезвычайно долго собирались наши дамы: видимо, они приняли поездку на гималайское озеро за прогулку в Булонском лесу), и наши джипы начали взбираться по бесконечным петляющим горным дорогам, делавшим путешествие по Ладаку делом чрезвычайно длительным и утомительным: на преодоление расстояния в сто километров по прямой может уйти три, а то и четыре часа. На некоторых участках дороги работали смуглые рабочие-дравиды (тамилы, наверное) из южной Индии (бедняги!), которые за каторжный труд на высоте в четыре тысячи метров получали скудную кормежку и пятнадцать рупий — менее тридцати центов в день. Они приветливо улыбались нам и махали руками. Великолепные горы — дух захватывает, даже краски Рериха не передают их грандиозности и величия. Буддийские ступы.

Снова горы. Встречные машины, с которыми наши лихачи-водители тибетцы разъезжаются только в последний момент, когда кажется, что столкновение неминуемо... И опять горы. Все выше, и выше, и выше... На каком-то особенно крутом подъеме часть нашей группы не выдерживает и принимает решение вернуться в Лех. Но пять человек, включая меня, продолжает свое автовосхождение. Мы подъезжаем к перевалу — более пяти тысяч метров, вот это да! Из-за скалы нам навстречу вырывается джип и, когда мы равняемся и замедляем движение, из того джипа доносится: «Здравствуйте, Константин Владимирович! Вы у нас лекции по психологии читали!» (Один из моих студентов — мир поистине тесен.) Сам перевал. Блестит снег, но скорее жарко, нежели холодно: с сапфирных — иначе не скажешь — небес сияет ослепительное солнце, а прямо на заснеженных склонах растут какие-то розовые цветы, которые привлекают особенно пристальное внимание наших дам. Мы останавливаемся, и я протираю лицо снегом гималайских вершин — Корона Мира все-таки! Но самое интересное не это, а состояние моей вышине: оно в высшей степени специфично и, я сказал бы, причудливо.

В основе этого состояния лежало, по-видимому, постепенно развивающееся кислородное голодание, проявлявшееся в странном и даже, быть может, противоестественном сочетании болезненности и наслаждения, мучительности

и восторженности. Тошнотворная головная боль, сердцебиение, одышка и нарастание эйфории, какого-то небывалого восторга, обостренного восприятия величественной красоты гималайских пейзажей, предчувствие какого-то неведомого откровения, предвосхищение просветления, бытие на грани пророческого видения. Мне становится понятно, почему йогины, отшельники и анахореты так часто селились именно в горах: здесь сам воздух пропитан психопрактическим трансперсональным эффектом, надо лишь чуть-чуть подтолкнуть то, что услужливо подносит сама природа.

Мы покидаем перевал. Дамы обзавелись маленькими букетиками розовых цветов снежных гималайских вершин; наши джипы медленно начинают спускаться по извилистой дороге, сползая в ущелье, на дне которого бежит горная речка и пасутся яки. Но даже там высота над уровнем моря вряд ли меньше четырех километров. Кислородное голодание продолжается. Я почти уже не обращаю внимания на тошноту и головную боль; эйфория восторга и предчувствие встречи с запредельным захватывает все мое существо. Кто-то включает плеер, и горная дорога оглашается звуками «Pink Floyd». Я всегда относился к ним доброжелательно, но только здесь, в безлюдных горах и долах Ладака, я ощутил весь психоделический эффект этой музыки. Что там стерео-эффекты! Жалкие и ничтожные игрушки... Здесь музыка «Pink Floyd» становилась органической частью пейзажа, сообразуясь

вместе с тем с состоянием слушателя и связывая воедино его, пейзаж и себя самое. Казалось, звучат сами горы...

Я не то чтобы дремлю — скорее, меня посещают какие-то грезы наяву. Вот я в одежде сановника маньчжурской династии Цин скачу на коне по бескрайней степи, вдали виднеются силуэты свиты. В голове появляется мысль: по повелению императора я еду в Лхасу к Далай-ламе с какой-то важной государственной миссией. «Я путь найду в Тибета плоскогорья чрез Кукунор». Антураж меняется; я наблюдаю сцену чего-то наподобие помазания на царство. С коня сходит рыцарь в турнирных доспехах. Он снимает шлем с плюмажем и держит его на полусогнутой руке. Его лицо сурово и непреклонно. Перед рыцарем появляется жрец в неведомой широкой белой мантии с тремя широкими красными полосами на подоле. Рыцарь склоняется перед седовласым бородатым жрецом на колени, а тот простирает над ним руки в немом благословении. Что все это значило, я не знаю до сих пор. Может быть, и ничего. Ведь бывают же и просто сны, как говорится в известном анекдоте про Фрейда. Постепенно видения блекнут, головная боль слабеет, тошнота отступает, мы спускаемся в долину. Джипы останавливаются, и мы выходим немного поразмяться. Яки оказываются весьма трусливыми созданиями: при нашем приближении они бросаются в бегство и сфотографировать их удается только издали. Снова джипы, еще полчаса езды по долине, и вот привал с ночевкой. Мы ночуем

в палатках, а в особой палатке нам готовят замечательный ужин. Однако мы настолько устали, что хочется не есть, а спать. Рядом с нашими палатками стоит старый тибетский дом; перед входом висят цветные флажки, но это не украшение, а тексты мантр, которые читает ветер, проносящийся по ложбине. Недалеко от дома нахожу много камней, что-то вроде обо*, на камнях выгравированы слоги великой мантры бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары: *Ом мани падме хум*. Позднее хозяева дома показывают нам, как они доят коз, а утром обещают показать аналогичную процедуру и с яком, но почему-то забывают об этом.

Утром выбираюсь из душевой палатки на свежий, прохладный, почти холодный воздух. Я пробудился первым, на улице пока никого из нашей братии нет. Созерцаю пылающие под лучами восходящего солнца снежные вершины гор, фотографирую их (увы, фотография не передает и десятой доли утреннего великолепия гималайских пейзажей). Начинают выползать из палаток наши. Умываемся, чистим зубы, потом тибетцы приглашают нас зайти к ним в дом. Все очень традиционно, просто как в учебнике этнографии, но подробности почему-то не запомнились. Садимся в джипы — и вперед, снова под «Pink Floyd». Начинаются проверки паспор-

* Обо — места поклонения духам той или иной местности в культуре различных тюркских и монгольских народов, обычно представляющие собой кучи из камней.

тов: мы в приграничной зоне, близко китайская граница, а отношения между Индией и Китаем далеко не безоблачны, во многом как раз из-за Ладака, часть которого Китай, как считает Индия, незаконно оккупировал в конце 1950-х или начале 1960-х годов. Создается впечатление, что за каждым поворотом засело пограничнику, чтобы проверять документы у заехавших сюда туристов. У самого озера к нам приставляют солдата, который должен следить за нами, пока мы любуемся пейзажами. Пробыть на озере нам позволяют не более часа (я сказал бы: ехали за семь верст киселя хлебать, если бы озеро не было действительно достойным объектом созерцания). Длинное, узкое, петляющее среди гор и холмов — то ли озеро, то ли река (слишком длинно и извилисто), то ли море (вода лазурной голубизны, словно в Средиземном море у берегов Италии). На берегу стоит походный храм-палатка пограничной заставы, увенчанный священным слогом *ОМ*. Захожу внутрь. О! Да тут целый храм всех религий, чтобы никому обидно не было (кажется, только ислам никак не представлен): олеографии Шивы и Дурги (индуизм), Мадонна с младенцем (христианство в его католическом варианте), портрет величественного старца с нимбом вокруг головы — догадываюсь, что это Гуру Нанак, основатель сикхизма. Субботой Цевы был бы рад: границы между религиями стали призрачными, почти неразличимыми (это я сейчас про это подумал, тогда ничего такого мне в голову, конечно, не приходило). Час

проходит незаметно, снова по коням, то есть по джипам, и в путь-дорогу обратно в Лех. А там уж скоро и из Ладака уезжать — через рериховские места в долине Куллу, а потом еще Дели и Агра с Тадж Махалом (на сладкое, так сказать). Прощайте, Гималаи, прощай, Лех! Может быть, еще увидимся? Как знать...

*Сапфирной ясности родных пустот
Зачатые в грехе не доверяли,
Естественность, невинность потеряли
Во власти суеты фальшивых нот.*

*Но из груди исходит тяжкий стон —
Предвестник обновления и свободы.
Янтарь на брег выбрасывают воды,
И жемчуга пучин лелеет сон.*

*Пары весны в себе скрывает лед,
Мелодия в бездушном скрыта древе,
И в мумии бессмертные живут.*

*Из шахт мерцанье видится высот,
Алмазный блеск в земном творится чреве,
Родится мед в ячейках желтых сот.*

Глава VII,

в которой благородные мужи рассуждают
о Христе и Анти-Христе, а также о Незнакомке
и о многом другом

Итак, море пива было закуплено, и вечером в среду после самого что ни на есть обычного институтского дня я оказался на пороге квартиры моего друга у Пяти углов. Сергей, видимо, хорошо подготовился к моему приходу: во-первых, от него уже шел легкий запах спиртного, смешивавшийся с ароматами хорошего *after shave* и сигаретного табака; во-вторых, он явно читал что-то густо философское, и ему не терпелось поговорить об этом. Во всяком случае, не успев наполнить пивные кружки (у Сергея есть огромные полуторалитровые кружки, на которых нарисованы пивные бутылки и исполинские красные раки, специально предназначенные для подобных экзерциций), он уже поминал «картезианский театр» и что-то говорил о Раселе и Пирсе. Мы отпили пиво, и наш симпозион начался.

— Скажи, как ты определяешь солипсизм?

— Как и все. Учение, согласно которому существую только я один.

— Хорошо. Но в таком случае, представь себе, что случилась ядерная катастрофа и на планете

остался ты один. Все остальные люди и даже животные погибли. Это солипсизм?

— Нет, конечно.

— Правильно. Но тогда, значит, и определить солипсизм мы должны иначе: это учение, согласно которому мой и только мой психический опыт и есть единственная реальность. Согласен?

— Согласен. А чего это тебя вдруг солипсизм заинтересовал?

— Люблю разгадывать философские шарады и ребусы. А солипсизм, как сказал Рассел, это учение, которое трудно как принять, так и опровергнуть. Короче говоря, опровержение солипсизма — прекрасное упражнение для ума, спорт такой, понимаешь.

— Ну и чего ты надумал?

— А ты какие опровержения солипсизма знаешь?

— Да никаких не знаю, кроме опровержения Дхармакирти, в переводе трактата «Обоснование чужой одушевленности» Щербатского*.

* Дхармакирти (VII в.) — индийский буддийский мыслитель; указанное его сочинение было переведено на русский язык в 1922 г. академиком Ф. И. Щербатским (1866–1942). Суть рассуждений Дхармакирти такова: любому моему осмысленному действию предшествует внутренняя работа собственного сознания, однако осмысленным действиям других существ, данных мне в опыте, не предшествуют никакие действия моего сознания, следовательно, такие действия совершаются в сознании других живых существ.

Никогда, знаешь ли, особенно не интересовался. А под пиво это и вообще экзотично, знаешь ли.

— А зачем нам нужна обывательщина? Или предпочитаешь поговорить на тему «Ты меня уважаешь?».

— Избави Господи.

— Ну и чудненько. Значит, Дхармакирти ты знаешь. Тогда оценишь мое опровержение.

— Ну?

Сергей отхлебнул пива и начал:

— Вот слушай. Допустим, солипсизм прав, и единственной реальностью является мой и только мой психический опыт. Непонятно, правда, зачем тогда я все это говорю и кому — тебя же нет, ты мне просто снишься, как и все остальное. Но нетрудно заметить, что я отнюдь не бог таинственного мира, который в одних мечтах моих, а скорее его раб. Если я голоден, я не могу усилием воли превратить камень в бутерброд с черной икрой. Значит, не я творец этого мира — этот мир мне задан. Я *вынужден* переживать его. Но это означает, что мой психический опыт не есть единственная реальность, что есть некто или нечто, задающее мне базовые параметры моего опыта. А значит, солипсизм опровергнут. Я не один; есть как минимум еще одна сущность, причем высшего порядка, которая и задает мне основания моего опыта. Можно пойти и дальше. Раз установлено, что основания моего опыта трансцендентны ему и моей личности, вполне логично предположить, что X, задающий мне базовые параметры моего опыта, задает таковые не мне одному, но

и другим наблюдаемым мной в опыте существам тоже. Следовательно, логично предположить, что они не есть просто феномены моего сознания, но за ними — феноменами — также стоят реальные психические субъекты и т. д. Вот тебе!

— Прекрасно, Серега! Ты просто Кант и Шопенгауэр вместе взятые. Но позволь мне тогда выступить адвокатом дьявола и выступить в защиту солипсизма.

— Давай, валяй!

— Солипсизм неопровержим, сударь мой. Обосновываю во вполне схоластической манере. Ты говоришь: «Единственной реальностью является мой и только мой психический опыт. Непонятно, правда, зачем тогда я все это говорю и кому». Я тебе объясню кому. Можно придумать парочку целей (пририсуй в уме смайлик). Например, себе самому ради божественной игры с самим собой. Чем не цель? Твое следующее заявление: «Если я голоден, я не могу усилием воли превратить камень в бутерброд с черной икрой. Значит, не я творец этого мира, этот мир мне задан». Отвечаю: этот мир мне задан мною же самим, но, играя с собой по определенным правилам, я лишил себя памяти об этом и возможности менять правила до окончания игры. Из следующего твоего тезиса вытекает и опровержение солипсизма: «Раз установлено, что основания моего опыта трансцендентны ему и моей личности, вполне логично предположить, что X, задающий мне базовые параметры моего опыта, задает таковые не мне одному, а и другим наблюдаемым мной

в опыте существам тоже». Вот, получай по этому поводу: Этот X — я же. Я сам себе трансцендентен. Я трансцендентный задаю основания опыта себе имманентному. Перед этим я разделился на себя трансцендентного и себя имманентного. А чтобы иллюзия заданности и нерушимости правил была максимально реалистичной, в моем опыте введены условные фигуры других подобных мне существ. Вот такой я парень, а тебя, сударь мой, и нет вовсе. Еще один смайлик. Ну как?

— Хм-хм. Остроумно, конечно. Но несколько вымучено, согласишься, и маловероятно. Мое опровержение посolidнее будет. Впрочем, кого что убеждает. Согласен, что солипсизм, как и любую другую базовую философскую концепцию, будь то идеализм или материализм, опровергнуть раз и навсегда, окончательно и бесповоротно, нельзя, только в большей или меньшей степени. По-видимому, неуязвимы только скептики древности с их *эпохе* и *изостенией**. Впрочем, солипсизм сам опровергает себя своей психологической недостоверностью. Помнишь, как Рассел получил письмо от некоей дамы-логика, — логика! — которая писала ему, что она солипсист,

* Эпохе и изостения — одни из наиболее важных понятий античного скептицизма, философского направления, берущего свое начало в учении Пиррона из Элиды (IV–III вв. до н. э.). Эпохе (*греч.* «остановка») — воздержание от суждения; «такое состояние ума, при котором мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем» (Секст Эмпирик). Изостения (*греч.* «равносильность») — равносильность противоположных суждений.

и удивляется, почему нет *других* солипсистов! Унтер-офицерская вдова сама себя высекала, так сказать!

— Ну хорошо, убедил. Впрочем, это было совсем не трудно, ибо я-то не солипсист и особого желания защищать это мировоззрение у меня нет. А если бы я был последовательным солипсистом, то тоже не стал бы полемизировать: охота тратить время на дискуссии с собственными галлюцинациями!

Мы выпили еще пива. Помолчали. Я почувствовал, что между нами появилась какая-то натянутость, чтобы не сказать напряженность. Наконец я не выдержал:

— В чем дело, Сережа? Что это у нас за минуты молчания?

— Да знаешь... Не знаю даже, как тебе сказать. Тут один мой приятель очень хочет с тобой познакомиться, говорит, что по важному делу. Я знаю, что ты у меня сегодня расслабиться хотел, а не о делах говорить... Но он настаивал. А вдруг, и правда, что-то важное? Короче говоря, он должен придти с минуты на минуту.

Сердце екнуло в груди. Мысль: «Это неспроста. Ну ладно, *zane, zane, zane, ouvrez le chien**. Будем откапывать зарытую собаку, значит». Вслух:

* Строка из известной песни Дэвида Боуи «All the Madmen» («Все люди сошли с ума»), представляющая собой бессмысленный набор слов, звукоподражание французскому языку. Вторая часть строки (*ouvrez le chien*) дословно означает «выпустите пса».

— Ну так пусть приходит: сделал дело, гуляя смело.

Сергей только вздохнул. Поговорили еще немного «за философию», но как-то вяло. Минут через пятнадцать раздался звонок. Вот он! Сергей побежал открывать дверь, и вскоре в прихожей зазвучали два мужских голоса, один из которых был мне не знаком. Дверь в комнату открылась, и Сергей пропустил вперед мужчину нашего возраста или немного старше. На нем была летняя футболка и черные джинсы. Лицо его я назвал бы несколько грубоватым. Говорил новоприбывший низким басом и достаточно самоуверенным тоном («Я всегда прав, и все вы должны слушать, что я говорю»). Впрочем, иногда такая самоуверенность свидетельствует как раз о комплексе неполноценности и попытках ее замаскировать.

— Знакомьтесь, это Анатолий. Астролог, оккультист, герметист и прочее в том же роде. И отличный парень в придачу. А это Константин. Трансперсоналист, религиовед, востоковед даже отчасти. И тоже неплохой мужик.

Отличный парень бросил на Сергея не очень довольный взгляд и сказал:

— Здравствуйте, Константин. Очень давно хотел познакомиться с вами, а сейчас это стало просто настоящей моей потребностью.

Мы поздоровались за руку и уселись. Сергей подлил пива нам с ним и принес еще одну кружку с бутылкой и раком Анатолию. Мы пригубили пенистый напиток и Анатолий начал.

— Мне вообще-то посоветовал познакомиться с вами Георгий Леопольдович Тролля; ну по поводу ваших институтских происшествий — вы знаете. Он изложил мне свою точку зрения на происшедшее, меня, откровенно говоря, не удовлетворившую, и рекомендовал поговорить с вами, как с человеком, у которого наверняка есть свои соображения...

Тут я перебил Анатолия:

— Вы уж извините меня великодушно, но мне хотелось бы, чтобы Георгий Леопольдович сам подтвердил свои рекомендации. Может быть, у меня паранойя развивается, но я настаиваю на этом.

— Хорошо, позвоните ему хоть сейчас. Моя фамилия Ерошин.

— Я так и поступлю, вы уж не обижайтесь.

— Совершенно не понимаю, о чем это вы говорите, но телефон в коридоре, — сказал Сергей.

Я вышел в коридор, включил свет, обнаружил телефон на столике у стены и набрал номер Тролля. Мне повезло, и в трубке раздался его голос.

— Здравствуйте, Георгий Леопольдович, это Ризин.

— Здравствуйте, Костя. Рад вас слышать.

— Я тоже рад слышать вас, Георгий Леопольдович. Простите, что беспокою. Тут я встретился с неким Анатолием Ерошиным. Он хочет поговорить со мной об одном конфиденциальном деле, и ссылается на вас. Вы действительно рекомендовали ему поговорить со мной?

— Да, Костя. Вы уж извините меня, что не предупредил заранее, как-то из головы вылетело. Поговорите с ним: мне кажется, он мог бы если не расставить точки над «и», то уж, по крайней мере, продвинуть дело. Вы ведь наверняка тоже пытаетесь понять, что к чему. Особого секрета делать из всего этого смысла не имеет: уже пол-института знает. Я думаю, что утечку информации специально организовал Головачев, чтобы посмотреть, что из этого выйдет и не выплывет ли кто-нибудь или что-нибудь.

— Ну хорошо, Георгий Леопольдович, тогда все в порядке, извините, всего доброго.

— Удачи вам, Костя. До свидания.

Я вернулся в комнату. Сергей молча попивал пиво, Анатолий с отсутствующим видом глядел в окно.

— Хорошо, Анатолий, я поговорил с Троллем. Все подтвердилось. Но скажите мне, у вас-то тут что за интерес, почему вы-то всем этим занялись?

— Ну вот тут Сергей сказал, что я оккультист и герметист. Поэтому и заинтересовался. Ибо дело это не совсем обычное.

— Тогда понятно, я тоже это допускаю; во всяком случае, на уровне мотива. Но уж я, с вашего разрешения, расскажу все с самого начала, чтобы Сергей тоже понимал, о чем мы тут рассуждаем. А ты, Сергей, думаю, если б ходил в институт, а не сидел на даче, и сам был бы в курсе.

Потом я рассказал все, то есть вообще все — начиная от пересказанного мне Троллем раз-

говора между Аванесяном и Ревуновым и кончая моими подозрениями относительно Ильи Гданьского.

Когда я закончил, воцарилось молчание.

— Ну и дела у нас в институте... Да уж... — только и проговорил Сергей. Анатолий несколько минут задумчиво молчал, а потом произнес:

— Неслабо, неслабо. Но не уверен, что вы на правильном пути. Если Гданьский в этом деле и замешан, то только как простой исполнитель. Поскольку из вашего рассказа следует, что Андрей вроде бы не может быть замешан, подозреваю, что мы не знаем, кто за всем этим стоит, хотя, так сказать, поле его влияния на события и на знакомых нам персонажей все время ощущается. Хотя бы в том, что все, попавшие в сферу его влияния вдруг начинают интересоваться каббалой и Саббатаем Цevi. Мощная личность. Ну что ж, пока оставим Андрея в покое, тем более что он все равно в Москве, и доведем до конца версию Гданьского, может быть, куда-нибудь и придем... Но тот, кто за этим стоит... Не уверен, что он нам по зубам.

— Но кто же это? — чуть не в один голос воскликнули мы с Сергеем.

— Имя и фамилию назвать вам не могу: если бы знал, не сидел бы здесь и не расспрашивал. А вот что это за личность, сказать могу. Только не падайте и не вызывайте психиатров, я вполне нормален. Это Мессия или лучше сказать — Анти-Мессия.

Мы так и обомлели.

— Это что, Анти́христ, что ли? — спросил Сергей.

— Если под Антихристом понимать просто Зверя, воплощение сатанинских сил зла и разрушения, то, конечно, нет. Поэтому с вашего позволения назовем его лучше Анти-Хри́сто́м, Хри́стом с противоположным знаком, так сказать.

— А это не совсем ли то же самое, что и Антихрист?

— Нет, отнюдь. Антихрист, буде таковой имеет место быть, есть антитеза самому принципу Мессии, это Анти-Мессия. Анти-Христос есть оппозиция Иисусу Христу, тому мессии, которого все мы Хри́стом обычно только и называем.

— А что, были и другие Христы? Ты у нас не хлыст ли? — пытаюсь пошутить, спросил Сергей, хотя всем было очень даже не по себе.

— Хлысты здесь совершенно не при чем. В принципе ваш Гданьский прав: Мессия это не один человек, а тип личности. Поэтому мессий (как и будд) было несколько, придут они и в будущем. Мессия, машиах, помазанник, христос — все эти слова указывают на царственную природу такой личности, на ее способность царствовать в мире, оказывая решающее воздействие на ход истории. Если вы читаете фэнтези, то, наверное, вам знакома еще не законченная эпопея Джордана «Колесо времени». Так вот, в ней такие люди обозначаются придуманным Джорданом словом «та'верен». Мессия — очень мощный та'верен...

Прав был Гданьский и относительно числа 165: оно явно связано, так сказать, с мессианским циклом. Мы не можем судить о природе Мелхиседека или кумранского Учителя Праведности — данных нет, но о природе более поздних мессий — Иисуса и Саббатая Цеви — мы судим с определенностью. Вы знаете о конфликте в Абсолюте, Безграничном Свете, в момент творения и о двух Светах — величайшей тайне, открытой нам пророком Саббатая, Натаном из Газы. Иисус был воплощением Творящего Света, поэтому он видел свою миссию в спасении мира, в его возвращении в плерому Абсолюта, в обожении. Именно в этом смысле он был воплощенным Логосом, ведь что такое Творящий Свет, как не Логос? Тем не менее он готов был спасти и свергнутых в глубины преисподней небытия драконов — Нетворящие Светы, ибо и они должны участвовать в обожении мира, будучи по природе своей, так же как и Творящий Свет, тождественны Абсолюту. Кстати, в древнееврейском языке слова «машиах», то есть мессия, и «нашаш», «змий», имеют одну и ту же гематрию — числовое выражение своего написания — «358», и именно поэтому христианская церковь рассматривает вознесение Моисеем в пустыне медного змия как своего рода пророчество о Христе и предвестие его прихода. Как гласит предание, Иисус спустился в ад, то есть в преисподнюю техиру, в промежуток между Крестной смертью и Воскресением. Он предложил спасение драконам, но они, судя по всему, отвергли его: во-первых,

им немыслимо было само примирение с миром и творением, во-вторых, увы, гордыня: ну как принять спасение из рук своих пленителей?

Саббатай Цеви воплощал в себе природу обоих Светов. Отсюда его раздвоение личности, психологические изменения, ложно принятые Шолемом за маниакально-депрессивный психоз, стремление сочетать несочетаемое. В пределе его миссия должна была привести к синтезу и примирению Светов и к их окончательной гармонии. Но личность Саббатая не была интегрирована, драгоценное Древо не было создано, и он сокрылся, ушел из мира, тогда как драконы остались в своем заключении в преисподней. Дело Саббатая пытался продолжить Яков Франк, но с еще меньшим успехом.

Кстати, помните эссе Борхеса «Третья версия предательства Иуды»? Не сомневаюсь, что Борхес написал его под влиянием святой апостасии, отречения Саббатая Цеви, о котором слепой библиотекарь узнал из книг Шолема. Саббатай Цеви, будучи иудеем и провозглашенный Мессией, перешел в ислам, предал веру отцов. А о чем говорится в эссе Борхеса? Некий богослов сходит с ума, доказывая, что Христос — Иуда, а не Иисус. Ибо для доведения до конца искупления Сыну Божьему необходимо унизиться до предела и совершить самое гнусное преступление. Но что может быть гнуснее предательства, да еще и предательства учеником своего Учителя? Его совершил Иуда, и именно Иуда — настоящий Христос, Мессия-искупитель.

Но сейчас для нас важно, что Саббатай Цеви воплощал в себе оба Света — как Творящий, так и Нетворящий. И вот, допустим, в 1956 году рождается еще один Мессия, нам пока неведомый. Он является прямым антиподом Иисуса, ибо он — полное воплощение Нетворящего Света, без всякой примеси иного. Вместе с тем он испытывает определенную близость к Саббатаю, точнее, к депрессивной стороне его личности, образованной драконьей природой. Если Иисус стремился спасти и обожить мир, то этот драконий христос стремится к уничтожению творения, но не из-за звериной ненависти к бытию, а потому что оно, творение, есть юдоль страдания, сфера выявления сил зла и плода бунта Творящих Светов против Абсолюта. Если хотите, его лозунг: «Добить, чтобы не мучился». Но драконий Мессия в значительной степени связан по рукам и ногам узами, наложенными Творящими Светами, удерживавшими его в бездне техиру. Теперь узы ослабли, и он явился в нашем мире. Но они не исчезли совсем. Печать человеческой слабости лежит на всех его замыслах и поступках. Отсюда и стремление обрести ДМТ с магическим фулканеллином, — чтобы прорваться в пространство свободы, разрушить древние узы, расправиться с творением — из сострадания, конечно, именно так он это и воспринимает — и вернуться в бесконечность до-мирного, вне-мирного и вновь без-мирного Абсолюта. В этом случае все искры божественного Света, заключенные в вещах и существах творения, просто растворятся в суб-

станции Абсолюта, а все прочее исчезнет подобно сну после пробуждения. И будет так же, как было: Безграничный Свет, и ничего кроме него и вне него. Вот, с кем и с чем мы имеем дело и вот подлинная причина и суть событий, происходящих в вашем уважаемом учреждении.

Все сидели подавленные и оглушенные. Объяснения Анатолия, сколь бы подготовлены к ним мы ни были, казались фантастикой. С другой стороны, наша причастность к событиям космического и даже сверх-космического масштаба потрясала и также казалась невероятной. Ко всему этому надо было привыкнуть.

Между тем Анатолий продолжал:

— Впрочем, вряд ли у него что-нибудь получится, хотя это и не должно нас успокаивать, ибо его провал, вполне возможно, будет свершен нашими руками. Вы спросите, почему у него ничего не выйдет?

Именно это и я, и Сергей, судя по выражению его лица, и собирались спросить.

— Отвечу: если исходить из его поведения и характера «каббалистической мании» у людей, попавших в сферу его влияния, наш Мессия напроць игнорирует Шехину, а без Шехины в его деле, как, впрочем, и в деле *тиккуна*, исправления мира, ничего сделать нельзя.

Вероятно, физиономии у нас были такими же, как если бы последнюю фразу он произнес на языке банту, поэтому Анатолий счел нужным перейти к объяснениям. О пиве мы уже окончательно забыли.

— Натан из Газы в своем последнем трактате сформулировал так называемые Три Узла веры истинного каббалиста-саббатианца, что-то вроде Трех Драгоценностей*, если прибегнуть к буддийской аналогии. Эти Три Узла суть Господь, Бог Израилев, проявленный в сефире Тиферет, «Бог моей веры», как говорил сам Саббатай; Мессия, то есть в данном случае сам Саббатай Цеви; и Шехина, божественное Присутствие. Так вот, Шехину-то наш Анти-Христос и игнорирует.

Шехина есть божественная имманентность в мире, сияние божества в творении. Одновременно это есть женственный аспект абсолютного бытия — то, что гностики называли Софией или Энной, а даосы почитали как Таинственную Самку, Мать Поднебесной. После *шевиры*, разбиения сосудов, когда само бытие оказалось расколотым, а частицы божественного света были поработаны силами зла (*келипот*), природа Шехины, тесно связанной с миром и божественным присутствием в нем, также раскололась, хотя Шехина и устояла в качестве треснувшей, но не павшей сефиры Малхут. Раскол привел к выявлению двух ликов Шехины: с одной стороны, божественной и небесной, которая была отражением и выражением божества в женственной природе Малхут, с другой — падшей, ушедшей вниз, за пределы божественной плеромы. Эта падшая Шехина суть Невеста, единение которой

* Три Драгоценности буддизма — Будда, Дхарма (Учение) и Сангха (Община).

с божественным Женихом будет знаменовать наступление *тиккун* и восстановление творения в его причастности божественной жизни. Именно для ускорения этой иерогамии, этого Священного Бракосочетания, и бодрствуют каббалисты в ночь праздника Дарования Горы, читая мистическую Книгу Сияния — таинственный Зогар. И во имя этой иерогамии благочестивый каббалист сочетается со своей супругой в субботнюю ночь. Такая вот иудейская тантра, знаете ли.

Говорят, что падшая Шехина являлась нескльким благочестивым каббалистам. Например, в XVI веке один из учеников великого каббалистического Льва — Ари, то есть, Исаака Лурии, созерцал Шехину у Стены Плача в Иерусалиме в виде дамы в черном с заплаканными от горя глазами. Плодоносящим яблоневым садом назвал ее другой великий каббалист той эпохи — Моисей Кордоверо.

Но не только каббалисты знают падшую Шехину. Гностики почитали ее как Елену Троянскую, воплощение страдающей в темнице мира Мировой Души. Говорят, что Аполлоний Тианский возил с собой некую деву, бывшую проститутку, выкупленную им из притона, кажется, где-то в Финикии, которую он называл Энной, Божественным Разумением, и почитал как новое воплощение души прекрасной Елены, в свою очередь бывшую воплощением Вечной Женственности мироздания. Мировая душа — проститутка! Не великий ли символ изгнания Шехины, ее порабощения миром зла и страданий?

Подлинный кеносис* вечно женственного. Кстати, ведь и в тантре именно проститутки или женщины из низших каст считались наиболее полными выразительницами божественности женственного. Наконец, Блок, унаследовавший идею двух Софий от Владимира Соловьева, но придавший ей небывалую глубину своим поэтическим видением. С одной стороны:

*Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыа заката
Протянули ко мне острие.*

Она ушла, покинула поэта, теперь снова «она без мысли и без речи на том смеется берегу» и остается только молиться ей:

*О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!*

Это первая София, Премудрость Божия. Но с другой стороны, София — это Незнакомка, падшая ипостась, закатившаяся Звезда-Мария,

* Кеносис (*греч.* «опустошение») — богословское понятие, означающее самоограничение и самоумаление Христа через вочеловечение и добровольное принятие крестного страдания и смерти. Здесь: добровольное самоуничтожение божества.

отдающаяся незнакомым господам, страстная Фаина, Снежная Дева...

И все же и эта София-блудница несет на себе печать неземного, ибо она душа этого мира и двойник той, высшей Души:

*И странной близостью закованный,
Смотрю на темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.*

Но довольно о поэзии. Короче говоря, для Анти-Христа Шехина как бы просто не существует, ибо относится к эпохе творения, хотя и обладает божественной нетварной природой. А женщины не любят, ох, как не любят, когда ими пренебрегают! Шутка, конечно, но в каждой шутке... Будем же надеяться, что Таинственная Самка остановит его, Анти-Христа то есть, разрушительные планы нашими руками.

Далее разговор перешел в более прозаическое русло и постепенно пиво снова стало пользоваться нашим вниманием. Даже Анатолий медленно потягивал его, рассуждая о планах операции «Мессия», как мы назвали наш детективный проект. В конечном итоге мы решили, что завтра-послезавтра я снова постараюсь увидеться с Ильей под каким-нибудь благовидным предлогом и постараюсь через него выйти на след Анти-Христа. Мне стало психологически гораздо легче общаться с Ильей, после того как выяснилось, что он не маньяк и не безумец. Сер-

гей должен был снова вернуться на дачу и там в тишине поразмышлять о других возможных нитях и зацепках, Анатолий взял на себя функции координатора, и мы с ним обменялись телефонами и мэйлами. На этом мы и расстались. Не знаю, как остальные, а я чувствовал себя совершенно подавленным и даже раздавленным всем, сообщенным Анатолием, и временами мне начало казаться, что всем нам пора на Пряжку, раз мы можем всерьез обсуждать такие темы. Христы, Анти-Христы, Софии-проститутки... Бред какой-то. Но что-то во мне не позволяло просто отмахнуться от сказанного Анатолием. Когда же я хотя бы на мгновение всерьез начинал верить в его версию, мне становилось страшно, очень и очень страшно. В конце концов, уже подходя к дому, я решил, что буду относиться к операции «Мессия» как к игре, и мне сразу полегчало. Ночь прошла на диво спокойно и мирно.

Ну а из следующей главы вы узнаете о том, что было дальше.

Интерлюдия седьмая

Вот сон, который в разных вариантах снится мне регулярно, из года в год.

Я стою у подножия высокого холма. Горой его назвать нельзя — это именно холм, но довольно высокий. Я знаю, что вернулся на место, очень дорогое мне по воспоминаниям детства. Наверху должен находиться водоем, большой ручей или речка с изумительно прозрачной чистой водой. В речке живут какие-то странные существа, которые привлекают мое внимание тоже с детства — то ли тритоны, то ли аксолотли, но очень симпатичные и милые. Иногда мотив изобилия воды, в которой можно купаться и ловить аксолотлей, и вообще становится доминирующей темой сна. Я знаю (во сне, разумеется), что мечтал вернуться в эти места много-много лет, однако смог сделать это только теперь. Но что-то задерживает мой подъем на холм, появляются какие-то препятствия (в некоторых вариантах сна я вообще брожу туда-сюда, созерцая холм издали и лишь мечтая вновь оказаться на его вершине).

На этот раз мне везет. Я поднимаюсь на холм и переживаю чувство, близкое чувству человека, вернувшегося с чужбины в родной дом. Я смотрю на речку, хочу подойти к берегу и понаблюдать

за аксолотлями, но вдруг оказываюсь на самом краю вершины холма, под которой — пропасть (теперь холм как бы превращается в гору). Внизу на дне пропасти лишь с трудом можно рассмотреть домики некоего небольшого селения.

Я балансирую над пропастью, но не удерживаюсь и падаю. Страх — как и обычно во сне при падении. Но почти никогда я не просыпаюсь в этом месте сна. Приходит мысль: а чего, собственно говоря, я испугался? Это мой мир, и в нем я могу усилием воли делать все, что хочу, здесь нет невозможного для меня. Я приказываю себе прекратить падение. Иногда я снова оказываюсь на холме или благополучно приземляюсь внизу, и на этом сон кончается, плавно перетекая в какое-то другое сновидение, а иногда падение превращается в полет, и я лечу все дальше и дальше в небесной лазури воздушного океана, лечу над селением, над реками и лесами, лечу не в какое-то определенное место, а просто лечу... И в какой-то момент сон — опять-таки плавно — переходит во что-то другое, как правило, совершенно банальное.

Когда я просыпаюсь после этих сновидений, то на душе, как сказал поэт, «грустно и светло». Состоялась встреча с чем-то донельзя желанным и родным, с тем, о чем мечталось многие годы. Но встреча оказалась эфемерной, а счастье — мимолетным. Казалось, что наконец-то после многолетней разлуки вернулся в родные места, а теперь вновь стал странником.

*Родится мед в ячейках желтых сот,
И штиль стихий безумство предвещает,
И пифия в беспамятстве вещает
Предназначенья солнечных высот.*

*Из сердца помыслов река течет,
К своим истокам возвращаясь вскоре.
Безмолвия в груди родилось море.
Непреходяще то, что не влечет.*

*Молчание священного конклава,
Святой собор, божественный совет,
Создание извечного Стоглава.*

*Подвижником становится Варрава.
И духу плоть даст истинный ответ,
И Хаос возродится в бурной лаве.*

Глава VIII,

*в которой повествуется о поездке в столицу
и о новых надеждах и опасениях героев*

Четверг и пятница прошли у меня совершенно спокойно. Сергей снова уехал на дачу, Анатолий не проявлялся, в институте ничего не происходило. В пятницу с работы я позвонил Илье и напросился к нему в клинику в понедельник под тем предлогом, что он сам как-то приглашал меня заходить, но у меня все времени не было, а теперь вот летом я как раз мог бы... И прочее в том же роде. Короче говоря, условились, что я заеду к Илье в понедельник часикам к четырем. Он покажет мне свой кабинет, а потом мы сходим попить кофе в кафетерий поблизости.

Поскольку выходные попадали в зону вынужденного безделья, у меня возникла мысль съездить в Москву — навестить Андрея Королева, рассказать ему о наших событиях и проблемах (опустив, конечно, сказки о Христе и Анти-Христе) и узнать мнение обо всем этом умного человека, который, кстати, и сам был в институте в день ЧП. Для порядка я решил посоветоваться с Анатолием, но он куда-то исчез, и мне в конце концов пришлось просто оставить сообщение на автоответчике. В нем я уже

просто информировал Анатолия о своем решении съездить в Москву и поговорить с Андреем.

В пятницу во второй половине дня я набрал номер телефона Королева. Трубку быстро сняли, и я услышал голос Андрея. Я сказал, что собираюсь завтра-послезавтра в Москву и хотел бы с ним повидаться. Андрей был крайне приветлив и отменно вежлив; даже предложил встретить меня на вокзале, от чего я, конечно, отказался. Мы договорились, что я подъеду к нему в субботу к вечеру, и он продиктовал мне свой адрес. Предупредив Инну, что я уезжаю на выходные в Москву, я поехал на Московский вокзал, где без труда взял один купейный билет на скромный непретенциозный поезд (не «Красная Стрела» и не «Николаевский»), приходящий в Москву в шесть с небольшим утра, и в час назначенный отбыл в Первопрестольную.

Я всегда плохо сплю в поездах, а если поезд отходит в десять вечера, и в шесть утра уже надо выходить из вагона, ни о каком сне вообще не может быть речи. Короче говоря, прибыл я в столицу нашей родины совершенно сонным, разбитым и вялым. «Какой черт меня сюда занес и чего ради?» — было доминирующим чувством. Посидев часок на вокзале и понаблюдав вокзальную жизнь, около половины восьмого я сел в метро и доехал до станции «Таганская». Возле метро уже открылись ларьки и киоски, я выпил двойной кофе (увы, просто растворимый «Нескафе») и позавтракал в китайской забегаловке «Хуанхэ»; при желании заказанное вами блюдо

там упакуют в красивую картонную коробку, чтобы вы могли съесть его там, где вам удобнее, — дома или прямо на рабочем месте. Потом я снова отправился в метро, вышел на Охотном ряду и, посетив Красную площадь, направился прочь от нее по Тверской. У кинотеатра «Россия» я свернул в сторону и двинулся к саду «Эрмитаж».

Я часто ездил в Москву в 1992–1993 годах, когда столица напоминала скорее помойку, нежели центр великой державы. Потом я не был в ней несколько лет, и был просто потрясен произошедшими переменами, когда вновь приехал в 1997 году: теперь я был в европейском городе ничуть не хуже, скажем, Берлина. Все чисто, цивилизованно, комфортабельно. Конечно, все понятно — и восемьдесят процентов российских капиталов, сосредоточенных в Москве, и возможность использовать для городских нужд федеральные средства, и прочее в том же духе. Но тем не менее эти деньги могли бы и не дойти до московских улиц, которые теперь, как говорят, моют шампунем, а осесть в карманах каких-нибудь чиновников и близких к ним «бизнесменов». Что-то, наверно, и осело, но все же город ожил и был приведен в пристойный вид. Другое дело, что эта «российская Европа» Москвой и ограничивалась: даже Питер, несмотря на все попытки сделать из него культурную столицу и место проведения саммитов, оставался провинциальной золушкой, пытающейся наложить макияж с помощью косметики царственной прабабушки, изрядно поблекшей за

истекшие годы. Короче, порфиноносная вдова опять заткнула за пояс новую царицу, презиравшую ее сверх меры за купеческое скопидомство и отсутствие имперского лоска. Увы, чем-чем, а отсутствием лоска теперь Москву не попрекнешь! Хотя, конечно, страшно далека она от всей прочей России (что ее, кажется, однако, не очень-то и беспокоит).

В Эрмитажный сад я направился ради «Клуба чайной культуры», открытого там неким энтузиастом чая и синофилом, решившим напоить российскую столицу лучшими чаями Поднебесной. Удовольствие весьма эстетское и дорогое, но стоящее своих денег. В этом клубе вы попадаете в странную атмосферу чего-то среднего между китайским храмом и кафе. О храме настойчиво напоминал аромат курительных палочек, пропитывающий все заведение, а также статуи таких божеств, как буддийская Гуань-инь или даосский бессмертный Ли Тегуай. Ну и, конечно, Дамо — дзэнский патриарх Бодхидхарма, которого предание воспринимает как одного из отцов чайной культуры в Срединной империи. От кафе — все остальное, в том числе и магазинчик, в котором вы можете купить действительно ценные сорта китайского чая, некоторые из которых продавались по воистину баснословным ценам. Несмотря на некоторое вполне сознательное *chinoiserie**, оно, тем не менее, не переходило в дурновкусие,

* *Chinoiserie* (фр.) — подражание мотивам и стилистическим приемам китайского искусства.

не становилось «китайщиной», поскольку хозяин всего этого чайного изобилия явно разбирался в китайской эстетике и прекрасно знал, где надо остановиться в экспериментах с экзотикой.

Я заказал чайничек приличного недорогого лунцзинского чая (все равно пришлось отдать двести рублей) и прошел в общий зал мимо увешанных парными каллиграфическими надписями пустых кабинетов. Приятная девушка принесла чайник исинской керамики, прочитала мне небольшую лекцию о китайском чае вообще и лунцзинском в особенности, приготовила первую заварку и, предупредив, что вторая и третья будут еще лучше, оставила меня наедине с чаем и самим собой.

За чаем я провел часа два и около часа поплудни покинул Эрмитажный сад, поехав в головной институт: надо же чем-то занять себя часов до пяти-шести. Я знал, что, несмотря на уикенд, он будет открыт, так как в нем постоянно проводятся какие-нибудь платные мероприятия.

Институт располагался в самом центре Москвы, недалеко от Никитских ворот. Снаружи он выглядел как довольно большой купеческий особняк, но внутри являл собой несколько странное, а отчасти и предосудительное сходство со станцией метро, ибо еще в период брежневского «застоя» был отремонтирован силами Метростроя и облицован мрамором в соответствии со вкусами и привычками этой почтенной организации.

Я был поражен обилием объявлений о разных коммерческих мероприятиях, висевших

в вестибюле: семинары по холотропному дыханию с выдачей «международного сертификата», конференции по психологическим аспектам шаманизма «с участием шаманов и хилеров из Тувы, Бурятии и других регионов распространения традиционных форм шаманизма», курсы аутотренинга и подготовка беременных женщин к легким и безболезненным родам, группы ребёфинга (*rebirthing* — «возрождение») для повышения уровня психологической интегрированности личности и так далее и тому подобное. И все — если не за астрономические, то за вполне приличные деньги. Вот где расцвет профессиональной коммерции! На этом фоне робкие потуги Георгия Тиграновича и Альберта Аввакумовича начать зарабатывать какие-то деньги для нашего института выглядели робкими и наивными. Ну как же! Мы же бастион отечественного академизма! Впрочем, московский предпринимательский разгул казался другой крайностью. Неужели срединный путь невозможен? Вопрос исключительно риторический.

Я прошел по бесконечному коридору первого этажа мимо бухгалтерии и прочих служебных помещений, за которыми мрамор закончился и начались скромные побеленные стены, после чего по одной из лестниц поднялся на второй этаж, где сразу за импровизированной курилкой располагался Отдел (это у нас сектора, а здесь отделы) изучения традиционных психопрактик. Как и можно было ожидать, отдел был

пуст (какие сотрудники в субботу — выходные же!), но открыт, ибо за компьютером сидела лаборантка, — кажется, Мила, — которая писала диссертацию и по выходным ходила на работу, чтобы спокойно сидеть за компьютером.

С Милой я проговорил около часа. Она рассказала мне все институтские сплетни и поведала о всех интригах в отделе и дирекции. Когда Мила немного выдохлась, я спросил ее про Андрея. Она пожала плечами:

— Любимец отдела. Не понимаю, что *они* — слово было выделено — в нем находят...

Из этих слов я понял, что воздействие харизмы Королева было достаточно выборочным.

— Он последнее время все дома больше сидит, говорят, докторскую заканчивает. Ну так и пора, а то гений-гений, а всего-то кандидат наук... Недавно подходил к нему Славик Сердюков, предлагал организовать коммерческий инструктаж для руководителей групп кундалини- и хатхайоги, так тот его чуть не послал куда подальше. Не понимаю... То ли у него денег куры не клюют, то ли ему зарплаты хватает. Вообще-то, конечно, человек холостой...

Последнее было произнесено с оттенком обиды в голосе, из-за чего я пришел ко вполне определенному выводу относительно источника неподверженности Милы влиянию харизмы Андрея.

— Холостой? — удивленно спросил я голосом, исполненным наивности. — А я вот как-то звонил ему, и в трубке раздался женский голос...

— А, это Полечка Моргенштерн, его двоюродная сестрица. Она всегда живет в его квартире, когда он куда-нибудь уезжает, кота кормит. Он ведь тогда уезжал, не так ли?

— Совершенно верно, как раз в Питер, где мы с ним и встретились.

— Да, это Полина, конечно.

На этом темы для разговора иссякли, я распрощался с Милой и прошелся по коридорам института. Отделы были или заперты или использовались для семинаров и симпозиумов. А в большом конференц-зале звучали шаманские бубны и доносилось что-то вроде горлового пения. Там явно проходил семинар с участием традиционных шаманов из Тувы и Бурятии. Было уже около четырех. Поэтому я решил, что в институте я уже убил довольно времени, вышел на улицу, нашел первую попавшуюся забегаловку типа «фастфуд» и перекусил большим гамбургером с кока-колой, после чего направил стопы свои в сторону метро: к Андрею надо было ехать аж на «Юго-Западную».

Я сел в метро и проехал до конца длинную ветку, идущую через Воробьевы горы мимо Университета. От «Юго-Западной» предстояло добираться несколько остановок на автобусе; в Москве это для меня всегда некоторая проблема: кондукторов в автобусах практически не бывает, а где купить талончики, давно уже исчезнувшие в Питере как класс, неизвестно. Вот и на этот раз я прокатился «зайцем». Напротив остановки, как и было описано, находился боль-

шой универсам, за которым стоял дом Андрея. Я нашел подъезд, набрал код, сим-сим открыл дверь, и я проследовал мимо консьержки (в Питере — скорее экзотика, чем норма, а жаль) к лифту, который вознес меня на десятый этаж. Оказавшись перед запертым входом в коридор, я нажал на кнопку звонка у числа 108. Прошло минуты три (я уже собирался звонить во второй раз), прежде чем в коридоре раздались шаги. Замок щелкнул, дверь открылась. На пороге стоял Андрей, но, о Боже, кто б его узнал! Или мои глаза виноваты... Теперь мне и в голову не пришло бы счесть его молодым, по крайней мере подумать, что он моложе меня: Андрей выглядел именно на свои сорок пять лет — ни старше, ни моложе. На нем были обычные синие джинсы и ничем не примечательная футболка. Однако глаза... Я понял, что если я буду вглядываться в его глаза, он снова покажется мне молодым и необычным. Кто-то сказал, что фраза «глаза — зеркало души» есть не что иное, как распространенное заблуждение. Вероятно, это так, но не в данном случае: именно глаза Андрея были источником его харизмы, его необычного, я сказал бы даже, волшебного обаяния. «А очи синие бездонные цветут на дальнем берегу»... И все это без какого-либо оттенка сексуальности, даже без тени, без привкуса оной. Я не знаю, счастье или горе обладание такими глазами. Впрочем, судя по жизни Андрея, его глаза ему не мешали, но и не помогали. Или он не пользовался своим обаянием в корыстных или хотя бы просто

личных целях? Не знаю. Пока я бы решил, что скорее нет, чем да.

Разумеется, все это промелькнуло у меня в голове мгновенно, не успев оформиться в четкое выраженное в словах суждение.

Андрей протянул мне руку и провел в квартиру. Квартира была самой обычной — ничего особенного ни в смысле роскоши, ни в смысле бедности, ни в смысле экстравагантности, ни в смысле ординарности. Одним словом, квартира как квартира. Хорошая двухкомнатная квартира в приличном столичном доме. Только три портрета (два офорта, видимо копии, и одна фотография) на стене были достаточно необычными: один представлял собой изображение мужчины средних лет в восточном одеянии, с чалмой на голове, окладистой бородой и грустными, слегка меланхолическими глазами; второй — восточного молодого человека с головой, покрытой покрывалом (таллит?), с тонкими усиками над верхней губой и большими выразительными глазами; на третьем (это была фотография) — опять-таки восточный человек (кажется, индеец), сидящий в позе лотоса. Увидев, что я смотрю на портреты, Андрей улыбнулся (его улыбка отнюдь не слащавая, хотя исключительно приятна) и сказал, что это Саббатай Цеви, его пророк Натан из Газы и индийский йогин и исследователь феномена кундалини Гопи Кришна.

— По ним сразу видно, что меня интересует и чему я посвятил жизнь, — добавил Андрей.

Он спросил меня, долго ли я собираюсь пробыть в Москве и где я остановился. Я ответил, что нигде не остановился и что, наверно, прямо от него поеду на вокзал и ночным поездом вернусь домой. Тогда Андрей предложил мне переночевать у него, а домой вернуться завтра дневной «Авророй». Мне хотелось пообщаться с ним подольше и поэтому я согласился, — тем более что он сам это предложил, — спросив, действительно ли я не помешаю ему и не создам каких-либо неудобств.

— Нет, какие неудобства... Мама умерла два года тому назад, Полина, ее племянница, сейчас с семьей на даче, в эти выходные я к ним все равно уже не поехал. Дел у меня особых нет. Статью вот надо дописать, но это я попозднее сделаю, посижу немного за компьютером, надеюсь, вы меня простите.

Потом он ушел на кухню заварить чай, а я достал из сумки коробку привезенных из Питера конфет и бутылку итальянского сухого вина. Разумеется, не лишил я себя удовольствия посмотреть и книги личной библиотеки Андрея, стоявшие на полках и стеллажах. Довольно внушительная библиотека, но ничего экстраординарного. В основном специальная литература, много книг на английском. Из беллетристики преобладали собрания сочинений русских и западных авторов XIX века, сподобившихся нимба «классиков». Сия коллекция была, очевидно, собрана покойной Klarой Яковлевной, благодаря стояниям в бесконечных очередях с записями

номерков синим химическим карандашом на ладонях. Типично для интеллигентных семей шестидесятых.

Андрей вернулся с чайником и сразу же отреагировал на конфеты и бутылку. За конфеты он поблагодарил меня («есть грех, люблю сладкое»), а от вина вежливо отказался («пью только по особым случаям, вы уж меня извините великодушно»). Я, конечно, великодушно извинил.

Мы попили чаю с конфетами, попутно разговаривая об институтских делах. Когда я упомянул ему про произведшее на меня впечатление количество их коммерческих проектов, он брезгливо скривился и махнул рукой: «Сделали из храма науки вертеп разбойничий и радуются».

После чая Андрей некоторое время развлекал меня разговорами на разные интеллигентские темы под музыку Высоцкого. Последнее меня несколько удивило. Оказалось, что Андрей очень любит Высоцкого и еще в восьмидесятые годы собрал записи практически всех его песен.

— Держу пари, что эту вы никогда не слышали, — сказал Андрей, перематывая кассету до определенного места. — Слушайте!

Эту песню я действительно никогда не слышал. «Душ не губил сей славный муж...», «Его Иуда обыграл и в тридцать три и в сто одно...» — все эти и им подобные слова казались необычными для Высоцкого. Кеносис мессии... Бог, принявший «зрак рабий»...

— Что это за песня? — спросил я Андрея.

— А, так значит, и вправду не узнали? Не слышали раньше, да? Хм... Эта песня должна была исполняться в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли», ее должны были петь какие-то хиппи, на которых Мак-Кинли случайно натыкался. Но в конце концов цензура песню забраковала, и она превратилась в раритет. Имейте в виду, что такое есть.

Наконец я почувствовал, что настал момент рассказать Андрею про наши институтские события и про мои подозрения относительно Ильи. Я рассказывал подробно, в течение получаса, если не дольше. Андрей слушал чрезвычайно внимательно, что не мешало ему машинально поглаживать огромного рыжего с белым котом («Знакомьтесь, это господин Отто»), который появился неведомо откуда и улегся Андрею на колени, издавая такое громкое мурлыканье, что можно было подумать, будто работает небольшой моторчик.

Тут Андрей вышел из ступора, в который его, казалось, погрузил мой рассказ.

— Значит, Илья... Вот бы не подумал... Я ведь его знаю, и про вас у него спрашивал, он и адрес ваш мне дал. А ведь да, я встретил его в институте в тот день: я как раз поднимался по лестнице наверх, на встречу с вами, а он бежал сломя голову мне навстречу. Даже не узнал, хотя я с ним и поздоровался. Но я про это совсем было забыл: ваш обморок совершенно затмил в моей памяти все, что было перед этим. И зачем это

ему? В мессии пробивается? С головой не в порядке? И что вы теперь делать собираетесь?

— Встречусь с ним в понедельник-вторник, поговорю. Осмотрю его кабинет, наверняка он хранит препарат там.

— Хорошая идея. Вы только не торопитесь, время есть. Представляя себе его психологию, могу с уверенностью утверждать, что раньше 9-го ава по еврейскому календарю* и позднее 19 августа, Дня Преображения Господня в православии, он принимать препарат не будет. А сейчас для него явно период подготовки. Поэтому можно осмотреться и действовать решительно, но осторожно. А то, не дай Бог, вспугнете его...

— А что такое 9-е ава?

— Ну что вы, Константин! Уверен, что вы помните, запомнили просто.

— Ах, да... Пост, день разрушения Храма. Помню, помню.

— Правильно, но не только. По преданию в день 9-го ава должен родиться Машиах, Мессия!

— Да, он на этой идее слегка помешался. И еще его нумерология — символика числа 165...

— Знаю, знаю.

— Ну вот, откуда-то и идет его вера в свое мессианство: он ведь 1956 года рождения...

* Ав (*ивр.*) — пятый месяц еврейского календаря при отсчете от исхода из Египта и одиннадцатый при отсчете от сотворения мира; приблизительно соответствует июлю — началу августа.

— Да, плохо дело... Я вот тоже 1956 года. Ну и что?

— Для нормального человека, конечно, ничего. Но если формируется мания...

Так мы проговорили еще час-полтора. Мои подозрения относительно Ильи, которые в последние дни несколько ослабли, снова укрепились и даже более того, переросли в уверенность. Прямо в понедельник надо встречаться с Ильей и брать быка за рога, думал я. Андрей казался искренне огорченным всем услышанным и вместе с тем испытывавшим желание помочь всем, чем он может.

В конце концов я произнес сакраментальную фразу о том, что утро вечера мудренее, и мы разошлись по комнатам. Спал я очень хорошим крепким и ровным сном.

Проснулся почти в десять. Хозяин явно встал раньше, ибо из коридора доносились какие-то звуки и шарканье ног в домашних тапочках. Я поднялся, свернул простыни, сделал элементарную лечебную гимнастику (у меня постепенно развивался остеохондроз, и позвоночник нуждался в тренировках), одел штаны и вышел в коридор, однако Андрея там не обнаружил. Не желая быть навязчивым, я пошел приводить себя в порядок в ванную и уже совсем свежий и бодрый постучался в дверь второй комнаты, но никакого ответа не услышал. Из комнаты доносились приглушенные звуки музыки. Я слегка приоткрыл дверь и просунул голову в образовавшуюся щель. Андрей сидел в позе лотоса на полу на плотном

коврике и медитировал под музыку Моцарта (кажется, «Маленькая ночная серенада»). Я снова прикрыл дверь и отправился в свою спальню, не желая мешать ему. Впрочем, уже минут через пятнадцать он постучал ко мне и, пожелав доброго утра, сказал, что завтрак готов.

Чай-кофе мы пили на кухне. Андрей сказал, что занимается медитацией по системе классической раджа-йоги регулярно, два раза в день. Я заговорил о более продвинутых, как я считал, динамических методах медитации, после чего Андрей поведал мне интереснейшие сведения о каббалистических медитациях во время купаний в море, которые практиковал Саббатай Цеви со своими учениками еще до провозглашения его мессией. К сожалению, добавил Андрей, детали этой методики утрачены, и поэтому заниматься по ней сейчас, видимо, нельзя. «Вот если бы группы саббатянцев-дёнме* в Турции сохранили что-нибудь из подобных форм самокультивации, можно было бы и возродить практику морских созерцаний, если бы, конечно, те рассказали что-нибудь чужаку». После этого Андрей поведал мне про некоего барона фон Зеботендорфа, одного из оккультистов периода Веймарской Республики, а впоследствии эсэсовца «внутреннего круга» периода Третьего Рейха, который в молодости был близок то ли к ариософам, то ли к идеологам «консервативной революции». Но как это не странно для всей

* См. примеч. на с. 50.

подобной публики, сей господин — первоначально по крайней мере — вроде бы все-таки не был антисемитом. Так вот, этот Зеботендорф, если в этом ему вообще можно верить, рассказывал пражским адептам, что принял ряд в высшей степени эзотерических посвящений в Турции от некоей саббатрианской супружеской четы, причем некоторые из освоенных им методик предполагали практику своего рода сексуальной йоги, наподобие методов *карма-мудры** в индийской тантре. «Впрочем, — добавил Андрей, — даже если он врёт, то опирается на определенную традицию и во вранье, ибо в саббатрианской линии Барухии Руссо, который верил, что в него вселился дух самого Мессии после его оккультации, какие-то сексуальные ритуалы определенно имели место».

После завтрака мы прогулялись от дома Андрея до метро, съездили в центр, а потом он проводил меня на Ленинградский вокзал, где я без всяких проблем взял билет на «Аврору». Перед тем как посадить меня в вагон, он еще раз напомнил мне, чтобы относительно Ильи Гданьского я действовал решительно, но осторожно. «Осечка тут смерти подобна», — с легкой иронией произнес он.

Купе «Авроры» весьма неприятно поразило меня тем, что в нем надо было сидеть впрытык друг другу, да еще и буквально лицом к лицу

* Карма-мудра (санскр. «печать действия») — эзотерические тантрические практики, предполагающие реальный сексуальный или символический союз партнеров.

к своим визави. Помучившись в купе, я вышел в коридор и почти всю дорогу от Первопрестольной до Северной Венеции проходил взад-вперед от одного тамбура к другому.

Дома меня ждала Инна (Филиппа дома не было — все мотается где-то со своими приятелями), которая сразу же сказала, что мне много раз звонил некий Анатолий, буквально трубку оборвал. «Так вот, — добавила моя благоверная, — звонить этому Анатолию не надо — он на даче, — но завтра в полдень он придет в институт, чтобы поговорить с тобой. Это очень важно для него, очевидно».

Ну завтра так завтра, доживем — увидим. Да и утро вечера мудренее.

Интерлюдия восьмая

Как я уже рассказывал, поздней осенью 1982 года я познакомился со студентом философского факультета Александром Ивановым, который надолго стал для меня настоящим гуру. И хотя очень скоро мне стало ясно, что мистический опыт и йогические подвиги Александра в значительной степени являются плодом его воображения и средством эмоционального воздействия на впечатлительных девиц, общение с ним было весьма полезным. Благодаря ему я всерьез взялся за индийскую философию и вскоре уже проработал множество книг — от Радхакришнана и Чаттерджи с Датта до Дасгупты и статей в специальных журналах. Он же устроил меня в группу здоровья, в которой занимались самой что ни на есть настоящей хатха-йогой. Короче говоря, он открыл для меня Индию или способствовал такому открытию. Я продолжал общаться с Александром многие годы, хотя сан моего гуру он носил лишь год: позднее, как сказала одна из его знакомых, «Сашка стал православным и начал пить водку», а в таком качестве он стал мне уж совсем неинтересен. Последнее, что я о нем слышал, — он стал инструктором китайской дыхательной гимнастики «ци гун».

Самый первый период нашего знакомства иногда сопровождался довольно любопытными явлениями, некоторые из которых остались для меня загадкой даже сейчас.

Декабрь 1982 года. Мы сидим на кухне квартиры Александра и пьем чай с вареньем. Он рассказывает, какое впечатление произвела на него читанная им в самиздатовском варианте книга Лилли «В центре циклона». Мать Александра, Лариса Сергеевна, время от времени появляется на кухне и подливает нам чай, хотя к нашим разговорам относится с явным неодобрением: Лариса Сергеевна работает в обкоме комсомола и интересов своего сына никак не разделяет. Все тихо, спокойно: чай как чай, варенье как варенье, Лилли как Лилли...

Вдруг я чувствую, что со мной что-то неладно. Причем неладно всерьез. Какая-то сосущая пустота в области солнечного сплетения, дыхание становится все более затрудненным, слабость: с одной стороны, мне не хватало воздуха, а с другой — я чувствовал, что вот-вот свалюсь на пол. Наконец я с трудом произношу: «Мне плохо, кажется я умираю, мне дышать нечем». Александр берет меня под руки и ведет (вернее, тащит, ибо мои ноги подкашиваются и меня не держат) в большую комнату, гостиную. Там темно, свет он не включает. Александр укладывает меня на тахту и, наклонившись ко мне, начинает делать над телом какие-то пасы, иногда весьма длинные, буквально от моего темени до ступней. Но самое интересное, что я совершенно отчетли-

во чувствую какие-то потоки энергии, какое-то поле, возникающее между его ладонями и моим телом, чуть ли не легкие электрические разряды, пробегающие по моим конечностям, да и другим частям тела тоже. Через несколько минут мне определенно становится легче, дыхание нормализуется, слабость отступает. Александр делает еще несколько пасов и останавливается; я присаживаюсь на тахте, переходя из положения «лежа» в положение «сидя».

— Скорее всего, это воздействие энергии, накопленной мной прошлой ночью во время длительной коллективной медитации. Давай немного помедитируем вместе, — говорит Александр.

Я сажусь в *сукхасану* (то есть, в позу «постурецки», в *падмасане** я еще сидеть не умел), но медитация, что называется, «не идет». У Александра, кажется, тоже. Наконец он включает свет, мы возвращаемся на кухню, пьем еще по чашке чая. Александр начинает рассуждать о разных формах энергетического дисбаланса. Потом я откланиваюсь и ухожу. Иду домой пешком под все усиливающимся снегопадом. Теперь я чувствую себя прекрасно, а в голове мысль: «Вот пусть только кто-нибудь скажет мне, что никакой праны нет! Теперь-то я на собственной шкуре знаю, что она есть!»

Дома я немного почитал что-то о буддизме, немного помедитировал и лег спать. Настроение

* Падмасана (санскр.) — «поза лотоса».

у меня было превосходным, я был вдохновлен на новые подвиги...

*И Хаос возродится в бурной лаве,
И оплетет гроб дикий виноград,
Спускается на землю Божий Град,
Трубят менады царственной облаве.*

*Освобожденье рыцарь дарит даме,
Зеленым буйством разгулялся май,
Сияньем солнца залит бедный край:
Конец пришел мистериальной драме.*

*Благоуханье роза источает,
Голубизной одето все вокруг,
И чернота земли лазурь за блеск прощает.*

И Кану брачную живое чаёт,
Миров парящих гнезарный круг
Венцом нетления земля венчает.*

* Имеется в виду известное место из Евангелия от Иоанна (2:1–11) — свадьба в Кане Галилейской, где Иисус сотворил свое первое чудо — превратил воду в вино.

Глава IX,

в которой один благородный муж выслеживает другого, а также о том, чем эта слежка закончилась

Анатолий появился в институте ровно в полдень. Мы вышли с ним на лестничную площадку, служившую также курилкой, и сели на старые-престарые складные стулья. Анатолий начал с расспросов о Москве. Я достаточно подробно рассказал ему и об институте, и о моем визите к Андрею, подчеркнув, что Андрей добавил новые основания подозревать Илью и что теперь важно выяснить, на кого, так сказать, Илья может работать.

Анатолий выслушал меня очень внимательно и, как мне показалось, хотел еще что-то спросить или сказать по поводу моей истории, но не сделал этого.

— Хорошо-хорошо, слава Богу, все нормально. А то, откровенно говоря, я даже встревожился, когда узнал, что вы поехали в Москву не посоветовавшись со мной. Итак, когда вы собираетесь навестить вашего приятеля Илью?

— Сегодня или завтра. Я позвоню ему прямо при вас, если хотите, и договорюсь о встрече. Но вот что бы придумать в качестве мотива? А то или забеспокоится, или подумает, что я долг с него хочу получить раньше срока...

— Вы говорите, что головной институт предлагает какие-то семинары психотерапевтического характера? Вот и предложите ему поучаствовать в тандеме в какой-нибудь из этих программ. Может быть, он и вправду заинтересуется.

— Отлично, Анатолий, я так и сделаю. Пойдемте, позвоним ему.

Илья снял трубку сразу же, буквально после первого гудка: или сидел близко от телефона, или ждал звонка.

— А, это ты... Частенько мы с тобой стали общаться.

— А что, это плохо?

— Да что ты! Наоборот! Только странно. Иногда мы годами не общались.

— Так ты тоже последнее время контактируешь со мной чаще обычного. То домой заходишь, то в институт, то срочно позвонить просишь. Знают, карма такая, общаться нам надо.

— Да я-то этому только рад.

— Ну и чудненько. Я тут только что из Москвы вернулся — появился предмет для разговора из области грантов и проектов. Скажи, не мог бы я захватить к тебе на работу сегодня-завтра?

— Как сегодня около четырех?

— Очень хорошо, непременно буду.

— Тогда пока, до встречи.

— Пока.

— Ну вот, договорились на сегодня, — сказал я Анатолию. — К четырем поеду к нему на работу, посмотрю, не может ли он хранить вещество

у себя в кабинете. Может быть, он обмолвится или еще как-нибудь себя выдаст.

— Да вряд ли. Хотя попытка, конечно, не пытка, как сказал Иосиф Виссарионович Лаврентию Павловичу. Вы уж постарайтесь побыстрее проработать эту версию, как говорят детективы-профессионалы. Надо завершать работу в этом направлении. Время поджидает, а я чувствую, что собака зарыта совсем не там.

— А где?

— Вот этого я не знаю. Что же касается подозрений... Подождем пока с подозрениями, хорошо?

Меня распирало любопытство, но я согласился:

— Хорошо, подождем.

На этом мы с Анатолием распрощались, я проводил его до дверей и пошел в библиотеку проглядеть последние журналы. Увы, ни одного номера позднее апрельского я там не обнаружил. Около трех я ушел из института и не торопясь отправился в сторону психотерапевтического центра «Асклепий». В голове крутились две странных поэтических строки — футуризм какой-то, но надо придумать к ним первые две строки, эти явно заключительные:

*Голографично упоительна
И гиперссылочно сложна.*

Интересующий меня храм душевного здоровья представлял собой симпатичный особняк, уютно расположившийся в огороженном саду на

Каменном острове недалеко от питерского онкологического центра. Погода была прекрасной, совсем не по северному летней: жарко, солнечно. В каменноостровских кущах было прохладно и убаюкивающе спокойно: тихо, идиллически. Здесь трудно было представить себе, что ты находишься не на даче а практически в центре огромного мегаполиса. Тенистый парк, пруды, игра воды и резных теней пышной листвы. Неужели здесь, в средоточии мира и летней благодати, скрыта угроза самому существованию мира? Нет, бред все это. Мне надо не Шерлока Холмса изображать, а попроситься к Илье на лечение. И отдохнул бы наконец, помимо всего прочего... Конечно, все это были одни эмоции, никакого лечения (от чего?) и санаторно-курортного времяпрепровождения я позволить себе не мог. Увы! «И вечный бой! Покой нам только снится».

С этой строчкой российского почитателя Таинственной Самки Поднебесной я подошел к крыльцу особняка, у двери которого висела весьма респектабельная табличка: «АОЗТ Психотерапевтический центр “АСКЛЕПИЙ”». Я взялся за ручку двери и потянул ее на себя. Она не поддалась. Тогда я обнаружил кнопку звонка над кодовым устройством и позвонил. Замок щелкнул, и дверь автоматически открылась. Я вступил внутрь храма эллинского бога врачевания.

Прямо передо мной располагалось несколько ступеней, отделанных мягким покрытием, приглушающим звук шагов. Они вели еще к одной двери. Она была не заперта, и я вошел в коридор,

оказавшись сразу же перед вахтером, за спиной которого висела доска с ключами от помещений клиники.

— Вы к кому? — осведомился дюжий вахтер, вполне подошедший бы на роль секьюрити какого-нибудь банка.

— К Илье Марковичу Гданьскому, по личному делу, он меня ждет.

— Да, он предупреждал. Пожалуйста, по коридору направо, потом налево, четвертая дверь от поворота.

Сказав это, вахтер снова погрузился в созерцание телефонного аппарата — занятие, от которого я отвлек его своим приходом.

Центр «Асклепий» производил приятное впечатление уюта и респектабельности. Никакой роскоши, но все удобно, чисто, светло, напоминает качественную трехзвездочную гостиницу в Париже вроде отеля «Карофель» на *Rue de Gobelins*, в которой я жил неделю года четыре тому назад. Очень мило.

Я без труда нашел кабинет Ильи («Илья Маркович ГДАНЬСКИЙ, кандидат медицинских наук, психотерапевт») и после того, как тот ответил на мой стук в дверь, вошел внутрь. Илья, облаченный в белый халат, сидел за компьютером и явно играл в какую-то игру, а не изучал истории болезни своих пациентов. Он крутанулся на своем вращающемся кресле и с улыбкой поднялся мне навстречу.

— Привет, привет! Рады видеть в наших Палестинах!

— Тогда привет с западного берега реки Иордан и полосы Газы!

Илья хмыкнул:

— Ты что, арабом заделался?

— Отнюдь! Но ты ведь сам сказал, что здесь Палестины.

— Ну ладно. Хочешь чаю?

Я действительно хотел чаю, и Илья звончком вызвал медсестру, которая принесла нам по чашке чая и печенье. Пока она доставала сахар (сам я никогда не кладу сахар ни в чай, ни в кофе) и чайные ложечки, я оглядел кабинет Ильи. То же покрытие на полу, стеллаж с медицинскими справочниками и рабочими файлами (то бишь пластиковыми папками), два кресла, удобная односпальная тахта и сейф, который меня заинтересовал больше всего: не здесь ли пребывает легендарный ДМТ-Ф? Сейф казался достаточно простым, без всяких там хитростей с шифрами и сигнализацией. В его скважину был даже вставлен ключ! Вот бы заглянуть внутрь... Но пока ничего не получится, нельзя!

Во время чаепития мы говорили о всякой ерунде, в том числе о статье Ильи, опубликованной с месяц тому назад в петербургской газете «ЧП», в которой речь шла о сексопатологии как факторе творчества и о перспективах издания полного собрания сочинений Юнга. Утолив жажду, я перешел к делу, якобы приведшему меня в «Асклепий».

— Так вот, я вернулся из Москвы, где побывал, — правда, в субботу, почти никого не

застал — в нашем головном институте. Там просто какой-то разгул коммерциализации науки: семинары с камланиями и камлания с защитами диссертаций. Что-то вроде этого. Но кое-что и интересное есть. Я думаю, кое в каких проектах можно было бы и поучаствовать, а там и грант какой-нибудь получить от дядюшки Сороса или от РГНФ. Что бы тебя заинтересовало? Идея включить в проект практикующего психотерапевта, да еще из частной клиники... Это явно был бы большой плюс...

— Костя, откровенно говоря, вряд ли меня что-нибудь из этого заинтересует. Я сейчас и так совершенно зашиваюсь с проектами, в которые имел глупость залезть... Причем проекты-то совершенно безденежные, я больше за бумагу плачу, на которой материалы распечатывать приходится. Впрочем... М-м-м-м...

Тут Илья впал в ступор задумчивости, задрал голову и подставив солнцу свою медную бороду, от чего она стала совсем рыжей.

— Знаешь, Впрочем, это все равно не сейчас, а так на будущее... Но имей в виду, если заинтересуешься. Мне тут приходила в голову идея — все не могу ее обкатать как следует, — что Гроф дал маху со своими перинатальными матрицами. То есть соответствующие переживания есть, конечно, — кто спорит, — но они отнюдь не столь фундаментальны. Даже, точнее, эти БПМ* есть лишь элемент некоего классификационного

* См. примеч. на с. 74.

ряда. Например, Гроф связывает переживание аполлонического экстаза, расширения сознания, с БПМ-1, переживанием блаженного единения плода и матери во время беременности. Черта с два! На самом деле это вполне самостоятельные, но типологически близкие переживания, переживания одного и того же ряда, и задействование одного из них, например, переживание внутриутробного блаженства во время сеанса холотропного дыхания, включается механизм задействования и других переживаний того же типа. Подобное, так сказать, к подобному! Понимаешь? Поэтому дело не в БПМ, а в базовом признаке, отделяющем данный тип переживаний от всех переживаний другого типа. И никакой первичности перинатальных матриц! Поэтому в принципе можно было бы, пригласив еще пару москвичей, а то и ребят, временно трудящихся в дальнем зарубежье, подать на грант по теме, скажем, «Типология трансперсональных переживаний и границы БПМ» или что-нибудь в этом роде, ты лучше сформулируешь. Ну как, может пройти?

Идея была явно интересная, и меня даже удивило легкомыслие, с которым Илья здесь мне ее обнародовал — совсем не думает мужик о приоритетах и интеллектуальной собственности. Со мной-то, конечно, можно. Но вообще же...

— Отличный проект, Илья. Но вижу массу препон и трудностей. Во-первых, если у нас в институте Альберт Аввакумович узнает, что мы на Грофа наезжаем, он все свои связи реализует,

и фиг с маслом мы получим, а не грант. Во-вторых, все ушлые в плане коммерции москвичи являются вместе с тем какими-то совершенно наивными романтиками грофианства. Так что с участием москвичей будет проблематично. А без москвичей по нашей тематике грант получить совершенно немыслимо. Но в принципе здорово.

Мне и вправду понравилось: вот разберемся с Анти-Христом и спасем мир в очередной раз (смайлик, конечно), тогда надо будет этой темой всерьез заняться и написать толстый-претолстый вольюм под титулом, скажем, «Критика трансперсональной методологии и классификация измененных состояний сознания».

— Я это все обдумую и пообкатаю на разных академических тусовках, спасибо тебе за предложение.

— Ну хорошо, имей в виду. А теперь, раз уж ты пришел сюда, я расскажу тебе про клинику и покажу самое интересное. Хочешь?

— Само собой!

Это действительно был подарок судьбы. Надо иметь представление о том, что являет собой это заведение, особенно если придется пытаться проникнуть сюда, так сказать, нелегально.

Между тем Илья начал:

— Должен сказать, что это весьма престижное и дорогое, по крайней мере не дешевое, заведение. Но вместе с тем мы обеспечиваем на самом деле качественное лечение и решение различных психологических и отчасти экзистенциальных

проблем. Конечно, мы здесь не лечим буйных душевнобольных. Но шизофрения в состоянии рецессии, реактивные и маниакально-депрессивные психозы, а также различные формы расстройств психопатического характера — это наша стихия. Мы сочетаем традиционные медикаментозные методы лечения — есть у нас тут любители вколоть чего-нибудь по сильнее — и психотерапию, включая психоанализ и юнгианские методы психической интеграции. У нас, например, есть один доктор, который разработал великолепные психотерапевтические методики на основе дзэнских коанов, — пользуется большим успехом. Больных у нас не очень много, мы предпочитаем качество количеству. Часть наших пациентов лечится стационарно, палаты рассчитаны на одного, двух или трех человек — по желанию пациента и в зависимости от характера заболевания: скажем, в состоянии депрессии часто полезно побыть в небольшой компании. Но гораздо больше амбулаторных больных. Ну, например, по вечерам, после шести, мы проводим групповые психоаналитические сеансы. На первом этаже у нас, как ты видишь, кабинеты врачей и административно-хозяйственная часть. На втором — лечебные кабинеты, физиотерапия, комнаты для групповых занятий, бассейн и столовая. На третьем — палаты стационарных больных; туда посторонних, ты уж меня извини, не пускают. А вот на второй этаж пойдем, тебе понравится.

И мне действительно понравилось. В этой клинике хотелось лечиться, более того, в ней

хотелось отдыхать. А лазурная вода бассейна и вообще повергла меня в восхищение. Кабинеты для занятий групповым психоанализом были рассчитаны человек на десять, может быть, пятнадцать (реальные группы гораздо меньше, сказал Илья). Одним словом, все очень здорово. После этой экскурсии Илья проводил меня до входной двери, я попрощался с ним и кивнул вахтеру, ответившему мне довольно любезной для его физиономии улыбкой. На улице я обратил внимание на объявление, вывешенное на небольшом элегантном стенде: «Занятия групповым психоанализом переносятся на вторник и четверг. Начало в 18.00».

Очень хорошо! Вот в четверг в шесть я сюда и наведаюсь... Инкогнито!

Короче говоря, я надумал проникнуть в кабинет Ильи в нерабочее время, когда он будет проводить сеанс группового психоанализа, и проверить содержимое его сейфа. Я понимал, что этот план находится в прямом противоречии с законом, но не видел другого пути разобраться с этим делом.

В четверг около шести вечера я подошел к воротам центра «Асклепий», к которому уже направлялись небольшими группами или по одному достаточно респектабельно выглядевшие господа, явно шедшие для облегчения своей души (сиречь подсознания) посредством процедуры, разработанной некогда в Вене доктором Фрейдом и усовершенствованной его учениками

и последователями. Я присоединился к одной небольшой компании и вместе с ней вошел в центр, кивнув вахтеру, который должен был опознать меня, как личность знакомую. Теперь самое главное — не налететь на Илью до начала сеанса.

Повезло, не налетел. На втором этаже, помявшись немного среди рассредоточившихся по коридору пациентов, я незаметно шмыгнул в туалет и заперся к кабинке. Когда мои часы показали 18.15, я выглянул в коридор и обнаружил, что он пуст: сеанс начался. Я как ни в чем не бывало спустился на первый этаж и уверенной, как мне казалось, походкой пошел к кабинету Ильи. Постучал в дверь. Никакого ответа. Дернул за ручку. Увы, дверь не открылась. Впрочем, это было бы слишком большой удачей, если бы Илья, уходя на сеанс, не запер бы ее. Во всяком случае, я был готов к такому повороту событий: теперь самое главное, чтобы у вахтера на щите оказался дубликат ключа от кабинета.

Вахтер был погружен в чтение какого-то бестселлера. Мне пришлось оторвать его от этого занятия:

— Здравствуйте, вы меня знаете — я вчера приходил к доктору Гданьскому по делу. Сегодня вот он мне тоже нужен, но я не успел его поймать до сеанса. Сейчас, как вы понимаете, отвлекать его никак нельзя. Ждать, когда сеанс кончится, я тоже не могу. А в кабинете лежит важная вещь, приготовленная для меня... не могли бы вы дать мне ключ? Если хотите, пойдёмте туда со мной...

Расчет был на то, что привратник не имеет права оставить свое место.

Вахтер оторвал свой взгляд от бестселлера и вперил в меня свой глаз-алмаз. Я выдержал его орлиный взгляд, не моргнув. Вахтер лениво потянулся к щиту, снял с него какой-то ключ и молча протянул мне. Удача!

— Спасибо вам огромное! Просто не знаю, как...

— Только побыстрее, пожалуйста, — только и вымолвил он.

Я бегом кинулся к кабинету.

Дверь без всякого труда открылась. В кабинете, как и предполагалось, никого не было. Я бросился к сейфу. Увы! Ключа в нем не было. Обливаясь потом — страшно потею от волнения, — я стал шарить по ящикам стола Ильи и наконец обнаружил какую-то связку ключей. Главное, не забыть снова положить ее на место! Снова к сейфу. Один ключ — не то, второй — опять не то, третий ключ... Раздался щелчок, и сейф легко раскрылся, допуская меня в свои недра. Грандиозно!

Бумаги, бумаги, какие-то пластиковые карточки, кандидатский диплом, еще какие-то документы, ампулы промедола, шприцы, снова ампулы чего-то наркотического (вот зачем ему сейф!) и, увы, никаких склянок с чем-либо, даже отдаленно напоминающего ДМТ-Ф.

— Объясни, пожалуйста, что здесь происходит, — раздался прямо у меня над ухом вполне уравновешенный голос Ильи.

Я как ошпаренный отскочил от сейфа. Сердце, как говорится, екнуло и оберло, а душа ушла в пятки, готовая покинуть мое брненное тело.

— Ты... ты... — залепетал я.

— Ну конечно, я. А кого ты, собственно, ожидал встретить в моем кабинете? Черта рогатого, что ли? — голос Ильи звучал не зло и даже не раздраженно, а, скорее, как-то, наоборот, вкрадчиво.

— Но ты же должен был быть на группе?

— А с чего ты вообще взял, что я сейчас веду группы? Я этого тебе не говорил. Принял желаемое за действительное?

Именно это, боюсь, и произошло.

— Ты лучше объясни, что ты здесь делаешь и почему потрошишь мой сейф? Не промедол же тебе нужен, в самом деле. Подозреваю, что этого добра и у вас в институте навалом... Ладно, не волнуйся, милицию не вызову. Лучше садись в кресло и расскажи мне все, а я чай заварю — сестра, увы, уже ушла. Кстати, вполне мог на нее нарваться, она иногда тут до ночи за компом сидит.

Мне ничего не оставалось, как принять приглашение Ильи. Видимо, пришло время поговорить с ним начистоту. Илья аккуратно закрыл и запер сейф, положил ключи от него на место, забрал ключ от кабинета и вышел, явно для того, чтобы отдать его вахтеру.

Он вернулся через пять минут, катя перед собой поднос с чайными чашками, сахаром и прочим, необходимым для чаепития. Я же провел

это время в полной прострации, ничего не сообщая и ничего не обдумывая.

— Хорошо, пей чай, приходи в себя и рассказывай. У меня ведь наметанный глаз: я уже в прошлый раз догадался, что твои визиты ко мне имеют какой-то скрытый смысл и что самого главного ты не договариваешь. Я, конечно, никак не ожидал того, что произошло, но и не чрезмерно удивился, увидев, что ты делаешь. И знаешь, поскольку ты явно не псих, по крайней мере не клинический, я буду настаивать, чтобы ты объяснил мне, в чем дело. За шпиона ты меня принимаешь, что ли?

«Делать нечего, бояре», — подумал я и рассказал Илье все как на исповеди или на том же психоанализе, к тому же теперь я был уверен, что Илья не имеет никакого отношения к «делу о хищении психоделика» и мог скорее рассчитывать на его помощь, чем на препятствия с его стороны. Закончив, я в изнеможении, смешанном с облегчением откинулся на спинку кресла. — Уф-ф-ф!

— Я не ел мыла! — довольно патетическим тоном воскликнул Илья.

— Чего?

Неужели я ошибся, и он вор-зомби, теперь обнаруживающий признаки безумия?

— Да это из одного старого «Фитиля». Там одному бедолаге приснилось, что соседи по коммуналке поймали его, будучи уверенными, что он украл и съел общественное мыло, и теперь собираются разрезать ему живот, чтобы извлечь похищенное.

— А-а, — с облегчением произнес я.

— Теперь и ты это понял?

— Да, увы. И сожалею, что устроил весь этот цирк, так ничего и не выяснив. Что посоветуешь?

— Понимаешь, кража препарата есть факт, и тут уж ничего не попишешь. Всю эту вашу мистику с Христами — Анти-Христами я и вообще бы отмел с порога, если бы не некоторые обстоятельства, действительно странные. Это наваждение с каббалой и саббатизмом, например, которому и я подвергся... Кстати, учти, что в тот день я по лестницам в институте не бегал, а Андрея встретил внизу у зеркала, это он что-то перепутал. Подозреваю, что мы столкнулись с мощным и просто мистическим по характеру гипнотическим воздействием. И у тебя, и даже у меня что-то в памяти и в способности суждения в пределах, так сказать, поля «дела о хищении психоделика» заблокировано, и заблокировано весьма основательно. Я чувствую, что отгадка совсем на поверхности, но эту поверхность от моего ума отделяет совершенно непробиваемый слой льда... А значит, дело-то весьма серьезное, тут вы правы. Судьбы мира или нет, но это не шуточки, ясно вполне. Помнится, ты говорил, что скоро у тебя психоделическая практика?

— Да, в следующую среду.

— Это просто здорово! Почти не сомневаюсь, что психоделик снимет блокировку и после этого эксперимента ты переживешь настоящее сатори, а истина откроется тебе во всей ее простоте. Но готовься к очень серьезным и неприятным пере-

живаниям. Блокировка будет сопротивляться, а твое сознание — пробивать ее. Это противоборство, несомненно, создаст весьма острые психологические коллизии и мучительные ощущения и образы. Так что крепись и мужайся! А пока ничего не предпринимай, пей витамины, гуляй перед сном, выброси все из головы и отдохай.

Мы поговорили еще с полчаса на разные абстрактные темы; я заверил Илью, что его идея о переоценке грофовского учения о базовых перинатальных матрицах меня заинтересовала вполне «всерьез и надолго», и на этой ноте мы отправились домой. Вахтер на выходе даже не взглянул на меня. С легкой иронией я подумал, что, вероятно, он выдаст мне ключ и в следующий раз. Илья проводил меня до дома, напомнил, что вернет свой долг на будущей неделе («А заодно и узнаю, как твоя практика прошла»), на чем мы и распрощались. Из дома я позвонил Анатолию, рассказал ему все и получил его благословение на отдых и подготовку к психоделическому эксперименту. Настроение у меня заметно улучшилось, паранойя, навеянная поисками злодея, улетучилась, и я со спокойной совестью предался простым семейным радостям, полазал по интернету и в хорошем настроении отдался богу Морфею.

Если же вам интересно, что произошло потом, читайте интерлюдия, а потом уже следующую главу.

Интерлюдия девятая (Самая важная из всех!)

В среду 25 июля в половине третьего пополудни я переступил порог психоделической лаборатории и оказался во власти Вячеслава Сидоровича Ходокова и молоденькой лаборантки Юли. Прежде всего меня переодели в просторный больничный халат, прослушали, сделали электрокардиограмму и измерили кровяное давление. Последнее оказалось несколько повышенным, но я заверил Ходокова, что для меня такое давление вполне нормально. После соответствующих записей в моей карточке, Ходоков усадил меня в удобное кресло и завел разговор непосредственно о практике.

— Итак, вы, дорогой Константин Владимирович, выбрали грибочки... Псилоцибинчик, значит... Очень хорошо. Скажите, в каком виде грибочки вы предпочитаете: натуральные сушеные, порошок или вытяжку с водичкой?

— Всегда просто ел сушеные. Но, пожалуй, попробую вытяжку. Наверно, эффективнее?

— Пожалуй, что да. Да и быстрее — жевать не надо.

— Прекрасно.

— Будете ли использовать ингибиторы МАО?

— А вы что посоветуете, Вячеслав Сидорович?

— Ну в вашем случае, пожалуй, я бы не стал. А ну их, эти ингибиторы! Думаю, что у вас и так все хорошо пойдет. Тем более что у вас были, помню, какие-то проблемы с аяхуаско, а там есть ингибитор. Да и давление у вас все-таки повышено... Так что лучше воздержимся.

— Хорошо, тогда точно воздержимся.

Я улыбнулся.

Ходоков достал из холодильника пузырек с черной жидкостью, которая оказалась тягучей и густой, налил ее в столовую ложку и размешал в стакане налитой из бутылки воды «БонАква» (без газа, конечно), размешал и протянул мне. Я медленно выпил содержимое стакана. Вода имела характерный грибной вкус.

— А теперь пожалуйста в постельку, Константин Владимирович!

Ходоков проводил меня в соседнюю комнату, где стояла удобная двуспальная кровать без одеяла, но с множеством подушек разного размера, уютный торшер, столик с кнопкой звонка и музыкальный комбайн.

— Вам какую музыку поставить? Рок или классику?

— Поставьте, пожалуйста, классику. Есть у вас какая-нибудь оратория помощнее?

— Странные у вас вкусы, милостивый государь! Обычно все предпочитают что-нибудь тихое и мелодичное, ансамбль Джеймса Ласта какой-нибудь или там Шуберта. И обычно без вокала.

— А я вот хочу с вокалом и погромче, такой уж я оригинал.

— Воля ваша, сэр. Сейчас поищем.

В результате были обнаружены «Месса» Баха и «Торжественная месса» Моцарта. Я выбрал вторую. Ходоков поставил CD, пожелал мне «приятного путешествия в миры иные» («Если что, звоните в звоночек») и покинул меня. Я удобно разлегся на кровати, расслабился, закрыл глаза и погрузился в музыку, растворяясь в мощном и гармоничном звучании хора. Обычно мне требовалось от получаса до сорока пяти минут, чтобы испытать психоделическое воздействие магических грибов.

На этот раз эффект стал заметен даже несколько раньше. Перед глазами поплыли цветные пятна, превращавшиеся в сложные переплетающиеся узоры и арабески. Потом они превратились в фигуры гигантского калейдоскопа, которые начали менять свои очертания, как в калейдоскопе настоящем. В центре этой калейдоскопической сферы вдруг образовалась воронка в виде сияющего гигантского сапфира, втянувшего в себя все остальные кристаллы. Мой нос ощутил благоухание лилий — очень интенсивное, почти удушающее, но невыразимо приятное.

Внезапно гигантский сапфир раскололся и его осколки сами превратились в исполинские сапфиры, расположившиеся в конфигурацию, соответствующую каббалистическому Древу сефирот; в центре Древа ослепительно сиял крупнейший из всех сапфиров, волшебный мерцающий свет которого, казалось, пронизывал собой всю вселенную. Из сапфира раздался громоподобный

голос, прорекший: «Я Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог Иисуса из Назарета и Саббатая Цеви. Я есмь тот, который Я есмь. *Эхье ашер Эхье*».

Вдруг аромат лилий сменился омерзительным зловонием жженой серы, адского жупела. Древо сефирот померкло, потускнело, а бывшие сапфиры засветились тусклым болезненным дымным светом. Затем Древо перевернулось, его вершина с сефирой Кетер оказалась внизу, а основание (сефира Малхут) — наверху. В центральной сефире, бывшей прежде сефирой Тиферет, вдруг появилась отвратительно глумливая, мерзко щерившаяся физиономия с острыми ушами и козлиной бородкой. Физиономия гнусно захихикала и начала по очереди подмигивать мне то одним глазом, то другим. А потом вдруг произнесла странным, визгливо дрожащим и дребезжащим голосом: «Ну что, попался, братец Иванушка?!»

Дальше все померкло, и вдруг я увидел перед собой будто бы весь мир: небеса с бегущими по ним облаками, гонимыми стремительными порывами ветра, океан, вздымающий горы волн к самому небу, бескрайние просторы суши, и луну и звезды, и то, что за луной и звездами... И повсюду шла война, нескончаемый бой, вечное сражение, пиршество ратной брани. Все сражались со всеми, причем воюющие стороны постоянно менялись, и бывшие союзники оказывались противниками, а враги — друзьями. Светозарные боги боролись с титанами, окутанными дымным пламенем, рушились небесные дворцы, взрывались сверхновые звезды, коллапсировали

вселенные... Люди с людьми и звери со зверями, звери с людьми и растения со зверями, ангелы с демонами и демоны с крылатыми радужными быками... При этом то демоны превращались в ангелов, то ангелы становились титанами, а боги — людьми. И каждый стан стремился уверить всех вокруг, и меня в том числе, что он сражается за Свет, а его неприятели — за Тьму. Увидев перед собой рыцаря в ослепительных зеркальных доспехах, я спросил его: «За что воюешь, воин?» Рыцарь ничего не ответил и растворился в пламени пожара дворца одного из Олимпийцев. Но тут голос пришел с небес, и этот голос прогреготал: «За Великий Приз!» — «И что это за Приз?» — воскликнул я, боясь услышать ответ. И все же я услышал его: «Кундалини, кундалини, кундалини, Великая змея, спираль контроля, орудие власти и господства!»

Сцена Великой войны стала блекнуть и расплываться. Мой дух помчался над поверхностью земли. Я видел бескрайние пространства Евразии и бурлящий Тихий океан, Японские острова, подобные кусочкам затвердевшей смолы, упавшей в море с копья бога-прародителя, и Австралию, обе Америки и замерзшие безлюдные пространства Антарктиды. Мой взор проник в бездну Марианской впадины, и там я узрел Врага — существо чуждой и отвратительной природы, исполинский ступок протоплазмы, ненавидящий все живое и обладающий мощнейшим, но совершенно запредельным нашему пониманию разумом. Враг ненавидел все и жадно интересовался

всем, что лежало за пределами лишенных света пучин океана. Силой своего разума он посылал свои мыслеобразы, аватары злонамеренного любопытства, наверх, на сушу, где они шпионили и выслеживали ради его ненасытного интереса и его бескрайней ненависти. Это существо пока бездействовало, пока...

Снова все померкло. Раздалось церковное пение: «Но яко имущая Державу Непобедимую, от всяких нас бед свободы, да зовем ти: “Радуйся, Невесто Неневестная”». Бескрайнее лазурное пространство. И гигантская женская фигура в черном, кружевное платье; мантилья, веер, словно у королевы-махи с картины Гойи. Она отнимает веер от лица и поворачивается ко мне. Вместо глаз я вижу пустые глазницы, из которых льются слезы. Волна тоски и счастья, муки и блаженства. Я громко кричу и прихожу в себя.

На часах ровно девять вечера.

*Венцом нетления земля венчает
Творенье, обрученное с Творцом,
И Сын свершил реченное Отцом,
И лилия в лазури расцветает.*

*В багряности беззвучной вечер тает,
Но загорелась алая заря,
Ласкают взор сапфирные моря,
Тоска веков бесследно исчезает.*

*Так в подвиге безмолвном утвердись,
Проникни взором в лотос тайный сердца,
В борьбе со страстью мерзкой укрепишь.*

*Душой к незримым Светам прилепись,
Дабы узрело око страстотерпца
Небес льдяных загадочную высь.*

*Небес льдяных загадочную высь
Бесплотный дух постичь, увы, не в силах,
Полет не создан для существ бескрылых,
И плоть крылами одаряет мысль.*

*Речется Духом: Слово плотью бысть,
И плоть орудьем верным стала духу.
Терзавшемуся смертной тайной мукой
Над ангелами власть дана царить.*

*Закатный свет лазурность озлащает
И киноварью красит небосклон:
День ночи тьму торжественно встречает.*

*Зарю востока запад предвещает,
Порфирой укрывает горный склон,
И твердь в виссон и пурпур облачает.*

Глава X,

в которой почти все становится понятным

Несколько минут я продолжал лежать в постели в полной расслабленности, еще не совсем осознав, в каком из миров нахожусь, но постепенно я окончательно вернулся к согласованной реальности и нажал кнопку вызова ассистента. В комнате немедленно появился Ходоков.

— Долго вы на этот раз, я даже немного беспокоиться начал, хотя вроде бы никаких признаков чего-то неладного не было — я ведь несколько раз проверял, все ли в порядке. Как вы настроены: домой идти или здесь ночевать? Я вас могу чаем напоить с бутербродами.

— Спасибо вам, Вячеслав Сидорович. Пожалуй, я останусь здесь. Завтра зайду ненадолго в кабинет, а потом пойду домой отдыхать.

— Ну и чудненько!

Я встал, умылся, почистил зубы, после чего Ходоков опять измерил мне давление, посчитал пульс и прослушал стетоскопом сердце.

— Вы молодец. Все в порядке, и даже давление снизилось. В космос лететь можете.

Затем он вскипятил воду, заварил мне в чашке чай из пакетика и достал из холодильника два больших бутерброда с маслом, сыром и доктор-

ской колбасой. Накормив-напоив меня, он стал собираться домой.

— Значит, так. Располагайтесь как дома и ни о чем не волнуйтесь. Если завтра будете уходить до моего прихода, просто посильнее хлопните дверь — она и запрется, даже сигнализация включится. Если надо позвонить, телефон вон там, на столике. Не забудьте в течение двух недель представить в письменном виде отчет о вашем психоделическом опыте и ваших переживаниях. («Прямо, так я все и напишу», — подумал я.) Ну а я пошел. Приятных снов и спокойной ночи!

С этими словами Ходоков снял белый халат и одел поверх рубашки легкую ветровку. Щелкнул дверной замок, и я остался в психоделичке один.

Прежде всего я позвонил домой и заверил Инну, что со мной все в порядке. Домой же приду завтра во второй половине дня. Если будет звонить Анатолий, надо сказать ему, чтобы перезвонил завтра вечером.

Потом я еще раз умылся и пошел спать. Думать ни о чем не хотелось, для этого будет завтра. Тем не менее я все же решил хоть чуть-чуть сосредоточиться на «деле о хищении психоделика». Вначале ощущение было очень странным. Казалось, будто все мои мысли по этому поводу стремятся сосредоточиться вокруг некоего центра, которого больше не существует, и вот они теперь в панике ищут его. Это ощущение какой-то расфокусированности мыслительного процесса

было достаточно неприятным, но оно продолжалось лишь несколько минут. Потом вдруг сознание прояснилось, и я почувствовал в голове нечто, напоминающее «шпок!», который производят в компьютере антивирусные программы при удалении вируса, и истина открылась мне во всей ее простоте и незатейливости.

Идиот! Ведь все же кристально ясно! Если бы не эта блокировка, никакой проблемы бы просто не было! А я своей полной неспособностью увидеть то, что находилось прямо перед глазами, и других людей вводил в заблуждение, ибо они думали, что если самый простой ответ не приходит даже мне в голову, то этот ответ заведомо ложен! Но теперь конец: истина обнаружена, пелена спала с моих глаз и иллюзия рассеялась — веревка стала веревкой, а призрак змеи растаял, как сон после пробуждения. Однако все еще необходимо проверить. Но это уже завтра, а сейчас — спать!

Спал я крепким спокойным сном без сновидений, и когда проснулся, на часах было уже 8.30. Надо быстрее вставать: через час в институте начнут появляться сотрудники и спокойно позаниматься неотложными делами будет уже сложнее.

Я быстро встал, в течение пяти минут проделал свою гимнастику от остеохондроза, умылся, вскипятил воду, наскоро выпил чаю, сполоснул чашку, выключил свет и покинул психоделичку, основательно хлопнув дверью и убедившись, что

лампочка сигнализации загорелась. Теперь на вахту за ключом от кабинета — и за работу!

Первым делом я взялся за биографический словарь фон Бок. Вот она, статья про Андрея Александровича Королева. Воспроизвожу ее еще раз:

КОРОЛЕВ Андрей Александрович. 17 июля 1956. Родители: Королев Александр Ильич, Королева (Моргенштерн) Клара Яковлевна. Трансперсональный психолог. В 1978 окончил психол. ф-т МГУ. Канд. психол. наук (1985). В 1978–1986 — ассист., ст. преп. психол. ф-та МГУ, с 1987 — ИТП РАН, ст. науч. сотр. Осн. направления исследований — психол. аспекты инд. йоги, архетипич. уровень каббалистической традиции.

Строго говоря, уже этой статьи было достаточно, чтобы все понять; и я непременно понял бы, если б не установленная в моем мозгу блокировка. Он родился в 1956 году, том самом году, что попадал в мистический цикл ста шестидесяти пяти лет, о котором мне поведал Илья. Он еврей, причем по материнской линии, а значит еврей в строго ортодоксальном понимании этого слова. Интересно проверить, чему соответствует день его рождения по еврейскому календарю.

Не мудрствуя лукаво, я сел за компьютер, стоявший на столе нашего секторального ученого секретаря, включил его, вышел в интернет и, повозившись несколько минут с поисковой системой *google*, без особого труда нашел конвертер,

переводящий даты григорианского календаря в даты календаря еврейского и обратно. 17 июля 1956 года оказалось днем 9-го ава, что меня уже не очень-то и удивило. Я проверил, на какой день по нашему календарю приходится 9-ое ава в этом году. Оказалось, на 29 июля, воскресенье, а это уже меньше чем через три дня. Значит, я все же успеваю!

Я выключил компьютер, вернулся за свой стол и откинулся на спинку стула, насколько она это позволяла. Значит наш Анти-Христос — Андрей Королев. Я ясно вспомнил, как он в первый раз пришел ко мне, распевая песнопения о тоске Света-дракона по вечному покою Абсолюта, в котором он пребывал до творения. Забавно, кстати, что позднее я полностью забыл про вторую половину нашей беседы, которая казалась мне просто каким-то мистическим бредом: видимо, воспоминания о ней тоже подверглись блокировке. Теперь же она с необычайной четкостью всплыла в моем мозгу. Казалось, что я слышу каждое слово, произнесенное Андреем:

— Константин, вы же умный человек. Ваши работы хорошо известны. Я думаю, в России мало молодых трансперсоналистов вашего уровня. («Спасибо, спасибо, но на лесть я не очень-то падок»). Надо готовить людей к возвращению Машиаха. Согласны вы работать с нами?

— С вами? А сколько вас и кто вы такие?

— Неважно, сколько нас; считайте, что я и Илья. Но это ничего не значит, у нас много работы, и нам нужен классный трансперсоналист.

— Слушайте, Андрей, мы же с вами не дети. С момента запрета КПСС в 1991 году я дал себе клятву не участвовать ни в каких организациях, кроме научных и просветительских обществ, и этому правилу изменять не намерен.

— А путь бодхисаттвы, а благо всех существ?

— Давайте не будем мешать кислое с пресным.

— А мы, саббатянцы, все проповедуем святую апостасию и стирание граней между религиями.

— Вряд ли живым существам нужны какие-то инфантильные полуподпольные сообщества.

— Короче говоря, вы отказываетесь?

— Совершенно определенно.

Итак, я не согласился куда-либо вступать, но Андрей не очень-то расстроился и наложил на меня свои гипнотические чары, будучи уверен, что теперь и без всякого вступления я сделаю все, что ему будет надо. Что же касается содействия приходу Мессии, то, полагаю, речь тогда шла вовсе не о Саббатае Цеви, а о самом Андрее — именно себя и никого другого он имел в виду под грядущим Машиахом.

Гипноз первоначально был трехслойным или трехступенчатым (не знаю, как правильно выразиться, — это скорее по части Ильи Гданьского). Первая ступень, самая прочная, должна была блокировать нежелательные воспоминания и способность ума адекватно анализировать ситуацию с похищением ДМТ-Ф и ролью Андрея в этом похищении. Вторая, самая поверхностная, должна была привязать меня к Андрею и вызвать страстное желание общаться с ним до

совершения кражи; потом эта привязанность стала бы лишней и, возможно, даже вредной для Андрея. Поэтому уже на следующий день после того достопамятного события моя привязанность к Королеву стала таять и вскоре совершенно покинула меня. Осталось лишь воздействие божественной (именно так!) харизмы Андрея, которой я, конечно же, совершенно не мог противостоять. И наконец, третья — самая важная, конечно: команда украсть ДМТ-Ф, передать украденное самому Андрею и немедленно забыть об этом. Последнему приказу мой мозг, видимо, отчаянно сопротивлялся, что и вызвало обморок на лестничной площадке.

Теперь в институте мне делать было решительно нечего. Поскольку в кабинете так никто и не появился (четверг, день неприсутственный), я запер его, сдал ключ на вахту и пошел домой, чрезвычайно порадовав Инну своим ранним появлением (Инна у меня занималась переводами с немецкого по заказам разных фирм, поэтому она работала дома).

Первым делом я взялся за телефон и стал звонить Андрею. Теперь мне было как-то уж и не по себе называть его просто по имени, но не величать же его Господом или Лордом — нелепо же. На пятом гудке включился автоответчик. Я повесил трубку. Будем ждать.

Весь день я работал над диссертацией, а около шести вечера снова позвонил Андрею. На сей раз он снял трубку.

— Здравствуйте, Андрей, это Константин из Питера. Нам надо увидеться, и чем раньше, тем лучше.

Андрей ответил мне странным суховатым и несколько высокомерным тоном, внезапно перейдя к тому же на «ты».

— А, значит, все-таки догадался... Умень, и правда, умень... Я это подозревал, но ничего не мог поделать. Сострадание... Вы, люди, я имею в виду, даже понять не можете, что это такое. Если бы не сострадание, ты не смог бы ни о чем догадаться, но если бы я был лишен сострадания, то я не был бы собой... Как тебе такая диалектика?

— Давай, — я тоже нагло перешел на «ты», хотя у меня буквально дрожали коленки, — поговорим о сострадании и прочих высоких материях при встрече.

— Хорошо. Адрес ты знаешь. Буду ждать тебя в воскресенье 29 июля в полдень.

— 9-го ава?

— Да, 9-го ава, — сказал он и повесил трубку.

Потом я минут пятнадцать сидел и приходил в себя, даже рассосал таблетку валидола. Собравшись с мыслями, я позвонил Анатолию, причем был предельно краток. Я сказал ему только, что все понял, но ему пока ничего сказать не могу, и что в субботу вечером я уезжаю в Москву, откуда надеюсь вернуться в понедельник. Тогда уж все и расскажу.

Он только сказал: «Ага, понял», — и повесил трубку.

Потом пришел слегка взволнованный Илья. Он принес свой долг, расшаркался перед Инной и рассыпался в благодарностях, преподнес ей роскошный букет чайных роз. Я достаточно подробно рассказал ему о своем психоделическом эксперименте, опустив только сюжет про вселенскую битву за Великий Приз. Я также честно признался, что блокировка прорвана, мне все стало понятно, но какие-либо подробности я смогу сообщить ему только к вечеру понедельника, не раньше. Илья деликатно не стал настаивать, хотя любопытство с полной очевидностью распирало его, и, попив чаю с овсяным печеньем, откланялся, попросив меня «обязательно звякнуть ему вечером в понедельник, а то спать не смогу».

В пятницу я в институт не пошел. Вместо работы я погулял у Петропавловки, перекусил в китайском ресторанчике «Золотой дракон у Зоопарка» (кутить так кутить!), а потом отправился в Князь-Владимирский собор к вечерне. Прихожан почти не было. Я купил свечку, поставил ее перед иконой Спаса Нерукотворного и встал сбоку, справа, в укромном уголке. Служба была самой обыкновенной, но мне и не нужно было ничего экстраординарного. Вовсе не считая себя христианином (я, следуя философу Проклу, полагал, что истинный мудрец должен быть посвященным всех религий), я перекрестился и обратился с молитвой к Иисусу, Воплощенному Логосу — Творящему Свету и Богочеловеку. Я просил Иисуса умудрить и просветить своего

брата, пришедшего из миров Нетворящих Светов, ибо не в силах моих предотвратить неизбежное и трагическое без его помощи, ибо они оба «Светы от Света, Бог истинный от Бога истинна, рождены, но не сотворены». Потом с подобной молитвой я обратился к Софии — Премудрости Божией, божественной Шехине. Всенощная оказалась полиелейной*, я подошел к миропомазанию и вскоре ушел.

В субботу, отоспавшись всласть, я поехал на Московский вокзал и не пожалел денег на купейный билет в пятом Николаевском поезде. Воскресенье должно было стать, мягко говоря, тяжелым днем, поэтому лучше было выспаться как следует. Я вернулся домой, поработал над диссертацией, положил в портфель зубную щетку и пасту (хотя в этом поезде, кажется, их так дают) и поехал на вокзал, на встречу с неведомым, ибо не имел ни малейшего понятия, что ждет меня в Москве и что я могу сделать, чтобы предотвратить божественное безумие Анти-Христа.

А о последующем вы можете узнать из следующей главы.

* То есть на ней исполнялся *полиелей* (греч. «многомилосердие») — торжественное пение 47 стихов 134 и 135 псалмов. Обычно полиелей совершается на праздничной утрени в дни великих и средних праздников, а также в определенные дни на воскресном всенощном бдении.

Интерлюдия десятая

В поездах, как я уже упоминал, я сплю плохо или вообще не сплю. Но на этот раз я уснул, стоило голове коснуться подушки. И сразу же начался сон...

Я оказался в прекрасном цветущем саду: все белое, деревья как будто покрыты бело-розовым благоуханным снегом — яблони, вишни, сливы, персики, абрикосы. Все полнится изумительным ароматом, и сад гудит от множества пчел, шмелей и майских жуков, тучами носящимися над цветущими кронами деревьев. Сплошной гул в волнах белой и розовой пены. Я прохаживаюсь между деревьями, наслаждаясь теплым влажным весенним воздухом, цветами и молодой изумрудной травой.

Вдруг передо мной прямо из воздуха, из ароматов и цветущей пелены соткалась изящная девичья фигурка то ли в белом, с цветами сливы, японском кимоно, то ли в китайском халате. Да и у самой девушки восточно-азиатская внешность: слегка раскосые глаза и иссиня-черные волосы, собранные в высокий шиньон.

Девушка обратилась ко мне. Ее голос мелодично звенел, словно маленький серебряный колокольчик:

— Гуляй по всему моему саду, но к ручью не подходи. Это опасно.

— Что? Почему? — хотел спросить я, но она уже растворилась в радужном сиянии.

Раздумывая над этим странным происшествием, я вновь двинулся по дорожкам сада и вскоре вышел к берегу небольшого ручья, бегущего в даль меж покрытых зеленой травой и цветущими деревьями холмистых берегов.

Несмотря на предостережение, я как-то совершенно автоматически спустился к воде и стал разглядывать ее блестящую под лучами солнца и слегка рябившую на легком ветерке воду.

И тут началось! Вода реки забурилась, и из нее на берег устремилась вереница странных существ — каких-то отвратительных зубастых карликов с длинными острыми когтями. И все эти карлики набросились на меня и стали рвать на мне одежду, толкая и таща к воде.

И вот я по колено — нет, уже по грудь — в воде, но меня продолжают тащить. Вода доходит до подбородка, ноздрей, накрывает меня с головой. Перед глазами красные круги...

Внезапно все меняется. Я стою среди самого безрадостного пейзажа, который только могу себе представить. Пустыня, глинистая почва, равнина, перемежающаяся редкими холмами. Ни деревца, ни травинки, ни былинки. Нет даже следов жизни. Темное мглистое небо, тревожный красный отсвет у горизонта. Ни ветерка, ни дуновения. Все мертво, все застыло в каком-то безжизненном штиле.

Раздается звук, напоминающий хлопанье больших крыльев — я настораживаюсь и замираю на месте. Прямо передо мной совершенно неожиданно приземляется нечто огромное, во всяком случае, выше и массивнее меня. С удивлением узнаю драконоида моих прежних видений. Он так же прекрасен и мерзок, как и раньше. Его кожистые крылья полузакрыты, голова качается из стороны в сторону.

— Ты предал нас. Вначале ты злоупотребил нашим доверием, выведал нашу тайну и остался жив. Теперь же хочешь погубить нас. Но нет! Погибнешь ты сам! Пока у нас еще есть верное средство контроля!

Тут он извлек откуда-то уже известную мне спираль, напоминающую молекулу ДНК.

— Кундабуфер, кундабуфер!* Великое средство управления смертными!

* Кундабуфер (ср. *кундалини* — примеч. на с. 79) — термин, изобретенный известным теософом и оккультистом Г. И. Гурджиевым (1866(?) — 1949) для обозначения той части головного мозга, где базируется так называемый «буферный» (четвертый) ум, который, в отличие от «инстинктивного», «логического» или «интуитивного» ума, является основным источником «неразумного» поведения человека и оттока положительной энергии из организма. Среди последователей Гурджиева широкое распространение получила гипотеза, что эта часть головного мозга была каким-то образом «имплантирована» виду *homo sapiens* несколько тысяч лет назад и содержит специальные программы управления человеческим поведением, препятствующие дальнейшему развитию человека в сторону разумности.

И драконоид разразился каким-то странным кудахтаньем, переходящим в рев.

Затем он взял спираль одной лапой и сильно сжал ее в одном месте. Меня пронзила неопишуемая боль, исходившая откуда-то из копчика и распространившаяся по всему позвоночнику до самой головы, до темени. Драконоид продолжал реветь. В этой боли горело и пылало все, все сторело во мне, все выгорело, и я пал ниц. Драконоид перехватил спираль и снова сжал ее своей когтистой лапой. Я забился в конвульсиях.

— Нет, не будет этого! — раздался у меня над ухом звенящий колокольчиком юный девичий голос.

Боль значительно ослабла, я повернул голову и увидел, что перед драконоидом стоит девушка из сада, но теперь на ней уже не кимоно и не халат, а развевающаяся мантия, напоминающая римскую столу.

— Не бывать этому! — вновь воскликнула она и скинула свое одеяние, упавшее на глинистую землю.

Девушка преобразилась. Вначале она стала зрелой женщиной неопишуемой красоты, затем глаза ее запылали огнем бешенства и гнева. Драконоид попятился. Трансформация моей девы-защитницы между тем продолжалась. Ее глаза метали молнии, на груди появилось ожерелье из человеческих черепов. Одна ее рука сжимала трезубец, другая держала пламенеющий меч. С ее губ капала кровь, ее зубы превратились в острые клыки, которые она свирепо скалила,

взирая на драконоида. И вот женщина взмахнула мечом и набросилась на него. Чудовище отступило на несколько шагов. Но напор воительницы был стремителен и неотвратим. Драконоид попытался взлететь, однако тут же потерял одно из своих крыльев, немедленно отброшенное мощной дланью с трезубцем в сторону, как можно дальше. Драконоид застонал и попробовал сбить свою противницу вторым крылом, но и в этом не преуспел. Воительница сбила его с ног ударом меча, нанесенным плашмя. Драконоид упал, и женщина пригвоздила его к земле своим трезубцем, а затем прыгнула ему на грудь и заплясала на ней, восклицая: «Э-ма-хо! Э-ма-хо!»

В ужасе я проснулся в холодном поту. В дверях купе стоял проводник и раздавал билеты. Я лежал на спине, и мой позвоночник мучительно болел. Пришлось встать на ноги.

«Вот дурак! — мысленно обругал я сам себя. — Не слезу, как сплю, вот остеохондроз и дает о себе знать».

Я взял билет у проводника, умылся и до прибытия поезда на Ленинградский вокзал Москвы успел съесть выданный еще накануне завтрак. Едва я закончил пить кофе, как поезд медленно подкатил к платформе вокзала и замер в ожидании исхода пассажиров.

*И твердь в виссон и пурпур облачает
Чертогов брачных красная свеча,
И снадобье священного врача
До времени умерших воскрешает.*

*Во чреве недр, во мраке царств Плутона
Росток рождается древа бытия.
Не жалит хвост свой древняя змея,
Простил Осирис смертный грех Тифона.*

*Пределы тьмы Дионис покидает,
Навек иссякли Желтые истоки,
Дитя свое Семела обнимает,*

*Лазурь Небес земную грудь лобзает,
Умолкли в изумлении пророки:
Титан Урана с Геей сочетается.*

Глава XI,

в которой все связывается и разрешается

На вокзале я неторопливо попил плохого растворимого кофе и поехал к Андрею. От метро «Юго-Западная» я пошел пешком, немного побродил вокруг дома Андрея и ровно в 11.59 нажал кнопку звонка его квартиры. Андрей открыл сразу же. На этот раз он был одет несколько, я бы сказал, экзотично — в нечто, подобное кроваво-красному хитону. Это облачение могло бы показаться даже комичным и уж точно претенциозным в современных интерьерах, если бы не выражение некоего жреческого величия на лице и вполне серьезной, ничуть не театральной торжественности в движениях Андрея, резко контрастировавшее с привычной для меня непринужденностью и естественностью его поведения. Впрочем, про естественность я зря. Никакой наигранности или позы в Андрее не было и сейчас: в качестве иерофанта он был столь же естественен, сколь и в качестве скромного научного сотрудника.

Широким жестом он пригласил меня проходить в гостиную, где на столе стояла менора*,

* Менора (ивр.) — семистольный светильник (семи-свечник), один из древнейших еврейских религиозных символов.

а перед ней — небольшой флакон с белыми кристаллами, смешанными с каким-то темным порошком. «Перец с солью, как в масти миттельшнауцеров», — подумал я. Разумеется, я сразу же догадался, что это за флакон.

— Ну что ж, — сказал Андрей, — у нас есть немного времени для разговора. Давай поговорим.

— По правде говоря, не знаю, что и сказать. Ты ведь и сам все знаешь и понимаешь лучше, чем я. Но *почему?*

Он прекрасно понял вопрос.

— Почему этот мир, и даже не один этот мир, а вся совокупность миров творения вплоть до эманационного мира *Ацилут** должны перестать существовать? Это ты хочешь знать?

Я утвердительно кивнул.

— Думаю, это больше нельзя назвать тайной. — Он улыбнулся. — Я охотно раскрою тебе ее, а уж что до ответа на твой вопрос... Пойду по стопам Достоевского, рассказавшего, как ты помнишь, своему брату историю про некоего помещика, собаку и крепостного мальчика. А я расскажу другую историю, но о том же.

* Согласно каббалистическим представлениям, существуют четыре мира, помещаемые между Эйн Соф («Бесконечное» — трансцендентное божество) и нашим земным миром: *Ацилут* (мир эманации и божества); *Брия* (мир творения и высших ангелов); *Йецира* (мир формообразования, главная сфера пребывания ангелов); *Асия* (мир становления — духовный прообраз материального чувственного мира).

Жила здесь в Москве одна семья: муж, жена и маленькая дочка. Жила бедно, еле-еле концы с концами сводила. И вот вообразил любящий отец, что дочка слишком много ест, весь семейный бюджет проедает. И решил он наказать девочку. Однажды, когда жена уехала навестить своих родителей, он позвал дочку ужинать. Вот приходит девочка на кухню, где они ели, ибо столовой у них, конечно же, не было, а на столе перед ней вместо ужина стоит ведро с водой. Ну знаешь, такое жестяное, литров десять-двенадцать. И папочка говорит ей: «Пей до дна». Ну девочка и стала пить. Пила-пила, и стало ей плохо, легла она на пол прямо там, на кухне и не движется. А отец накрыл ее пальтецом и пошел спать. Утром приходит мать и видит: девочка-то умерла. Ну как, Константин, достоин ли мир, где такое даже только возможно, права на существование? Скажешь: он сотворен Богом. А я, поверь, лучше тебя знающий о Боге и его природе, отвечу тебе словами поэта-суфия Джалад ад-дина Руми:

*Земля мне мать, а Небеса — отец,
Детей своих, как кошки пожирают.
Ни мать такую, ни отца такого
Я знать не знаю, знать не знаю.*

Что скажешь?

— Скажу, что ты похож на врача, который предлагает больному убить его, чтобы он не мучился от болезней: нет больного — нет и болезни.

— Этот мир и есть болезнь. И бунт, и плод бунта. Никто не умирает, никто не гибнет, как говорит Кришна Арджуне*. Материя, кожа *келпнот* — да, все это стинет и исчезнет, как никогда не бывшее. А дух, частица Предвечного Света, который есть Я... Эти частицы, сущие во всех и во вся, в тебе и в моем коте, которые и есть Я каждого существа, — о, они не погибнут! Они вернутся туда, откуда их исторгли бунтующие силы того же, как это ни прискорбно мне говорить, Света, — в Свет. Из Света изошли, в Свет и отойдут, и будут Светом, ибо они и есть Свет. Вот подлинное спасение мира, его освобождение от него самого, и возвращение всего истинно сущего в нем к нему самому, к его подлинной, внутренней природе. Как сказал поэт Серебряного века:

*Земное бремя, пространство, время —
Мгновенный дым!
Земное злое мы сбросим бремя,
И победим!
С тобою встречу в сиянье света,
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елизавета,
И ты, и я!*

Увы, те Светы, Светы бунта и творения, пробовали иные методы. И каков результат? Всякая

* Кришна и Арджуна — герои «Бхагавад-гиты», священного текста индуистской традиции, входящего в шестую книгу древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

мразь распинает Существо Света на кресте, вроде бы свершается искупление, нам, драконам, предлагают все это принять (мы, конечно, отвергли эти по меньшей мере наивные посулы) и освятить. И что же? А то, что воз и ныне там! Грязь не станет золотом, мерзость не превратится в святость! Если темно, то не может быть одновременно и светло. Мертвое не может жить, живое не может быть мертвым! Нет, нет и нет! Путь один, и я пройду его и проведу по нему мир благодаря этой ничтожной склянке, ибо, будучи отягощенным этой плотью, я не могу освободиться, не призвав на службу ту же плоть. Плотию плоть поправ!

Признаюсь, что от этого монолога мне стало жутковато. У меня возникла мысль схватить флакон и попробовать прорваться к двери, но как только эта идея пришла мне в голову, все тело мое онемело и я больше не мог шевельнуть ни рукой ни ногой.

— Видал миндал, — с улыбкой сказал Андрей, возвращая мне свободу передвижения.

Я понял, что все мои попытки силового, так сказать, решения проблемы обречены на провал еще на стадии зарождения самой мысли о них.

— Так ты действительно Анти-Христос и воплощение Нетворящего Света?

— Анти-Христос? Ишь что придумали... Занятно. Пожалуй, неплохо. В остроумии вам не откажешь. Что же касается моей несотворенной природы, то это и есть тайна, которую я хочу открыть тебе, ибо после длительной связи с тобой

через гипнотическое воздействие ты стал мне дорог. Пока я только рассуждал. А вот теперь узри же мою владычную йогу! И знай, что даже ангелы и архангелы трепещут, не смея созерцать тот мой облик, что я покажу тебе!

Несмотря на всю серьезность момента, мне показалось несколько курьезным, что Андрей — я буду называть его этим именем и впредь — решил вдруг заговорить языком «Гиты». Впрочем, очень скоро я понял, что этот язык выбран им как естественный и наилучший в данных обстоятельствах.

Андрей встал и закрыл глаза. И тут я стал свидетелем чудеснейшего преобразования, дивной и непостижимой трансформации. Тело Андрея вдруг замерцало и растворилось в радужном сиянии, а то место, где за мгновение до этого он стоял, превратилось в центр мощнейшего излучения слепящего и вместе с тем вводящего в иступленный восторг света, чистого и непорочно-го, белоснежного, сказал бы я, если сравнение света со снегом допустимо. Я еле сдерживался, чтобы не отвернуться или не пасть ниц и прижаться лицом к полу. Еще через мгновение на месте Андрея появился царственный дракон, блее всех снегов и всех лилий мира. Он был поистине прекрасен. Я зарыдал от счастья созерцания этой немыслимой красоты. Казалось, что дракон заполнял собой небо и землю, все космические и трансцендентные пространства, и вместе с тем он спокойно помещался в комнате скромной московской квартиры. Если

драконоиды моих видений были и прекрасны, и отвратительны, то теперь я созерцал чистую красоту, от которой отнимался язык и мысли путались и бежали прочь. Дракон поднял свою величественную голову вверх и расправил исполинские крылья, прошедшие сквозь туманности и галактики. Его пасть — прошу прощения за это грубое слово — открылась, и он издал рев, трубным гласом распространившийся по всем мирам вплоть до Колесницы Всевышнего. Вместо языков пламени из пасти вырвались потоки слепящего белого света, затопившие все сущее и растворившие его в себе.

«Вот он, нетварный Фаворский Свет», — мелькнула в моей голове мысль.

Тем не менее, преодолев немоту, я нашел в себе силы по памяти процитировать «Гиту»:

— Если я по недомыслию оскорбил тебя запа nibратским поведением, о Владыка, смилостивиться я тебя умоляю, ибо волею же твоею я не ведал о твоей божественной природе. Нестерпим для смертного твой истинный облик, о Свет изначальный! Молю тебя: верни свой человеческий облик ныне, о Совершенный!

В мгновение ока все прекратилось. Свет померк, дракон сжался и обрел человеческий облик. Передо мной вновь стоял Андрей в красном хитоне.

— Теперь, Константин, ты видел все и во всем удостоверился. Ныне пришло время свершиться тому, что должно свершиться. Не искупление мира, в которое верят христиане, и не поддержа-

ние его сомнительной гармонии соблюдением заповедей, как то мыслят иудеи, а возвращение Святого в Святое, а нечистого — в небытие!

С этими словами Андрей взял со стола флакон с препаратом, вынул плотно притертую стеклянную пробку и поднес горлышко флакона ко рту. Уловив мой удивленный взгляд, он улыбнулся и сказал:

— О, мне не угрожает передозировка. Поэтому к чему мудрить с трубкой и курением?

Он вновь поднес флакон ко рту, высыпал почти все его содержимое на язык и проглотил несколькими глотками. В этот момент пронзительно зазвонил звонок и в дверь изо всех сил забарабанили, вероятно, даже ногами.

— Откройте, откройте! Федеральная служба безопасности! Иначе будем ломать!

Поскольку ничего не происходило и Андрей продолжал стоять с абсолютно отрешенным выражением на лице, я бросился к двери и открыл ее. Чуть не сбив меня с ног, в гостиную ринулся Анатолий и в остолбенении остановился.

Дело в том, что к этому моменту Андрей уже осознал, что с медикаментом неладно, — попросту говоря, он не действует. Королев затравленно посмотрел вначале на меня, потом на Анатолия, и бросился к открытому окну. Анатолий, не раздумывая, прыгнул на него, но или опоздал, или Андрей опять использовал свои сверхспособности. В результате Анатолий больно ударился грудью о подоконник и рухнул на колени, а Андрей буквально ласточкой нырнул в окно. Я кинулся

к окну и выглянул в него. Поднявшийся с колен Анатолий сделал то же самое.

Распростертое тело Андрея с вывернутой шеей и нелепо раскинутыми руками лежало внизу. На какую-то долю мгновения мне показалось, что над его человеческим телом появилось полупрозрачное тело белого дракона, который судорожно захлопал крыльями, пытаясь взлететь. Однако его как будто бы не отпускала земля: асфальт втягивал его в себя. Дракон издал жалобный крик и исчез, поглощенный земной стихией; провалился в недра планеты, на которой он ненадолго воплотился. Снова в преисподнюю, снова в бездны техиру! Над телом Андрея склонилась женщина в черном, поднялась, вздохнула, как мне показалось, и, покачав головой, растворилась в дневном летнем воздухе...

Рев милицейской сирены привел меня в чувство.

— Пойдемте вниз, — сказал Анатолий. И мы пошли.

*Титан Урана с Геей сочетает,
Небесный корень пестует земля,
В безумной пляске брата корабля
Огонь небесный в сердце обретают.*

*Покой блаженства Женственное дарит,
Цветок лилейный в бездне бытия.
И три семьи — уже одна семья,
И амриту отшельник-йогин варит.*

*Алхимик шепчет: ртуть, свинца коснись!
И в средоточье поля эликсира
Бессмертия зародыш, появься!*

*Вот парус бытия наполнил бриз
Невещного нетленного эфира:
Зерно, в земле погибшее, родись!*

*Зерно, в земле погибшее, родись!
Родись, сожженный молнией экстаза,
Вернись, герой полуночного сказа,
Из пепелища, город, возродись!*

*И пали на лице ученики,
Когда в блистанье пребывал Учитель,
Когда с бессмертными стоял Спаситель,
Благословя движением руки.*

*И грань меж небом и землю тает,
И очи зрят невидимую даль.
Мгновенье-вечность время обнимает,*

*И сердце ум к высотам восхищает,
Сияет ярко праздничный алтарь,
Бог-Агнец славу Отчюю являет.*

Эпилог

Вечером этого памятного дня мы с Анатолием сидели в его скромном гостиничном номере и обсуждали происшедшее. Наше объяснение с приехавшей милицией и следователем оказалось, во многом благодаря статусу Анатолия, весьма кратким. Как я понял, уголовное дело по факту самоубийства возбуждено не будет, ибо картина вполне понятна: психическая неуравновешенность и эмоциональный стресс. Меня только предупредили, что если родственники все же настоят на возбуждении дела, меня вызовут как свидетеля. Тем не менее сил возвращаться домой в тот же день у меня не было, и я решил задержаться в Москве еще на сутки, а Анатолий, у которого был двухместный номер, пригласил переночевать у него.

Меня, собственно, интересовал один вопрос: почему не подействовал препарат. Анатолий очень быстро рассеял все мои недоумения:

— А это вовсе и не был ДМТ-Ф. Плацебо, пустышка. Препарат был подменен — нами, конечно, — в день, когда вы, прости, ты, вдруг, вроде бы ни с того ни с сего, в первый раз отправился к Королеву в Москву. Несанкционированное проникновение в жилище гражданина, хе-хе... Твой приезд был очень кстати. Королев несколько взволновался из-за твоего неожиданного по-

явления и утратил бдительность, иначе он с его парапсихическими способностями немедленно обнаружил бы подмену. Так что никаких тайн. А оригинал уже давно возвращен в институт и хранится теперь в особом сейфе, оттуда его уже не возьмешь.

— Значит, он не обладал всеведением?

— Определенно нет. Во-первых, его, конечно, ограничивало человеческое тело. Во-вторых, он не мог полностью освободиться духом из узилища техиру — один коготок дракона, так сказать, увяз. Вероятно, если бы он прорвался в область свободы, то полностью реализовал бы свою божественность и тогда...

— М-да...

Мы минуту помолчали, осушив по стакану пива.

— А скажи, Толя, как вы все же вообще узнали, что препарат украл он?

— Да после твоего рассказа как Головачеву в институте, так и мне у Сергея эту задачку решил бы любой, прости меня, идиот, не находящийся под гипнотическим воздействием, силу которого наш дракон явно переоценил. Мы проверили, и все подтвердилось.

— Что же ты мне не сказал, а морочил голову, поощряя на всякие выходки. Этот сейф Ильи, например...

— Говорить было бесполезно. Стена гипноза не позволила бы тебе это принять. Все должно было развиваться своим ходом, естественно и спонтанно. И оказалось, что именно такая тактика и привела нас к грустному, но положи-

тельному результату. Теперь ты скажи мне, как же ты догадался, что я из ФСБ? По-моему, ты этому ничуть не удивился сегодня, там, у Андрея, и вроде бы уже все знал.

— Так, результат некоего прозрения после психоделического сеанса, побочный такой результат. Но Сереге я все же уши надеру, равно как выскажу свое «фэ» и Троллю. Тоже мне, друзья и коллеги, называется.

— Мы их очень просили... Надо сказать, Сергей Соловьев не очень-то и врал, когда рекомендовал меня как оккультиста и герметиста. В конце семидесятых — начале восьмидесятых я и действительно был вольным оккультистом с диссидентским кукишем в кармане. Скажи мне тогда, что в органах буду служить, здороваться бы перестал. А лет десять тому назад, когда я увидел, как разные оккультные сюжеты вторгаются в жизнь общества и государства, причем весьма трагическим или, по крайней мере, драматическим образом, я понял, что надо менять позицию, тем более что и власть сменилась, и страна обновилась... И вот теперь ФСБ. Согласись, здорово мы все это разгадали.

Я признал. Что было, то было.

Мы поговорили об Андрее. При всем ужасе, который вызывал его — неважно, исполнимый или неисполнимый — замысел, нам обоим было его жаль: его душа «страдала и любила», так пусть и «рай откроется для любви». К полуночи, когда на полу выстроилась внушительная батарея опустошенных бутылок «Клинского», а мы почувствовали себя выжатыми лимонами, при-

шло время ложиться спать. Но долго еще перед моими глазами стоял невыразимо прекрасный образ белоснежного дракона, заполняющего собой и своим сиянием всю вселенную. Мои глаза стали влажными, мне было грустно, но грусть моя была светлой — я впервые до конца понял этот образ Пушкина. Я заснул и мне снились какие-то неопределенные, но умиротворяющие образы...

На следующий день я распрощался с Анатолием, прогулялся по Москве и на четверть часа заехал на квартиру покойного Андрея, где обнаружил Полину Моргенштерн — приятную и элегантную даму, и кота — господина Отто. В Питер я вернулся «Авророй» и к полуночи уже был дома к радости Инны. Филипп, кажется, был тоже рад, но виду не подал.

На следующий день я зашел в институт и договорился с Константином Ивановичем, что со следующего понедельника уйду в отпуск, после чего сразу же написал соответствующее заявление, подписал его у внезапно появившегося в институте Георгия Тиграновича, прошептавшего мне на ухо: «Спасибо вам, голубчик, мне уже обо всем сообщили», и отнес в отдел кадров.

Выходя из института, я снова осознал тот момент, когда моей ладони коснулась массивная медная дверная ручка, но я впервые подумал, что, может быть, распрощаюсь с институтом и раньше, чем жизнь распрощается со мной.

Потом пошла череда дней, занятых работой над диссертацией и прогулками с Инной. Однажды я обратил внимание на то, как громко и торже-

ственно звонят колокола Князь-Владимирского собора. Я вспомнил, что как раз сегодня 18 августа, канун дня Преображения Господня. Я зашел в храм. Хор величественно пел: «Да воссияет и нам, грешным, Свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!»

И последний штрих. Господин Отто теперь живет у меня, ест «Кити кэт» и сметану и вполне доволен жизнью.

*Бог-Агнец славу Отчую являет,
И пламезарный пенится фиал,
Вином пьянящим полнится бокал,
И Божий Град подвижник созерцает.*

*Конец тревог. Начало всех путей,
Восторг труда, надежд свершенье.
Завета нерушимо исполненье,
Как нерушима преданность людей.*

*И страждет дух божественных чудес,
Пока еще в беспамятстве томится,
Пока еще глумится мелкий бес.*

*Но луч зари уже окрасил лес,
И словно Книги Бытия страницы
Открылись в лучезарности небес.*

FINIS CORONAT OPUS

Санкт-Петербург,
май–август 2002 г.

о г л а в л е н и е

Ю. С. Довженко. «Академический экшен» Евгения Торчинова	5
Пролог	15
Глава I, в которой рассказывается о том, как благородный муж получает приглашение на конференцию, а высокопоставленный чиновник произносит речь	17
Интерлюдия первая	40
Глава II, в которой неожиданный гость открывает мистические тайны, а старый друг повествует о добре и зле	46
Интерлюдия вторая	71
Глава III, в которой незнакомец просит о помощи, а ученая дама доказывает, что она отнюдь не морская свинка	77
Интерлюдия третья	99
Глава IV, в которой молодой талант отправляется в Порт Ароматов, где он страдает от жары, тогда как ученые мужи внимают его рассуждениям	104
Интерлюдия четвертая	129

Глава V, в которой наш герой теряет сознание, а в кабинете высокого начальства обсуждается опасное происшествие	133
Интерлюдия пятая	156
Глава VI, в которой появляются и крепнут подозрения, а некий юноша оказывается зрелым мужем	162
Интерлюдия шестая	177
Глава VII, в которой благородные мужи рассуждают о Христе и Анти-Христе, а также о Незнакомке и о многом другом	186
Интерлюдия седьмая	206
Глава VIII, в которой повествуется о поездке в столицу и о новых надеждах и опасениях героев . .	209
Интерлюдия восьмая	227
Глава IX, в которой один благородный муж отслеживает другого, а также о том, чем эта слежка закончилась	231
Интерлюдия девятая (Самая важная из всех!) . .	248
Глава X, в которой почти все становится понятным	255
Интерлюдия десятая	265
Глава XI, в которой все связывается и разрешается	271
Эпилог	281

Евгений Алексеевич Торчинов

ТАИНСТВЕННАЯ САМКА
трансперсональный роман

Директор издательства Ю. С. Довженко
Художник П. П. Лосев
Оригинал-макет А. Б. Левкина

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.
Тел. (812) 430-99-21. E-mail: gumak@mail.ru
www.humak.ru

Подписано в печать 01.11.2012. Формат 70×90^{1/32}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.7.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3454

Первая Академическая типография «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., д. 12

За это время я занялся
сочинением романов – все
вокруг пишут, почему бы не
попробовать? – и написал
некий текст... Там много
умных разговоров,
трансперсонализма,
каббалистической и прочей
мистики, элементы фэнтези
и детектива. Постмодерн
такой, одним словом...

Е. А. Торчинов

ISBN 978-5-93762-082-8

9 785937 620828